ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

#6 '03



ЧТО НАПИСАЛ БОРИС СТРУГАЦКИЙ


Красивому кораблю
нужен парус...
...а молодому автору
– литагент!
Присылайте свои рукописи, архивированные программой WinZip,
по адресу lit2003@list.ru. Литературное агентство «Звездной дороги»
готово помочь вам с публикацией фантастических и детективных книг.

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

журнал фантастики # 6 '03

Содержание



Главный редактор *Александр Ройфе*
Редактор *Василий Мельник*
Издатель *Игорь Огай*

Над номером работали: Сергей Кабанов, Алевтина Горева, Александр Набоков. **Использованы фотографии** Д.Новикова (Митрича). **На обложке** – коллаж Б.Аникина.

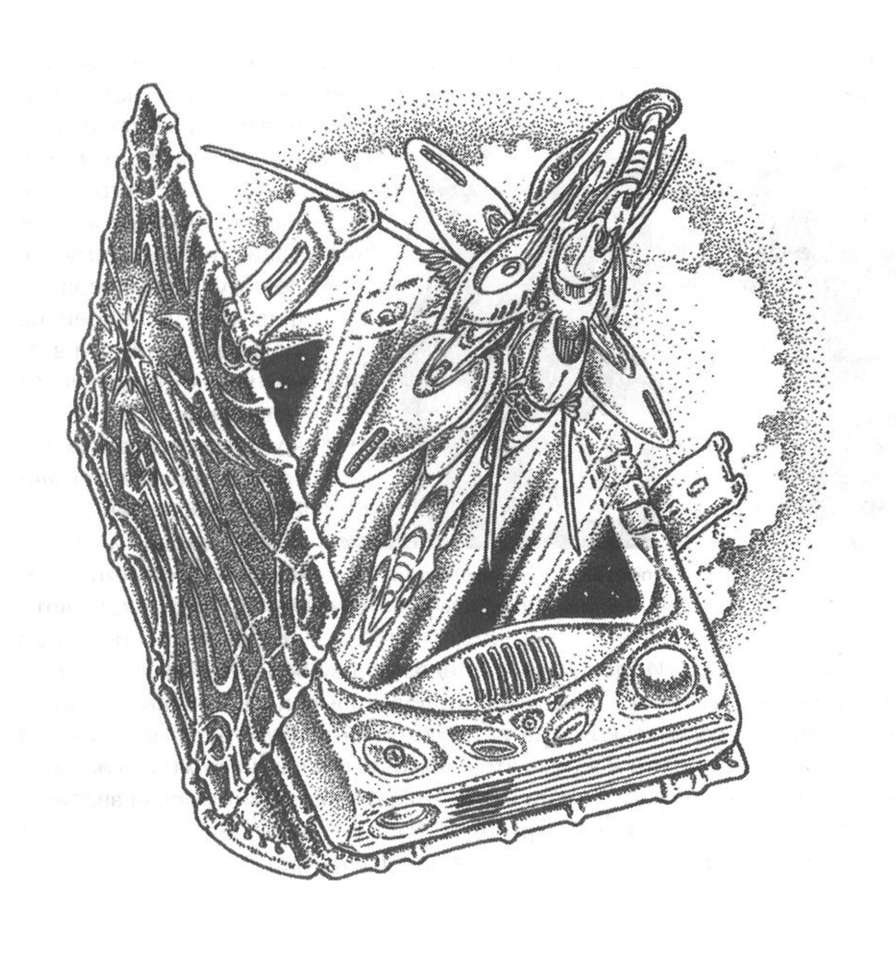
Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. Юридический адрес: 143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. **Тел./факс** 563-55-54. **Электронный адрес:** starroad@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/starroad.

Подписано в печать 30.05.2003. Формат 60x88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1500 экз. Зак. № 2268.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»: 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

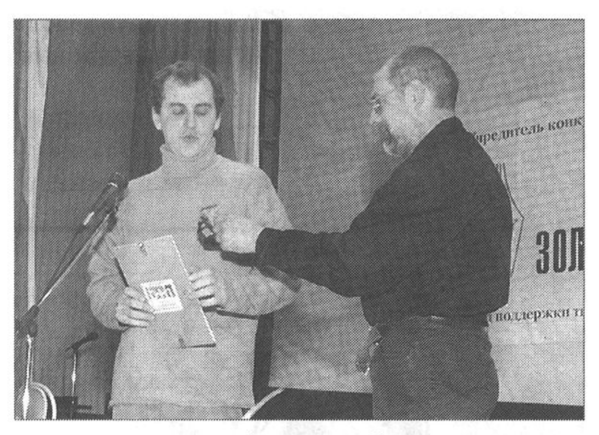




1–4/V Состоялся «Интерпресскон»

Санкт-Петербург. Традиционная встреча поклонников фантастики, которую в майские праздники устраивает в окрестностях северной столицы Александр Сидорович, в нынешнем году прошла в курортном поселке Репино, в пансионате «Буревестник». Впрочем, насладиться прелестями курортной жизни участникам конвента было трудно: три дня из четырех лил нескончаемый дождь, а побережье Финского залива из-за скопившихся на нем льдин напоминало кусочек Антарктиды. Оставалось сосредоточиться на «фантастических» мероприятиях, которых было много – хороших и разных.

Во-первых, читались доклады. Владимир Березин, побывавший недавно на могиле Александра Грина, рассказывал о восприятии творчества этого писателя в прошлом и в настоящем. Сергей Бережной продемонстрировал недюжинные познания в истории американского масскульта: его сообщение было посвящено Тени – популярному персонажу комиксов и фильмов. А Андрей Ермолаев с цитатами в руках уличал издательство «Центрполиграф» в некорректности при подготовке к печати романов Роберта Хайнлайна.



Александр Сидорович вручает приз Олегу Овчинникову

Но доклады – это, так сказать, «сольный» жанр. Те же, кто предпочитал «хоровое пение», пришли на дискуссию «Империя и мы», ведомую двумя политическими антагонистами в фантастике – Дмитрием Володихиным и Святославом Логиновым. Конечно, собственно к фантастической литературе она имела отношение косвенное – но что ж в этом страшного, если участникам было интересно? Те же слова можно отнести к выступлению группы «Зимовье зверей» и презентации альбома Юлия Буркина «В Разлив!», выпущенного специально к «Интерпресскону»: оба мероприятия прошли на ура...

Как водится, вручались призы. Начали с Беляевской премии, которой отмечают лучшие научно-популярные и научно-художественные произведения (полную информацию об этой награде читайте в разделе «Научный



фронтир»). Продолжили премией «Бронзовая Улитка», каковую вручает лично Борис Стругацкий (в 2003 году ее получили: Сергей Лукьяненко за роман «Спектр», Алан Кубатиев за повесть «В поисках господина П.», Андрей Лазарчук за рассказ «У кошки четыре ноги...», Геннадий Прашкевич за воспоминания «Малый Бедекер по НФ»). Затем раздали премии «Интерпресскон», присуждаемые по результатам голосования участников конвента. Здесь успеха снова добился Сергей Лукьяненко со «Спектром», а в двух других прозаических номинациях победил Олег Дивов с повестью «Закон лома» (впервые напечатана в «ЗД»!) и с рассказом «Параноик Никанор». Остальными лауреатами стали: Дмитрий Байкалов и Андрей Синицын (статья «Волны»), издательство «АСТ», художники Анатолий Дубовик (обложки) и Владимир Бондарь (внутренние иллюстрации), Борис Завгородний (за дебютную книгу «Рось квадратная, изначальная»), Олег Овчинников (за миниатюру «Удиви меня»). И наконец, вручили премию «Русская фантастика», обладателя которой выбирают посетители и редакторы одноименного интернет-портала. Ее получил Святослав Логинов за роман «Свет в окошке».

Наш корреспондент задал несколько вопросов «двойному» триумфатору Олегу ДИВОВУ:

– В течение недели вы получили целый набор призов. Тут и «Сигма-Ф», и «Беляевка», и сразу два «Интерпресскона»... Вам нравится получать премии?

– А кому не нравится? Покажите мне этого мутанта! Конечно, для профессионального текстовика важней всего тиражи, но все-таки одними деньгами наша работа не оплачивается. Мы трудимся для живых людей, и иногда очень важно чувствовать ответное тепло их сердец. И премии – это как раз такие вот теплые камушки.

– А какую премию вы считаете настоящей? Той, о которой всю жизнь мечтали?

– Нобелевскую премию по физике – но за литературное произведение. Чтобы собрался народ и сказал: «Вот, парень такие офигенные книжки пишет – давайте ему премию по физике дадим!»

– Но ведь Беляевскую премию вам дали как раз не за тиражи или лихо закрученный сюжет...

– В рассказе «Вредная профессия» сюжет как раз хороший. Не будь этого рассказа, я не угодил бы в авторский коллектив сборника «Сосуды тайн» и не было бы никакой Беляевки. В принципе, она вручается за научно-просветительскую деятельность и культурологические исследования, так что это она и есть – репетиция моей Нобелевки.

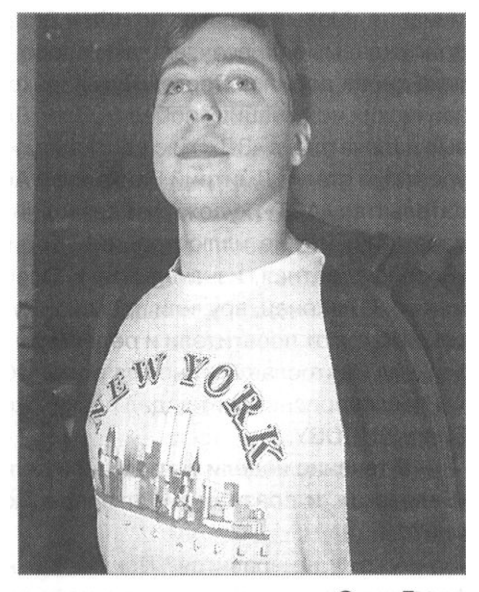
– А чем вы порадуете читателей в нынешнем году?

– До конца года я намерен сдать в «ЭКСМО» два тома. Это будет давно обещанный трудящимся тошнотворный роман про нелегкую жизнь русских

народных вампиров – теперь он называется «Ночной смотрящий». И сборник всякой мелочевки в оригинальной авторской редакции. Матерщины не ждите, но всякие вкусности там будут. Хотя я подумываю: не засунуть ли туда парочку экстремальных текстов?

– Судя по вашему ответу, слухи о том, что вы покидаете фантастику, безосновательны?

– Ну, года два я точно здесь. На самом деле рамки остросюжетной литературы вообще и фантастики в частности мне становятся тесноваты. Это, конечно, не значит, что я бросаю писать. Литература со мной еще намучается.



Олег Дивов

– А что значит для вас литература?

– Тут надо разнести профессиональное и личное. В профессиональном смысле – это постоянный вызов на поединок, в котором литература нарушает правила игры. Бывает, упражняясь с художественной формой, чувствуешь: ты уже настолько хорош, что сам себя боишься. А потом берешь с полки книгу автора N с миллионными тиражами, смотришь, как она написана, и не можешь понять, кто из вас козел. Судя по тиражам – ты.

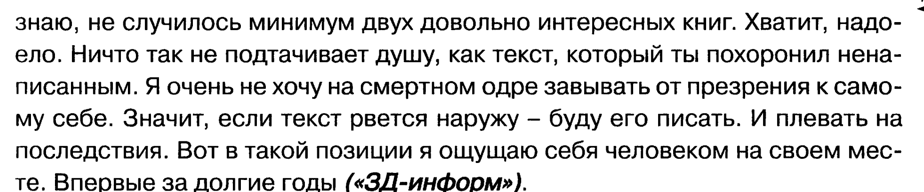
А в личном плане литература – ревнивая и коварная женщина, которая умеет ждать и бить в слабое место.

– И в какое же слабое место она ударила вас?

– Затянувшийся творческий кризис повлек за собой кризис семейный. Мне пришлось выбирать, перехожу ли я в разряд второсортных коммерческих авторов – и все равно на этом пути моя семья рушится к чертовой матери, – или я пытаюсь добиться большего. С теми же бытовыми последствиями.

– Стало быть, хороший парень в вас поцапался с писателем... И кто одержал верх?

– Я всегда был готов платить за право быть собой. И пусть я на этом пути сдохну – хотя не дождетесь! – но у меня в проекте очень интересные тексты, которые должны увидеть свет. Рано или поздно. Я не позволял профессии диктовать мне линию поведения в жизни, и из-за этого, я совершенно точно



знаю, не случилось минимум двух довольно интересных книг. Хватит, надоело. Ничто так не подтачивает душу, как текст, который ты похоронил ненаписанным. Я очень не хочу на смертном одре завывать от презрения к самому себе. Значит, если текст рвется наружу – буду его писать. И плевать на последствия. Вот в такой позиции я ощущаю себя человеком на своем месте. Впервые за долгие годы ***(«ЗД-информ»)***.

14/V «Бастион» расстался с монетами

Москва. На семинаре молодых фантастов «Бастион» в первый раз вручили «домашние премии». Семинар существует с 2000 года при одноименной литературно-философской группе. Его участники проголосовали за произведения, обсуждавшиеся на семинарских занятиях в течение последних двенадцати месяцев. Наибольшее количество голосов получила повесть А.Дубинина «Сердце трубадура». Ее автор удостоен премии «Королевский золотой-2003». Вторая премия – «Императорский рубль-2003» – была присуждена коллегией из пяти человек. На этот раз она досталась Олегу Марьину (за повесть «Шарманщик»).

Обе награды предполагается сделать ежегодными ***(Дмитрий Володихин)***.

17/V Присуждена Премия Артура Кларка

Лондон. Роман английского писателя Кристофера Приста «Разделение» («The Separation») принес своему автору престижную Премию Артура Кларка. Эта награда вручается ежегодно за лучшее научно-фантастическое произведение, изданное в Великобритании. Церемония вручения по традиции состоялась в лондонском Музее науки, а призом, как обычно, стали гравированная табличка в форме подставки для книг и денежная сумма, «равная» текущему году (в 2003-м – 2003 фунта стерлингов).

Стоит отметить, что Прист, начавший печататься в середине 60-х, получил Премию Кларка впервые, хотя в 1996-м и 1999-м годах уже выходил в финал с романами «Престиж» и «Крайние точки». Только с третьего раза судейская коллегия, которая состоит из двух представителей Артура Кларка, двух представителей Британской научно-фантастической ассоциации и



представителя Музея науки, отдала предпочтение одному из самых талантливых английских фантастов (в нашей стране издавались его романы «Опрокинутый мир» и «Машина пространства») ***(«ЗД-информ»)***.

23/V Международная гильдия хоррора выбрала лучших

Стали известны обладатели премий Международной гильдии хоррора по результатам 2002 года. Их выбрало жюри, сформированное гильдией, причем результаты его работы были обнародованы путем размещения пресс-релиза в Интернете, хотя обычно это делается «вживую» на каком-либо конвенте. Но у Международной гильдии хоррора, основанной в 1995-м, так и не сложилось прочной дружбы с организаторами самых известных конференций, посвященных «ужастикам» и «темной фэнтези», – «Драгонкона» и Всемирного конвента хоррора. На последнем из этих мероприятий, состоявшемся в апреле, были объявлены номинационные списки, но – не сами победители. И вот кто ими все же оказался:

в номинации «Живая легенда» – Чарльз Грант;

в номинации «Роман» – Дэн Симмонс за «Зимнюю охоту» («A Winter Haunting»);

в номинации «Дебютный роман» – Александер Ирвин за «Компанию девиц» («A Scattering of Jades»);

в номинации «Большая повесть» – Томас Лиготти за произведение под названием «Моя работа еще не сделана» («My Work Is Not Yet Done»);

в номинации «Короткая повесть» – Элизабет Хэнд за «Павану повелителю воздуха» («Pavane for a Prince of the Air») и Дэйл Бэйли за «Смерть и выборы» («Death and Suffrage»);

в номинации «Рассказ» – Дон Тумасонис за «Видовые открытки» («Prospect Cards»);

в номинации «Авторский сборник» – Чет Уильямсон за книгу «Силуэты под дождем» («Figures in Rain»);

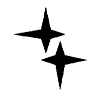
в номинации «Антология» – сборник «Dark Terrors 6»;

в номинации «Нехудожественная книга» – Рэмси Кэмпбелл за сборник «Возможно: Эссе о хорроре и разновидностях фэнтези» («Probably: Essays on Horror and Sundry Fantasies»);

в номинации «Графический роман» – Клайв Баркер за «Абарат» («Abarat»);

в номинации «Периодическое издание» – «The Magazine of Fantasy & SF»;

в номинации «Художник» – Джейсон Ван Холландер ***(«ЗД-информ»)***.



27/V–4/VI Прошла Неделя русской фантастики

Москва. В столичном Доме книги на Новом Арбате и в нескольких его филиалах прошла Неделя русской фантастики. В эти дни в магазинах можно было увидеть ведущих российских фантастов, печатающихся в крупнейших издательствах: с читателями встречались Василий Головачев, Сергей Лукьяненко, Роман Злотников, Олег Дивов, Макс Фрай, Мария Галина, Ольга Елисеева, Алексей Калугин, Евгений Гуляковский, Виталий Пищенко, Ант Скаландис... По результатам Недели Дом книги вручил ее участникам дипломы: Сергей Лукьяненко был отмечен за самую многолюдную презентацию, издательство «АСТ» – за самые ходовые книги, издательство «Вече» – за вклад в развитие отечественной фантастики.

Накануне Недели русской фантастики ее организаторы объявили литературный конкурс на лучший фантастический рассказ среди студентов московских вузов. Тема конкурса – «Россия, год 2103». Как было сказано в официальном пресс-релизе, «критерием отбора победителей будут являться не только литературные достоинства, но и знание истории и культуры своей Родины».

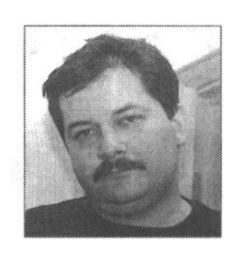
Прием рассказов на конкурс уже завершен. Его итоги будут подводиться российскими издателями и посетителями сайта www.mdk-arbat.ru независимо друг от друга. А призы победителям вручат в сентябре ***(«ЗД-информ»)***.



ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ



Только у нас!



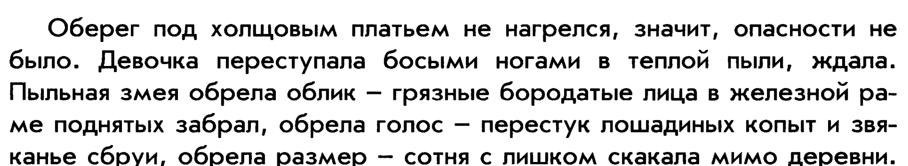
Сергей Лукьяненко

ПЛЕТЕЛЬЩИЦА СНОВ

Сергей Лукьяненко, без всякого преувеличения, самый яркий отечественный фантаст последних лет. Может, и найдется пара-тройка авторов, чьи книги издаются большими тиражами, но по количеству литературных наград и рецензий в прессе, по количеству поклонников и завистников равных Сергею, пожалуй, нет (разумеется, речь о ныне живущих писателях). А самое главное — Лукьяненко умеет писать так, что его произведения с интересом читают молодые и старые, знатоки жанра и дилетанты. Можно только представить, насколько возрастет его популярность с выходом на ОРТ в конце года телесериала «Ночной дозор», поставленного по одноименному роману... А скоротать время в ожидании этого сериала поможет фэнтезийный рассказ, переданный автором в «Звездную дорогу».

Третью неделю стояла беспогодица. Ни дождя, ни солнца, серая хмарь в небе и тяжелый мертвый воздух у земли. Пыль над дорогой поднималась лениво, с неохотой, но уж поднявшись – опускаться не желала, тянулась пухлой серой змеей от самого горизонта.

Девочка замерла у колодезя, опустив полную бадейку на бревенчатый приступок. Пыльная змея все ползла и ползла по дороге, будто сказочный дракон, разучившийся летать. Девочка давно уже не боялась дракона, но сейчас с тревогой оглянулась на недалекое село. Пыль поднималась слишком быстро для каравана: торговцы не станут зря гнать груженых лошадей... Девочка быстро запустила руку за ворот.



Оберег под холщовым платьем не нагрелся, значит, опасности не было. Девочка переступала босыми ногами в теплой пыли, ждала. Пыльная змея обрела облик — грязные бородатые лица в железной раме поднятых забрал, обрела голос — перестук лошадиных копыт и звяканье сбруи, обрела размер — сотня с лишком скакала мимо деревни.

Девочка не умела считать до ста. Но и она, приоткрыв рот, смотрела, как проносятся мимо — ни на нее, ни на деревню внимания не обращая — самые первые и самые нетерпеливые рыцари в запыленной броне. Все рыцарство королевства выступило в путь — и стража Южных Лесов в зеленых плащах, и отважные Морские Рыцари в голубых шлемах, и надменные Королевские Защитники в серебристых доспехах.

Один из рыцарей остановился у колодезя. Хриплый голос произнес:

— Позволишь ли напиться воды, милое дитя?

Девочка не ответила, лишь отступила на шаг. Звякнули доспехи, когда рыцарь спрыгнул с коня и поднял бадейку. В его руках она казалась игрушечной. Конь, пользуясь минутной передышкой, опустил голову и принялся щипать траву.

Остановился второй рыцарь — конь пританцовывал на обочине, конь не устал и рвался в путь.

— Оставь и мне, — попросил второй голос, веселый и молодой. — Эй, селянка! Это и есть деревушка Последние Холмы?

Девочка несмело кивнула. Второй рыцарь ей понравился больше: его доспехи ярко блестели, эфес меча украшали разноцветные камешки. А первый все еще пил — струйки воды мыли дорожки на пыльном нагруднике.

— Слыхала ли ты о Плетельщице Снов, девочка? — спросил Молодой, принимая бадейку. — Нет ли в деревне женщины, носящей это имя?

Девочка покачала головой.

— Говорят, ваша колдунья красива и обладает великой силой, — продолжал Молодой. — Быть может, это ее имя?

Девочка прыснула от смеха. Снова покачала головой.

— А правда ли, что дальше по дороге притаился дракон? — вытирая губы, поинтересовался первый рыцарь.

Девочка улыбнулась. Рыцарь был такой старый, а верил в сказки!

Остановились еще несколько. Бадейка переходила из рук в руки. Гремело железо, недовольно фыркали кони, чуявшие воду.

Коней к воде не пускали.

Девочка застенчиво, исподлобья поглядывала на рыцарей.

— Немая, — предположил кто-то. — Друг на дружке женятся-мужатся, вот и ходит полдеревни немых.

— Горелый Замок — он далеко? — спросил старый рыцарь.



Девочка замотала головой, ткнула рукой – даже в этой хмари видны были белые стены на далеком холме.

– И впрямь, – щурясь, сказал рыцарь. Взмыл в седло – легко, будто и не неся на себе тяжелого железа. Девочка подумала, что такому сильному человеку ничего не стоит поднять из колодезя десяток полных бадеек. – Спасибо, милое дитя, да хранят тебя боги!

И вот уже рыцари унеслись вслед за товарищами. Опустевшая бадейка лежала в пыли у дороги. Изредка, подстегивая коня, проносились вслед отставшие. Некоторые, посовещавшись, даже свернули в деревню.

– Вовсе не немая, – прошептала девочка вслед рыцарям.

Встав на цыпочки, она перевалила бадейку за сруб. Подождала, пока бешено крутящийся ворот не остановился, а из колодезя не донесся гулкий плюх. Ухватилась за рукоять и медленно, с натугой сделала первый, самый тяжелый, оборот. Трудно носить воду от дороги, но здесь самый глубокий и чистый колодезь.

– Погоди... – Ладонь в металлической перчатке перехватила рукоять.

Девочка зачарованно смотрела, как молодой рыцарь крутит ворот. Сильно, но неумело, будто этот труд был ему непривычен.

– Я почему вернулся, – рассуждал вслух рыцарь. – Время у нас есть, успеем. А такой крошке тяжело носить воду. Надо же чем-то отблагодарить тебя, правильно?

Девочка подумала и улыбнулась.

– А ты пока расскажи мне про деревню, – попросил молодой рыцарь.

Горелый Замок отряд окружил на закате. Ров высох и зарос бурьяном, проломленные стены уже начали осыпаться.

– Здесь нет дракона, – сказал старый рыцарь, слезая с коня. – Тридцать лет назад я проезжал в этих местах, тогда дракон еще был. Теперь его нет.

– Но легенды... – возразил Молодой. – Злой дракон, отважный герцог и его красавица-дочь...

Старый усмехнулся:

– Легенды говорят, что стены черны от огня, а призрак старого герцога бродит ночами окрест...

Железный лязг оглашал округу. Большая часть рыцарей уже спешилась. Некоторые вошли во двор замка через разрушенные ворота, ведя в поводу коней. Другие расположились на поросшем травой холмистом лугу.



Век, а может быть, чуть меньше миновало с тех пор, как на месте этих холмиков стояли дома.

– Но село-то сгорело, – кивая на луг, сказал молодой рыцарь.

Старый кивнул:

– Приметливый... Села всегда горят. Но поверь, мы не найдем в этих руинах драконицы по имени Плетельщица Снов. А те, кто остался в деревне, не найдут мудрой колдуньи, носящей это имя.

– Там есть колдунья, – заметил молодой рыцарь.

Старый зевнул и принялся расседлывать коня.

– Колдуньи есть всегда... Много наших осталось в деревне?

– Пять... десять... – Молодой стал расстегивать доспехи. Кожаные ремешки затянулись в тугие узлы, и ему приходилось нелегко. – Ты уверен, что она вообще есть?

– Плетельщица Снов? – старый рыцарь засмеялся. – Конечно. Верховный Маг никогда не шутит.

– Разучился шутить, – поддержал его Молодой.

– Никогда не умел. – Старый снял седло. Посмотрел на молодого рыцаря. – Скажи, почему ты решил стать Верховным Магом?

– Хорошая работа, почет, уважение. Достойно служить людям острым мечом, но еще интереснее послужить им волшебными чарами. А ты?

Старый рыцарь засмеялся:

– Моим костям становится неуютно в седле. Может быть, им больше понравится на троне из слоновой кости в башне горного хрусталя? Пусть другие ищут драконов... там, где их давно нет. Заглянем в замок?

Молодой поморщился: он только успел снять доспехи.

– Они нам не понадобятся, – успокоил его старый рыцарь. – Ты же не думаешь всерьез, что нам придется махать мечом? Ослабь мне завязки на спине...

Пока Молодой помогал Старому выбраться из доспехов, тот негромко произнес:

– Быль никогда не нуждается в небыли, друг мой. Не увлекайся небылью.

– О чем ты? О драконе?

– Сказочном? Который сожрал герцога и влюбился в его дочь? – Старый рыцарь засмеялся. – Ты говорил о...

– Звере! Я говорю только о чудовищном звере, разорившем замок!

– Ну давай, посмотрим твоего зверя, – миролюбиво согласился Старый.

Привязав лошадей и оставив рядом доспехи, рыцари пошли к замку.



Старый снял и куртку, оставив от стеганого гамбизона только штаны, а из оружия – кинжал в поножах. Молодой упрямо шел в коже и перепоясавшись мечом.

– Какая красота, – оглядывая замок, говорил Старый. – Сейчас так уже не строят.

Молодой с сомнением смотрел на руины. А когда они входили в зияющий провал ворот, провел рукой по камням.

– Гляди!

На пальцах остался мелкий белый пепел.

– Пожар был, – согласился Старый. – Вот только при чем тут драконы?

Во дворе царила радостная суета. Кто-то из рыцарей обнаружил, что половина дворцовой библиотеки уцелела от пожара. Тяжелый деревянный шкаф тут же вытащили наружу, и теперь искатели приключений делили находку.

– Вдруг там есть... – начал Молодой.

– Книга «Плетельщица Снов»? – усмехнулся Старый. – Да, если умеешь читать, то можно и поискать.

– Рыцарь, Взыскующий Мудрости, умеет, – напомнил Молодой. – Он был в монахах.

– Пошли. – Старый засмеялся. – Пошли в пиршественный зал. Твоя драконица могла уместиться только в нем.

По ветхим лестницам и закопченным переходам они прошли в зал – и пиршественный, потому что тут были остатки огромного стола, и тронный – потому что каменный трон уцелел от огня.

Здесь, в скорбном молчании, с десяток рыцарей собрались вокруг исполинского скелета. Череп драконицы лежал на каменном сидении трона, рассыпавшийся позвонками хвост пробил витражное окно. Чешуя большей частью прикрывала скелет, но кое-где уже осыпалась на пол.

Один из рыцарей, опустившись перед скелетом на колени, плакал – и не скрывал своих слез.

Старый рыцарь нагнулся, подобрал хитиновую чешуйку. Повертел в руках, поскоблил кинжалом. Пробормотал:

– Девять колец. До тысячи не дотянула, бедная...

– А ты говорил – нет тут драконов! – возмутился Молодой.

– Это не дракон, это костяк, – парировал Старый. – Драконов чуешь за пять-шесть лиг. Они выдыхают сернистый газ, вонь стоит повсюду. Эта уже лет пять как сдохла, раз все выветрилось. На!

Он протянул Молодому чешуйку.

– Зачем?



– Тарелку сделаешь, сноса не будет. Или возьми большую, от загривка. Хороший мастер окует железом, выйдет славный щит.

– А золото? – спросил Молодой. – Монеты, цепочки, кольца...

Старый нагнулся, с натугой выломал из лапы коготь. Тот был размером с хороший кинжал.

– И как ты это себе представляешь? Такими лапами – кольца с трупов снимать?

Молодой подозрительно посмотрел на Старого.

– Ладно, покажу. – Старый подобрал обугленное, но еще прочное древко от давно истлевшего флага, пошел вдоль скелета. На середине остановился, пинками и ударами палки выломал десяток чешуек, протиснулся в образовавшуюся дыру между кривых желтоватых ребер. Рыцари возмущенно повернулись в его сторону.

Через минуту Старый вернулся, весь в пыли и каких-то лоскутках, похожих на старый пергамент. В руках у него был увесистый золотистый слиток.

– Вот. – Он протянул слиток Молодому. – Фунтов двадцать будет. Дракон жрет людей целиком, без разбору. Вместе с одеждой, оружием, украшениями. У него девять желудков, и там все переваривается – кроме золота, серебра и драгоценных камней. Все это сплавляется в комки и остается внутри. Ну, как у гусей в зобу камешки...

– «Ганс, златых дел мастер», – с удивлением прочитал Молодой клеймо на выступающем из слитка бокале. – Пшла прочь! – Он пнул выскочившую из драконьего костяка прямо ему под ноги крысу.

– Крысолов бы здесь не помешал, – согласился Старый. – И все-таки крыс очень мало, кто-то их жрет...

Продолжая беседовать, они вышли из пиршественного зала. За их спиной рыцари принялись ломать чешую.

Солнце уже зашло, а во дворе прибавилось рыцарей. И не только рыцарей – среди них стояли древний ссохшийся старец и юная девушка – бледная, большеглазая и красивая. Старый и Молодой подошли ближе.

– Цирюльник пустил папе кровь, и ему полегчало. Ночью мы ушли из города и странствовали ночами, пока не наткнулись на эти руины, – рассказывала девушка. – Люди боялись приходить сюда, и мы обрели пристанище. Потом чума прошла, но мы уже привыкли. Папа ловит кроликов в силки, а я собираю дикие травы... Вы не обидите нас?

– Вам нечего бояться, милая дама! – воскликнул кто-то из самых молодых и пылких. – Вас никто не обидит!

– Если только вы сами не попросите об этом, – сострил кто-то менее романтичный и сам же засмеялся.



Старый улыбнулся, похлопал Молодого по плечу:

– Идем... надо напоить коней. Завтра снова в путь.

– Думаешь, та драконица – не Плетельщица Снов? – оглядываясь на девушку, спросил Молодой.

– Нет. Ее звали Глупая Ленивица. Драконы не дают имена зря – только глупая и ленивая молодая драконица позволила бы себя убить.

– Убить?

– А что же ты думаешь, она поперхнулась герцогской короной?

Старый рыцарь долго чистил коня, потом мылся в ручье сам, потом достал брусок и принялся править кинжалы. Молодой сидел и задумчиво смотрел на темный силуэт замка. В небе появлялись звезды – крупные, цветные, отрада астролога и звездочета. На лугу осталось не больше двух десятков рыцарей: остальные решили ночевать в руинах замка.

Где-то над замком тоскливо и прощально крикнула сова.

Молодой рыцарь бесшумно поднялся. Взял меч – и исчез в ночи.

Он то шел, то бежал, скрываясь в ночных тенях. Прижимаясь к обгорелым до белого пепла стенам, прошел во внутренний двор.

Костры уже потухли, багровым светом сочились угли. Некоторые рыцари спали под открытым небом, некоторые – в палатках. Молодой рыцарь достал меч из ножен и пошел на тихий чмокающий звук. По пути он дважды натыкался на закутанные в походные одеяла тела товарищей.

Но те не просыпались.

Лезвие меча коснулось горла девушки, когда та пила кровь из шеи Рыцаря, Взыскующего Мудрости.

– Как тебя зовут, ночная тварь? – спросил Молодой.

Вампирша повернулась – ее лицо уже не было бледным.

– Что тебе мое имя? – прошептала она.

– Если ты – Плетельщица Снов, то я не стану тебя убивать.

Вампирша на миг задумалась. В темных глазах что-то мелькнуло – зеленые лужайки, детские качели, солнечный свет...

– Когда я еще была дочерью герцога, – сказала вампирша, – меня звали Эвели. Но если ты хочешь, я сплету для тебя самые удивительные сны...

За спиной Молодого два отточенных кинжала вонзились в спину старого герцога. Из горла вампира хлынула чужая свежая кровь, и он рухнул на землю – все еще продолжая тянуться к Молодому.

– Убивай, – посоветовал Старый. – В ней нет мудрости, которую мы ищем.

Вампирша закричала голосом тоскующей птицы – и те из рыцарей,



кто еще оставался в живых, тревожно заворочались в своем колдовском сне.

Молодой ударил мечом.

– Колья – это суеверие, – сказал Старый. – Но я и сам ужасно суеверен. У стены растет осина, обруби две ветки потолще...

Взыскующий Мудрости застонал во сне – и оскалился в нехорошей гримасе.

– Три ветки, – с грустью поправился Старый.

Утром поредевший отряд двигался по горной дороге. Рыцари молчали. Старый и Молодой скакали в хвосте. Здесь земля была слишком камениста и пыль почти не поднималась.

– Герцог жестоко отомстил драконице, – негромко сказал Старый. – Не знаю, помогла ли ему колдунья... если так – то позор ее цеху! Но, скорее всего, он нашел вампира и сам попросил об укусе. Они с дочерью пили кровь драконицы долгие годы, они сполна расквитались с глупой и ленивой тварью. И все-таки поразительно! Такое мудрое племя – и такая постыдная смерть. В семье не без урода...

– Откуда ты это знаешь? – спросил Молодой.

– Прочитал когда-то.

– Ты же не умеешь!

– Кто тебе сказал? – возмутился Старый.

Отряд поднимался все выше и выше в горы.

– Спасибо, что помог, – признался Молодой.

– Не за что, – усмехнулся Старый.

– Я тоже хочу помочь тебе, – серьезно сказал Молодой. – Я понял, чего добивался Верховный Маг.

– Ну-ка, ну-ка! – заинтересовался Старый.

– Он указал нам направление и велел искать Плетельщицу Снов. – Молодой фыркнул. – Якобы только она может превратить рыцаря в великого мага. Странно, да? Никто и никогда не слышал о такой... мастерице. А есть ли она вообще?

– Начало хорошее, – одобрил Старый.

– Думаю, дело не в ней, – предположил Молодой. – Магическая сила – она в нас самих, в глубинах нашей души. Путь заставляет нас лучше познать самих себя, найти эту скрытую силу!

– Что же будет дальше? – вздохнул Старый.

– Дальше – новое испытание, – предположил Молодой. – Вероятно, никакой Плетельщицы Снов мы не найдем. Но тот, кто постигнет самого себя, найдет в душе и мудрость, и отвагу, и человеколюбие...



— Постой! — оборвал его Старый. — Что-то творится впереди!

Он пришпорил коня и унесся вперед.

Дорога уходила в ущелье, ущелье перегораживала каменная стена в рост высотой, сложенная из бревен и валунов.

Ехавшие первыми рыцари вели переговоры со стражей баррикады.

— Мы посланы Верховным Магом в опасный и трудный поход! — кричал один из самых уважаемых рыцарей, бывший королевским защитником на четырех последних турнирах. — Позвольте нам проехать!

Как ни странно, его собеседником была женщина. Немолодая, но еще красивая. И очень, очень воинственная.

Одетая лишь в кожаный жакет и соблазнительно короткую юбку, она стояла на стене.

— Ни один мужчина не войдет в наше селение! — отвечала она. — Мы ушли сюда от ваших притеснений и отстоим свою свободу! Если угодно торговать — мы обменяем сукно и шкуры на стрелы и зерно! А ваши вонючие объятия нам не нужны!

Молодой рыцарь в восторге посмотрел на Старого.

— Во дает!

— Иногда это болезнь, но бывает и дурная привычка, — кивнул Старый. — Однако девочки настроены воинственно.

— Не нужны нам ваши объятия! — возмутился королевский поединщик. — Я хочу поговорить с главным... с главной... кто тут у вас управляет?

— Старшая из Сестер, Прядильщица Основ! — отвечала женщина. — Но она не снизойдет до разговора с мужчинами!

Рыцари заволновались. Поединщик отъехал к товарищам.

— Плетельщица Снов... Прядильщица Основ... — доносилось от сгрудившихся в толпу рыцарей. — Верховный Маг давно уже косноязычен!.. Но пристойно ли нам, рыцарям, выйти на бой...

Молодой рыцарь обернулся.

Старого рядом не было.

Молодой развернул коня и неспешно двинулся прочь из ущелья. Кто-то из товарищей его окликнул — он с готовностью разъяснил:

— Проверю местность, нет ли засады!

Тропинка, ведущая в обход ущелья, была такой наезженной, что Молодой даже удивился — как ее сразу не заметили.

Смирный конь старого рыцаря шел первым — спокойно и неторопливо. Горячий гнедой Молодого то и дело норовил ускорить шаги, невзирая на открывающуюся внизу пропасть.



– Жак, тихо, – бормотал Молодой на ухо коню. – Тихо, Жак...

Старый рыцарь с улыбкой поглядывал на молодого.

Наконец тропинка расширилась и стала пологой. Рыцари поехали рядом.

– Еще одно испытание, – с удовольствием рассуждал Молодой. – Сразу понял. Ну, почти сразу... Все уже устали от пути – и с радостью поверили в схожесть имен.

Старый одобрительно кивнул.

– А про тропинку ты тоже читал? – спросил Молодой.

– Нет. Но сам посуди: если дорога не заброшена, а безумные бабы никого дальше не пускают, то должен быть обходной путь.

Они ехали вверх, путь был еще труден, но уже не слишком опасен. Иногда снизу доносилось эхо воинственных кличей.

– Страж была симпатичная... – вздохнул Молодой. – Чего же нам ждать дальше?

– Перевала, – меланхолично ответил Старый. – Маги и волшебники, особенно имеющие страсть к учительству, обычно селятся у перевалов. До вечера мы найдем Плетельщицу.

– Так быстро? – поразился Молодой.

Старый вздохнул.

– Верховный Маг отвел нам на поиск ровно неделю. Мы в пути уже три дня.

Молодой нахмурился.

Они проехали еще с лигу, когда тропинка вывела их к перевалу. Чуть в стороне от дороги, притулившись к скале, стояла маленькая белая башня. Рядом крошечным водопадом падал со скалы ручеек, в сарайчике квохтали куры, в маленьком садике тянулись из бедной земли перья лука и бурые листья салата.

Окна башни светились ярким колдовским светом.

Старый рыцарь остановился. Здесь было так холодно – особенно под железными доспехами...

– Ты же не станешь бить меня в спину? – спросил он Молодого, отставшего на несколько шагов.

– Нет! – пылко воскликнул Молодой. И тут же признался: – Не стану врать, мне пришла в голову эта подлая мысль... Нет и нет!

– Так что же мы сделаем? – спросил Старый. – Ведь только один из нас получит от Плетельщицы Снов дар магии...

– Давай мы решим этот спор честным поединком! – предложил Молодой. – И не до смерти, а как на турнире, тупыми копьями...

Старый рыцарь вздохнул:

– Что ты... Силой и ловкостью ты превосходишь меня. Конечно, ко-

варными приемами я могу взять верх, но это не будет честным поединком... – Он развернул коня, посмотрел на товарища. – Езжай ты первым.

– Ты мудр и опытен, – пробормотал Молодой. – Что же, меня там ждет засада?

– Нет, – развеселился Старый.

– Тогда в чем подвох? Видимо, это испытание на благородство? И пропуская меня первым, ты тем самым становишься достоин...

Старый рыцарь засмеялся:

– Да что ты... Я надеюсь лишь на то, что у тебя нет склонности к магии. Или же ты не понравишься Плетельщице Снов, и она тебя ничему не научит.

– Слово рыцаря?

– Слово чести, – серьезно ответил Старый. Спешился и стал заботливо отирать бока коню.

Молодой спрыгнул с коня, тоже достал тряпицу, нетерпеливо поглядывая на белую башню.

– Иди уж, – добродушно сказал Старый. – Почищу и твоего гнедого, мне не зазорно.

Молодой рыцарь отворил незапертую дверь и вошел в башню Плетельщицы Снов.

Мед и вереск, душица и кардамон, мята и джусай, анис и тимьян – сотни запахов наполняли воздух, сливаясь в единый аромат.

Жизни бы не хватило различить в нем каждую отдельную ноту – столько трав отдало свой запах в колдовское варево.

Хозяйка сидела за столом, спиной к очагу. Над жарким огнем булькал закопченный котелок, источая дурманящие запахи. Молочно-белым светом сиял хрустальный шар, водруженный поверх стопки старых пергаментов. Сушеные травы и корешки лежали на столе рядом с маленькими аптекарскими весами, а еще тысячи пучков свисали с потолка и гирляндами опоясывали стены.

Плетельщица Снов была очень стара. Но в глазах ее светилась мудрость, а черты лица – исполнены такого благородства, что Молодой упал перед ней на колени.

– Приветствую тебя, Плетельщица Снов, – прошептал он. – Я – один из рыцарей, посланных в поиск Верховным Магом королевства. Верховный Маг устал от трудов, и ему нужна смена...

Плетельщица Снов вздохнула.

Ободренный, молодой рыцарь продолжил:

– Я прошел через все испытания, Плетельщица Снов. Вначале я по-



мог маленькой девочке набрать воды. Это мелочь, да, но ведь маг должен быть добрым даже в мелочах!

Старуха одобрительно кивнула.

– Потом, – продолжил Молодой, – мы достигли Горелого Замка. Все считали, что в замке живет страшный дракон. Но дракон давно издох. Это тоже урок, верно? Память о зле живет куда дольше самого зла. Любое зло – глупо и лениво, оттого и обречено. Вот что я вынес, увидев останки драконицы!

– Хм, – сказала Плетельщица Снов.

– Но в замке мы встретили еще и старого герцога с дочерью, – с жаром продолжил Молодой. – Они спаслись от драконицы и решили отомстить. Для этого им пришлось стать вампирами... они убили чудовище и попытались убить нас. Наши мечи принесли им упокоение. И это очень важный урок! Когда добро пытается победить зло его же методами – оно лишь превращается в еще большее зло, отвратительное и безобразное!

– Ого, – прошептала Плетельщица Снов. Старческие глаза с удивлением взирали на молодого рыцаря.

– И, наконец, последнее испытание! – живо воскликнул Молодой. – Торный путь был закрыт перед нами. Все... почти все рыцари предпочли обмануться и приняли безобидную больную женщину за тебя, Плетельщицу Снов. А в это время узкая горная тропа вела меня к твоей башне. Это испытание на терпение! Нельзя поддаваться соблазну легких и широких путей. Вот...

Плетельщица Снов размышляла.

Молодой рыцарь встал с колен. Глаза его сверкнули отвагой и юношеским восторгом.

– Итак, в чем же заключалось задание Верховного Мага? – сказал он. – Думаю, в том, чтобы достойный рыцарь прозрел и возмужал в пути! Ведь человек – это не вещь в себе, человек – мера всех вещей, он может и должен постичь самого себя! Теперь я чувствую в себе силу! Ты ничего не можешь мне дать, Плетельщица Снов! Я уже всего добился! Я вернусь – и стану новым Верховным Магом!

Плетельщица Снов потупила глаза.

– Я прав? – торжествующе спросил молодой рыцарь.

– Ты сам все сказал, – призналась старуха.

– Благодарю тебя! – И, низко поклонившись, Молодой вышел из башни.

Старый посмотрел на Молодого – и улыбнулся.

– Ты достиг своей цели?

– Да! – Молодой вскочил на протестующе заржавшего коня. – Спасибо... став Верховным Магом, я никогда не забуду твоих советов!

– Я рад... – Старый вздохнул. – Ты уже уезжаешь? Я предпочел бы переночевать.

– Спешу. – Молодой виновато развел руками. – Отдохни, друг. Буду рад тебя видеть в башне из горного хрусталя!

Он пришпорил коня и опасно быстро поскакал назад по тропинке.

Старый рыцарь еще раз вздохнул и вошел в башню Плетельщицы Снов.

Старуха сидела в той же позе.

– Здравствуй, Плетельщица, – уважительно склонив голову, сказал старый рыцарь. – А ты совсем не изменилась. Время не властно над тобой.

– Здравствуй, повзрослевший рыцарь, – улыбнулась старуха. – Время – это сон. Я помню вчерашние сны... помню и тебя.

– Он хороший рыцарь, – махнув рукой на дверь, сказал Старый. – Очень быстро все схватывает.

– Вот только не умеет слушать. – Старуха покачала головой. – Ищет лишнее... сновидение в сновидении... смысл в смысле...

– Все мы так поначалу... – Старый рыцарь сконфуженно оправил бороду. – Ладно, Плетельщица. Меня послал Верховный Маг, он хочет удалиться на покой. Как заведено, созвал он лучших рыцарей и велел найти Плетельщицу Снов, дабы одарила она достойнейшего магической силой...

– Я Плетельщица Снов и, как заведено, награждаю достойнейшего магической силой, – кивнула старуха. – Сними же котелок с огня и выпей волшебный отвар.

Елена Хаецкая



ИЗ ЗАПИСОК КОРНЕТА ЛИВАНОВА

Как известно каждому школьнику, «Герой нашего времени» — сугубо реалистическое произведение, в основе которого — личный опыт Михаила Юрьевича Лермонтова, служившего на Кавказе. Так обстоит дело в привычной для нас реальности... А в непривычной, где русские офицеры охраняют границы возрожденной империи на отдаленных планетах, тоже есть «Герой нашего времени», и он тоже вполне реалистичен. Правда, имеется подозрение, что тамошнего Лермонтова зовут Елена Владимировна Хаецкая...

Два офицера

Князь Владимир Вячеславович Мшинский – большой сноб. Так про него говорят. А уж если про офицера N-ского легко-глайдерного полка говорят, что он сноб, то страшно представить, что бы про него говорили, будь он штатским.

Я имел несчастие столкнуться с высокомерием его сиятельства в самом начале своего поприща. И память об этом происшествии до сих пор я храню в том уголке души, куда люди сваливают всякий сор и вздор.

Случилось это так.

Окончив в Петербурге школу подпрапорщиков, я был определен в N-ский полк, расквартированный на Варуссе. Туда мне следовало отбыть после выпускного праздника, бала, устроенного для нас воспитан-



ницами Смольного института, и недельного отпуска, проведенного мною в родительском доме, в городе Гагарине Смоленской губернии.

С улыбкой беспечности прощался я с призраками моего детства, примерял перед зеркалами новенькую, с иголочки, форму N-ского полка и в Соловьиной роще давал пылкие клятвы своей кузине. Мать всплакнула и перекрестила меня; отец же, втихаря от нее, снабдил меня некоей суммой и двумя ящиками домашней нашей наливки. Денщиком мне был отряжен дворовый человек Мишка, бывший до этого моим дядькой в Петербурге. Почтовый транспорт забрал меня с Земли и, не торопясь, повлек в сторону Варуссы.

Добирался я на перекладных-почтовых, и чем дальше удалялся от Земли, тем медленнее протекало мое путешествие. С пылом, свойственным юности, я в дороге изобретал различные реформы и нововведения, непременно необходимые в нашей дорожной службе. Через три недели моя горячая фантазия услужливо уже предлагала мне способы изощренной расправы над смотрителями станций. Наливка была выпита, деньги подходили к концу, а новенькая форма приобрела бывалый вид, словно уже участвовала в какой-нибудь кампании.

На станции недалеко от планеты К*** ожидание было особо тягостным. Смотритель взглянул на мою подорожную так, точно один вид ее вызвал у него изжогу. Транспортов не было. В буфете водились только синтетические цыплята, которых по скверной традиции всегда подавали окоченевшими. Еще был чай, пахнущий неземными мышами, и пряники, которые следовало прежде употребления как следует отбить рукоятью лучевого пистолета.

Для развлечения господ проезжающих на станции имелся кибер, играющий в вист, клопштосс и на биллиарде. Как все киберы подобного рода, он был запрограммирован на сугубое жульничанье и носил на себе следы многочисленных рукоприкладств. У него, в частности, был вырван клок волос и напрочь отбито ухо. При ходьбе он припадал на левую ногу.

В четвертый день моего пребывания на этой Богом забытой станции, когда я успел уже расписать все пыльные окна вензелями Его Императорского Величества и, каюсь, своими собственными; когда уже были истреблены почти все насекомые, населяющие казенный матрац казенной кровати, передо мною мелькнул луч надежды.

К станции пристал малый частный транспорт весьма аккуратной и изящной конструкции. Пилот, степенный мужик в сюртуке из синего казакина, немедленно принялся забирать топливо. Помогал ему денщик, одетый в парадную форму рядового N-ского полка. При виде полковой формы сердце мое оживилось в радостном предчувствии. Я даже не



удивился, что денщик в парадном, хотя обыкновенно излюбленной одеждой нижних чинов является камуфляжная пятнистая ерундистика из грубой бумазеи.

– Поди узнай, чей транспорт, – велел я Мишке.

Скоро он воротился и доложил:

– Князя Мшинского, N-ского полка ротмистра. Они сами нынче в буфете кофий пьют.

Я поспешил привести себя в порядок и бросился в буфетную со всех ног. Положение мое было щекотливым. Подпрапорщик, конечно, не может навязывать свое общество ротмистру, но тем не менее обязан отдать ему честь и доложить о своем присутствии. Однако же я не сомневался, что его сиятельство князь Мшинский проявит радушие и окажет помощь будущему однополчанину.

Аромат крепкого кофия, распространившийся на всю буфетную, привел меня в изумление. Невозможно было даже заподозрить, что напиток такого качества мог обнаружиться на полке здешней кухни. Кофий был натуральный.

Позже я узнал, что князь возит повсюду не только собственный кофий и прибор для его употребления. С ним в дороге находилась вся необходимая ему посуда, съестные припасы и личный повар-француз. Князь не признавал синтетической стряпни и кушал только домашнее.

Когда я вошел, он сидел за столиком, накрытым скатертью с гербом Мшинских – медведем, волокущим бревно. Перед князем стояла на блюдце крошечная кофейная чашечка, такая изящная, что страшно было бы взять ее в руки. Откинувшись на спинку стула, князь Мшинский читал газету. Его усы иронически шевелились, брови были задраны на самый лоб, а лицо имело такое кислое выражение, словно он хотел сказать по поводу прочитанного: «Право, что за вздор!»

Мужчина он оказался крепкий, с сильными руками и ногами. Но так как князь не считал это признаком изящества и хорошей породы, то держал он себя в расслабленном, томном состоянии. Очевидно, он долгие годы учился утонченно отставлять мизинец, жеманно двигать губами и нашивал корсет. Ко всему вдобавок князь постоянно держал кверху кисти рук, чтобы к ним не приливала кровь.

Красно-черный доломан и голубые рейтузы, пошитые у лучшего петербургского портного, были бы уместны в Летнем саду или в кондитерской Вольфа. Окружающая действительность в виде нескольких квадратных саженей буфетной и без присутствия князя смотрелась убого. Теперь же она вопияла к космосу.

Дочитав юмористический рассказ, вызвавший у него короткий приступ недоумения, князь Мшинский перевернул газету и принялся знако-

миться с передовицей. Взор его остановился, брови вздернулись так высоко, что слились с волосами. Князь сюсюкающим голосом сказал: «Тэк-с», пошевелил носом и перевел глаза на меня.

Я щелкнул каблуками и рапортовал о себе.

Во взгляде ротмистра отразилось какое-то тоскливое чувство. Однако он, продолжая сюсюкать, сказал:

– Оч'нь п'иятно, оч'нь п'иятно, подп'апо'щик... э... К нам, зн'чит?

У него вышло даже не «к нам», а «к ням». При этом он протянул мне два пальца, которые мне пришлось пожать. Страшно конфузясь, я сказал «так точно» и замер.

Он тоже попал в ситуацию затруднительную. У князя было две возможных линии поведения. Он мог сказать «п'исоединяйтесь!» – и поддержать знакомство с новоопределившимся будущим офицером. Мог сказать «вы свободны», и я, откозыряв, удалился бы. Но князь не желал моего общества, при этом стесняясь открыто избежать последнего. Посему сесть он не предложил, но и не отпустил меня. Вместо этого князь Мшинский махнул газетой и произнес:

– Вот-с, говубчик, что пишут в газетах! На пе'вой же повосе. Пишут, что 'ождаемость на пванете К*** заметно повысивась, и в этом – засвуга г-на губевнато'а. Каков пашквиль?

Не зная, что и ответить, я стоял истуканом. Положение мое спас станционный смотритель. Извиваясь ужом и мелко трясясь, смотритель доложил, что заправка завершена. Князь зевнул, сложил газету в трубочку, лениво и грациозно прихлопнул ею пробегающего по стене таракана и поднялся. Денщик, явившийся тут же, словно раб лампы, мгновенно уложил скатерть и прибор в несессер. Кофий он допил, ловко закрывшись локтем.

– Ну-с, говубчик, п'ощайте же, – молвил князь с заметным облегчением.

– Не угодно ли вашему сиятельству взять попутчика до Варуссы? – намекнул смотритель, сладчайше улыбаясь. Мшинский покосился на меня с испугом, а после выразил всем лицом легкое сожаление.

– Увы, у меня чегтовская теснота, – заявил он. – Г-ну подп'апо'щику будет неудобно.

Я откозырял ему в спину, а про себя подумал: «Ну и тип!»

– Вп'очем, – повернулся князь уже от самой двери, – я довожу о вас повковому команди'у. Может быть, он п'ишлет за вами т'анспо'т.

Впоследствии выяснилось, что ротмистр не только не доложил обо мне, но и напрочь забыл о моем существовании. Когда нас формально представляли, он снова протянул мне два пальца и снова сказал: «Оч'нь п'иятно, подп'апо'щик... э... К нам, знач'т?»



В полку князь держал себя так же, даже с равными себе. У всех офицеров мнение на сей счет было одинаковым. Даже наш полковник Комаров-Лович иногда говорил, задумавшись: «Бог его знает, тяжелый человек... но хороший офицер», – всегда прибавлял он, спохватившись.

Полковник – человек добрейшей души – однажды очень пострадал из-за ротмистра. Это случилось во время проверки. Приехавший генерал Ц*** целый месяц инспектировал отдаленные гарнизоны, чрезвычайно мучился от летней жары и был зол как черт. Перед смотром он вздумал проверить глайдеры, и тяжелая рука Провидения направила его в первую очередь именно к машине князя. Генерал вылетел из кабины с почерневшим лицом.

– Очки мне втираете, да?! – закричал он. – Что вы мне подсунули? Это не боевая машина! В ней слишком чисто!

Особенно генерала возмутили сафьяновая подушечка, лежавшая на сидении, крахмальные занавески на боковых иллюминаторах, белые лайковые перчатки на панели управления и надушенный платок из тончайшего батиста, обнаруженный в бардачке.

Полковник осмелился заметить, что этот глайдер – настоящая боевая машина и летает на ней настоящий боевой офицер, недавно отличившийся в деле при оазисе Пай-Гай. А то, что ротмистр воюет в белых перчатках, – так это уставу не противоречит. Но генерал остался при особом мнении. Тем более что прочие глайдеры офицерского состава оказались в привычном генералу состоянии. Он утвердился в мысли, что ему специально подсунули «ненастоящий» глайдер. Словом, полковнику нашему «напекло затылок». Финалом инспекции послужил конфуз, произошедший в офицерском клубе.

Среди традиций уважающих себя глайдерных и легко-глайдерных полков есть одна непременная – наличие полкового любимца из числа бессловесных. N-ский полк располагает в этом качестве ручной фоссой по кличке Аста. Это рыжая с подпалинами, очень веселая, ласковая и вороватая тварь. По капризу природы она постоянно линяет, отчего мундиры офицеров довольно часто покрыты ее шерстью, каковая очень трудно счищается. Аста обожает лежать на чьих-нибудь коленях и не может жить без чесания ее живота. Есть у нее еще одно обыкновение, из числа прискорбных: попадая в офицерский клуб, она непременно пачкает на ковре в курительной комнате.

За этим занятием ее и застал генерал. Инстинктивно фосса его очень боялась и избегала попадаться ему на глаза. А тут попалась – да еще в столь пикантной ситуации. Генерал лишился дара речи, а Аста, обнаружив его присутствие, повернула голову, выпучила глазки, распахнула узенькую пасть и истерически закричала. Прервать свое предо-

судительное занятие она, по понятным причинам, не могла – ей только и оставалось, что вопить. Иссякнув, фосса бежала через форточку. Генерал не сказал ни слова. Присутствовавшие при этом корнет Лимонов и полковой врач Щеткин долго потом рассказывали, как генерал Ц*** оставался несколько минут неподвижен и безмолвен, а после развел руками и сказал: «Ну и ну!» – и сразу вслед за этим потребовал подавать свой транспорт.

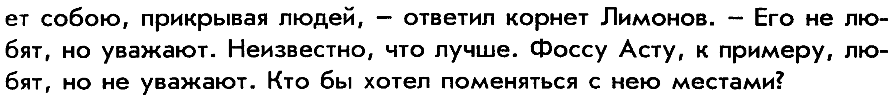
Полк наш был расквартирован тогда у оазиса Сой, на островке зелени и свежести, окруженном со всех сторон желто-лиловой степью. Степь в этих краях отнюдь не голодная: на ней круглый год произрастает сочная колючка, весьма пригодная для прокорма многочисленных стад бээков и мээков, каковых разводят местные замиренные жители. Владеет оазисом знатный человек из семьи Куш. Все мужчины этого рода носят имя Куш, а женщины, включая наложниц, называют себя Куша. Старшая дочь хозяина – красавица неописуемая. У нее темно-коричневая кожа и золотистые волосы, зубы и глаза, что является у варучан признаком высокого происхождения и образцом чистейшей прелести. Она, бесспорно, служит предметом рыцарского обожания большинства холостых офицеров, но при этом держит себя с особой благородной скромностью, свойственной слаборазвитым народам. Про нее корнет Лимонов, вздыхая, говорит: «Эх, хороша Куша, да не наша!»

Новичку в этих местах особенно интересно наблюдать взаимное проникновение культур, характерное для гарнизонной жизни на отшибе. К примеру, местная знать перенимает земную моду и привычку к мебели, переходит в православие, выписывает с Земли рояли и отправляет своих детей учиться в Московский университет и Александровский лицей. Офицеры же, напротив, обзаводятся просторными дохами, островерхими шапками из шкур, закупают и развешивают по стенам целые арсеналы местного оружия, приучаются пить дзыгу – род хмельного кумыса – и курят трубки здешнего производства.

Князь Мшинский прослыл снобом потому, в частности, что упорно не желал обзаводиться местным гардеробом, оружием и не пил дзыги, предпочитая французский коньяк. В офицерском клубе он бывал редко, еще реже посещал товарищей на квартирах. Раз в два месяца, согласно обычаю, он задавал обед, проходивший в чинной и манерной обстановке. После обеда следовал неизменный клопштосс, в который он обыкновенно проигрывал небольшие суммы.

Будучи уже произведенным в корнеты, я поинтересовался у своего товарища Лимонова, отчего князя не бойкотируют при явной к нему нелюбви.

– Ротмистр – человек необычайной храбрости и в деле часто риску-


ет собою, прикрывая людей, – ответил корнет Лимонов. – Его не любят, но уважают. Неизвестно, что лучше. Фоссу Асту, к примеру, любят, но не уважают. Кто бы хотел поменяться с нею местами?

– Это вздор, будто князь – храбрец, – заявил подпоручик Миногин. – Просто он до того недалек, что даже не может вообразить, будто его убьют. Вот он и не боится. А как он воюет – это смеха достойно. Словно фехтует на спортивных рапирах. Штурвал держит двумя пальчиками. Бьет одиночными выстрелами. Пиф! Паф! Тьфу!

– Но ведь метко бьет, – возразил Лимонов. – В последнем бою – шесть сбитых вражеских глайдеров. Не шутка.

Этот довод, впрочем, не убедил подпоручика.

Были у князя Мшинского и откровенные антагонисты. Среди них особенно выделялся поручик Андрей Спицын, человек образованный широко, но поверхностно, ревнивый к службе, но неудачливый, умный, но какой-то злой. Даже доктор Щеткин, которому по званию положено быть нигилистом и циником, усмехался в усы и часто удивлялся: «Черт знает, что ты говоришь, Андрюша».

Однажды я оказался свидетелем довольно неприятной сцены. В курительной велся разговор, переходивший уже на высокие тона.

– Это е'унда, – раздраженно морщась, говорил князь. – Каждому известно, что п'авильно п'оизносить «п'ог'аммное обеспече́ние». Только нижние чины и к'епостные п'ог'аммисты гово'ят «обеспе́чение».

– А я утверждаю, что носителями языковой культуры являются дикторы телевидения и актеры, – толковал Спицын, двигая желваками. – И если диктор м-ль Цветкова говорит «обеспе́чение», значит, такова языковая норма.

– Те'евидение и культу'а – две вещи несовместные, – отвечал ему Мшинский. – Вы, гоубчик, те'евизо'-то поменьше смот'ите. А там и гово'ить научитесь.

– «Говоить» я умею не хуже всякого.

– А вот и хуже!

– Но театр-то, театр вы же не будете отвергать! – кипятился Спицын. – Что же, по-вашему, театр уже не храм искусства?

– Х'ам-то он х'ам, но искусства ли? Кошма'но тепе'ича иг'ают. Воют, исте'икуют...

– Людям нравится.

– Кото'ым? Тем, чтэ в людской сидят? Хэ.

– Да что вы говорите такое!

– А вы чтэ гово'ите?

Вокруг спорщиков сгущались тучи табачного дыма, и один раз мне померещилась даже острая молния, блеснувшая меж ними. Полковник



Комаров-Лович, предупрежденный кем-то из офицеров, явился рассеять грозу.

– Невероятно! – напустился он на них. – Двое взрослых мужчин, боевые офицеры, однополчане ссорятся – и из-за чего? Из-за пустой вещи, из-за фука какого-то. Немедленно помиритесь, а то оставлю за обедом без сладкого.

Князь Мшинский повел плечами и кисло улыбнулся. А поручик Спицын очень нехорошо прищурился, словно хотел сказать: «Нужен более серьезный повод для ссоры? Хорошо же».

Весь вечер он внимательно следил за ротмистром и ловил каждое его слово, собираясь придраться не на шутку. Но Мшинский оказался умнее и не раскрыл рта, а только кисло улыбался с таким видом, будто держал на языке что-то неприятное.

Второй раз они сцепились, обсуждая способ приготовления сибирских пельменей. И снова полковник замирил их, угостив пельменями по собственному рецепту. В третий раз, на квартире у штаб-ротмистра Алтынаева, поручик Спицын раскритиковал портсигар, лежащий на столе.

– Вероятно, Алтынаеву попросту подбросили эту пошлятину, – сказал он, указывая на портсигар пальцем. – Подбросили с целью дискредитировать художественный вкус штаб-ротмистра. Внешне эта вещь имитирует старинную работу мастеров с планеты Мю-IV, но цена ей рубль в базарный день. Подобной пакостью забрасывают шпаков-туристов в тамошнем космопорту.

Штаб-ротмистру Алтынаеву сделалось неловко, и он попробовал перевести разговор на другую тему. Но князь, сидевший в молчании на оттоманке, неожиданно сказал:

– Этэт по'тсигал я пода'ил Алтынаеву, и купвен он не на Мю-IV, а на Земве, в го'оде Самавканде, в Ту'кестане. Я не виню по'учика в его ошибке. Он не быв в Ту'кестане, зато, ве'оятно, хо'ошо изучив бвошиные л'ынки на Мю-IV.

Спицын побелел и хрустнул костяшками пальцев.

– Я не был в Самарканде, но зато был в Чимкенте и хорошо знаю стиль туркестанских кустарей. Этот портсигар – с Мю-IV, сомнений быть не может.

Поручик Сенютович легонько пихнул его локтем в бок и жестом посоветовал замолчать. Но Спицына понесло:

– Некоторые из нас занимаются тем, что корчат из себя великосветских особ, – продолжал он, – некоторые настолько высокомерны, что поддерживают свое дутое реноме при помощи грошовых подарков и загадочного молчания! Некоторые...

– «Некото'ые» значит – я? – уточнил князь ледяным голосом.

– Да, вы!

– Тэк-с...

– Брось, что ты прицепился к нему? – сказал Спицыну Сенютович. – Ты смешон.

– Господа! – мучаясь скандалом, произнес хозяин квартиры.

– Ненавижу его! – воскликнул Спицын. – Может быть, я и смешон, но он – противен. Неестествен. Он гадок, как насекомое.

– Довольно! – Алтынаев хлопнул ладонью по столу. – Предлагаю вам обоим удалиться и выяснить отношения. Если князю нужен будет секундант, то я к его услугам.

– Благода'ю, – просюсюкал князь, слегка поклонился и вышел. Следом за ним вышли и Спицын с Сенютовичем. Сенютович скоро вернулся. Он взъерошил волосы на лбу и трагически произнес:

– Вот комиссия!

– Что, стреляются? – спросил Щеткин.

– Завтра, в пять утра. С шести шагов. Я – секундант Спицына, но, господа, провалиться мне на месте, если я знаю, в чем дело.

– Может быть, князь когда-то обидел поручика? – предположил я.

Все с сомнением покачали головами.

– Так бывает, – сказал ротмистр Кайгородов. – Живешь-живешь, и вдруг делает тебе кто-нибудь пакость, явную и совершенно бессмысленную. Или вдруг скажет что-нибудь такое, что ахнешь только. Спрашиваешь: за что, мил-человек? А он: «Да я тебя ненавижу» – и всё... Почему? По какой причине? А он сам не знает.

Полковой врач Щеткин закурил из оклеветанного портсигара и резонерски изрек:

– Человек – животное завистливое. В этом его отличие от обезьяны или, скажем, от курицы. Зависть, по-моему, есть не что иное, как мутированное беспокойство по поводу естественного отбора. Особь одного вида завидует другой особи того же вида, опасаясь, что природа выберет ту, другую особь.

– И полковника, как на грех, нет, – дергая щекой, проговорил корнет Лимонов. – Он бы их помирил. Может, послать за ним?

– Нельзя уж теперь. Поздно, – ответил ему Сенютович. – Да и какая разница? Не сейчас, так уж после нашли бы время поссориться.

– Я вот завидую отцу Савве, – меланхолически сказал Кайгородов. – Какой у него бас, господа! Глотка как пушка. Таких басов в природе нет.

Все невесело посмеялись, а Сенютович даже принялся настраивать гитару, чтобы исполнить свою любимую польку-нимфетку. Но у него дрожали пальцы.



– Будто бы врет, а? – спросил он, щипая струну.

И в этот миг сигнальный горн, повизгивая и срываясь, принялся трубить тревогу. Не успели мы повскакивать с мест, как на пороге объявился смертельно загнанный вестовой.

– Общий сбор, господа! – просипел он. – Тэй-Лай перешел границу с отрядом. Это набег, господа.

На ходу застегивая доломаны и поправляя ташки, мы бросились к своим машинам, где уже возились заспанные денщики.

Над степью дрожали влажные крупные звезды, и цырык-цырыки пели оглушительно громко, будто очень испугались Тэй-Лая. Что ж, у них были основания для страха. Тэй-Лай не только убивал людей и угонял скот. Он уничтожал захваченные оазисы и выжигал степь, разоряя своих соседей.

Мы растянулись цепью и старались отсечь мятежников от населенных пунктов, а затем – окружить. Видимость была очень плохая, но в двадцати верстах от оазиса Сой шайка Тэй-Лая была обнаружена, и завязался бой.

На этот раз мне не довелось участвовать в деле. Наш эскадрон прикрывал правый фланг, но воздушные силы Тэй-Лая ударили по левому, проскочили сквозь эскадрон Кайгородова и попытались уйти в степь. Скоро по связи стало ясно, что враг рассеян, и поступил приказ возвращаться. Полк потерял двух человек убитыми. Поручик Спицын тоже не откликался.

– Я видел, как он уходил на вынужденную, – сказал в эфир корнет Дудаков. – Его глайдер поврежден. Но он был жив, это точно.

– В каком секторе это было? – спросил полковник.

– В секторе 14-17.

– Кто там сейчас?

Целую минуту никто не отвечал, а потом раздался голос Мшинского:

– Пожавуй, я б'иже всех. Иду на поиск.

У него прозвучало не «на», а «ня».

Корнеты Лимонов и Дудаков и подпоручик Миногин стояли на взлетно-посадочной площадке и обсуждали событие. Они вернулись раньше меня.

– Как думаете, Ливанов, отыщут Спицына или нет? – спросил Миногин, ерзая и теребя ментик.

– Кто ищет-то, вы забыли? – хмыкнул Лимонов. – Мшинский же ищет!

– Ну и что? – сказал я.

– Вы бы стали искать человека, который так вас оскорбил?



– Может быть... Не знаю, – честно признал я.

– А, не знаете! В степи – жутко, черно, наши далеко, видимость – нулевая. Горючего в обрез. А?

– Отстаньте, Лимонов, – оборвал я его и пошел зачем-то в офицерский клуб.

Там рассказывали о последних новостях.

После часа бесплодных поисков полковник приказал ротмистру Мшинскому возвращаться.

– Э... – неожиданно и нежно просюсюкал князь. – Че'товски пвохая свышимость, г-н повковник. Ба, да т'т засада! Цевых четы'е машины...

После чего оборвал связь.

Комаров-Лович сулил Мшинскому страшные кары, но в эфире ничего не содрогалось в ответ. Полковник заперся у себя, выставив за дверь доктора Щеткина.

В курительной сохранялось важное молчание. Все страшно дымили и поглядывали друг на друга. Мною овладело общее беспокойство, но увы – недоставало выдержки для достойного переживания. Я то и дело выскакивал во дворик. Потом мне захотелось спать от всех этих волнений, и я ушел к себе на квартиру, гадая, чем закончится дело.

Как водится, самое интересное я проспал, за что не могу себя простить до сих пор.

Уже светало, когда глайдер Мшинского, заваливаясь набок и пьяно вихляясь, появился над степью в пределах видимости. Наконец он дотащился до площадки и не сел даже, а плюхнулся на брюхо. Из помятой кабины выбрался князь, оглядел столпившихся и сказал:

– Господа! Помогите изв'ечь Спицына. Его ка'этся контузило.

Выстроившиеся офицеры и солдаты приветствовали его троекратным «ура!».

Как оказалось, князь, попав в засаду, сам был подбит и ухитрился посадить глайдер «за ба'ханчиком», где его не нашли с воздуха. Потом он поднял машину – «Она шва на па'оль-д-оннеге, господа!» – и повел ее на предельно малой высоте: «Иногда я свышав, как колючка ца'апава дно!» Когда от горючего оставались последние капли, князь увидел глайдер Спицына. Поручик в бессознательном состоянии, но «сове'шенно живой» находился внутри.

Перенеся Спицына в свою машину, ротмистр долго думал, как бы перелить топливо из спицынского глайдера. Снять бак в одиночку было невозможно.

– И совевшенно свучайно, господа, я вспомнив, чтэ п'д сиденьем у мэня есть цевый ящик одно'азовых мундштуков, таких пвастиковых...



Вставив все девяносто мундштуков один в другой, ротмистр получил таким образом натуральный трубопровод «и, бваго машина по'учика лежала на п'иго'очке, а моя, нап'отив, в низочке», аккуратно перелил горючее в свой бак. «Че'товски медвенно текво, господа».

Когда Спицын пришел в себя в лазарете, князь Мшинский вошел в его палату, морща нос от больничных запахов.

– Ве'оятно, меня посадят под а'ест за неподчинение, – сказал князь, – но вы можете п'ислать секундантов на гауптвахту.

Говорят, что Спицын разрыдался и просил прощения. Скорее всего, князь помирился с ним. Во всяком случае, дуэли не было. Спицын скоро был переведен в другой полк, а после и вовсе вышел в отставку.

Перед балом

Мы едва разложили партию в клопштосс, как вошел полковой ординарец Буздалёв и доложил о прибытии галактического транспорта «Кустодиев», которого давно ожидали. Он доставил партию грузов и приписанного к нашему полку подпрапорщика Понизовского.

Офицеры, как известно, любят новости и сплетни. В этом нет нам равных; потому мы побросали карты и с видимой ленцой и даже небрежностью направились к транспортным службам.

Грузы уже перетаскивали: коробки, ящики, несколько небольших саквояжей, поднимаемых с особой бережностью, – не то новые приборы для механиков, не то очередные безделушки для его превосходительства. Он заказывал их по галактическому реестру в антикварных магазинах – хотел слыть ценителем.

Мы курили и переговаривались о самых незначительных вещах, вроде тайфуна «Татайя», который надвигался на западное побережье. Тайфун на побережье нас мало касался и потому служил превосходной ширмой для сокрытия общего любопытства касательно нового младшего офицера.

Наконец он появился. На пороге транспортного терминала возникла нелепейшая фигура, какую только можно вообразить. Красный ментик повис на вздернутом плече, как шальная кошка, случайно сюда вспрыгнувшая. Шнуры выглядели устрашающе: казалось, будто это лианы, причем имеющие откровенное намерение удушить подпрапорщика или, по крайней мере, высосать из него всю кровь. Тем не менее он довольно ловко двигался во всей этой амуниции, только по походке не всегда можно было определить – вправо он намеревается шагнуть в следующий раз или влево.



– С другой стороны, в него трудно будет попасть из пистолета, господа, – вполголоса заметил корнет Дудаков.

Все засмеялись.

Понизовский заметил это и чуть притормозил, но затем решил приветливо улыбнуться нам в ответ. Вместо зубов у него обнаружились черные корешки.

Вежливость понудила нас сделать вид, будто так и надо.

– Приветствуем вас от лица всего нашего офицерского состава, – произнес безупречный Алтынаев и четко склонил голову.

Понизовский слегка растерялся.

– А? – проговорил он и опять улыбнулся. – Благодарю. Подпрапорщик Понизовский. Рад вас всех видеть, господа.

Вслед за прочими я также пожал его руку. Рукопожатие было, пожалуй, единственным, что нашлось в новом подпрапорщике симпатичного. Я уже записал, что он был невысок ростом и весьма плох сложением. Щеки и лоб нового нашего товарища мать-природа щедро разукрасила прыщами и пятнами. Зеленоватые глаза у него постоянно шевелились, словно выискивали нечто по обе стороны от ушей собеседника. Пепельные волосы никогда не выглядели чисто вымытыми, хотя впоследствии мне доводилось убеждаться в том, что Понизовский по крайней мере пытался быть чистюлей.

Новичка разместили по соседству с Дудаковым – к большому неудовольствию последнего, обучили играть в клопштосс, познакомили с фоссой и приучили пить каву с молоком местных мээк.

Дежурить вместе с Понизовским было муторнейшим занятием на свете. Мне выпадало это сомнительное удовольствие раз, наверное, пятнадцать, и всякий раз приходилось выслушивать его длинные, подробные рассказы о том о сем. Там, где любой другой обходился кратким перечнем событий и характеристик, Понизовский пускался в глубокие исследования и в конце концов умучивал слушателя такими деталями, о возможности которых ни один здравомыслящий человек даже не задумывался.

Несколько раз он рассказывал мне (подозреваю, что и остальным тоже) историю своих зубов и ужасного состояния кожи. Каждый прыщ в его изложении наделялся длинной легендой, так что в совокупности они составляли нечто вроде «Кольца Нибелунгов» и только ждали своего Вагнера, чтобы во всю мощь зазвучать с театральных подмостков. Говоря коротко, Понизовский был одним из немногих, кто выжил в знаменитой катастрофе «Журавы». Что именно там произошло – до сих пор достоверно неизвестно. Говорили разное – и в первые месяцы после случившегося, и потом, когда поиски виноватого ни к чему не при-

вели. Произошла утечка метрима, который контрабандой перевозили на пассажирском судне. Знал ли об этом капитан, участвовал ли в этом кто-либо из офицеров — сейчас уже не установить, поскольку погибли почти все, кроме десятка детей, находившихся в самом дальнем отсеке. Среди уцелевших счастливчиков и был наш Понизовский.

Естественно, о самой катастрофе он ничего рассказать не мог, поскольку был тогда мал; зато обладал большим количеством различных умилительных детских воспоминаний: какие динозаврики были нарисованы на стене игровой комнаты в «Жураве», как пахло от доброй няни в кружевном кокошнике, которая разносила печенье, какой забавный хищный цветок там имелся — дети дразнили его, как котенка, бантиком, привязанным к ниточке, — и все в таком роде.

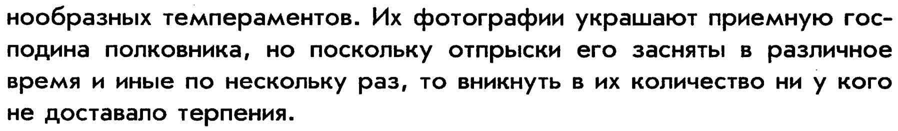
Я замечаю, кстати, что Понизовский обладает умением распространять свое тлетворное влияние на все, к чему ни прикасается. Вот уже и мои записки начинают заполняться его нудными рассказами, а ведь я намеревался изложить историю его прыщей *коротко*!

Итак, коротко: следствием давнишней аварии сделалась такая болезнь, при которой кальций плохо удерживается в организме. Отсюда — скачущая походка Понизовского, его странная осанка и дурные зубы. Зубы ему, впрочем, собираются сделать искусственные: позор для полка, если в нем будет находиться офицер с таким Карфагеном во рту.

Вот пример ужасного влияния Понизовского. Недавно я заметил, что ротмистр Кайгородов вместо обычного «Ну-с, господа, не пора ли нам на боковую?» произнес, собирая карты, следующее: «Ну-с, господа (начало, как видите, осталось прежним, но дальнейшее!..) — ну-с, господа, как хотите, а я считаю, что пора нам расходиться. Помню, еще в детскую пору загоняла нас строгая нянька в постель, меня да брата, да еще старшую сестру. Придет, бывало, рослая, как гренадерский солдат, на голове наколка — ровно шапка лохматая... И как гаркнет на нас сверху: "А ну, пострелята, тотчас в постель!" Хе-хе!.. У нас, бывало, ручонки дрогнут, глайдеры-бластеры посыплются на ковер. Тогда, должно быть, и запала мне в голову идея непременно сделаться офицером и самому так-то на нижних чинов покрикивать. Детские воспоминания, господа, по моему суждению, — весьма ценный материал для психологических изысканий в собственной биографии...»

Ну вот как такое слышать?

Затем произошла и вовсе нелепейшая история. Дело в том, что к нам собралась с визитом госпожа полковница, Настасья Никифоровна Комарова-Лович, урожденная Нелидова. Обыкновенно она находилась на орбите, на базе, где занималась воспитанием большого количества маленьких и уже подрощенных Комаровых-Ловичей, обоих полов и раз-



нообразных темпераментов. Их фотографии украшают приемную господина полковника, но поскольку отпрыски его засняты в различное время и иные по нескольку раз, то вникнуть в их количество ни у кого не доставало терпения.

Время от времени нежные супружеские чувства полковницы брали верх над материнским долгом, и тут-то и случались нашествия Настасьи Никифоровны. С нею обыкновенно приезжало некоторое число молодых привлекательных дам, составлявших ее свиту. Как подобает истинным офицерам, мы готовились к началу боевых действий заранее.

Повсеместно кипела стирка, злобно шипели, изрыгая пар, гидроутюги, денщики разгуливали по помещениям, держа швабры как миноискатели, и озабоченно выискивали мусор. Полковой оркестр, руководимый бессменным нашим капельмейстером Рягиным, разучивал по нотам новые мелодии, например, в этот раз – вальс «Жестокая шутка» («В джунглях Лапуту, в джунглях зеленых, где приютилось немало влюбленных...» – и т.д.); полонез «Маленькая мутантка» и еще несколько мазурок, из которых самая игривая называлась «Планету ментиком накрою».

По углам шептались, загадывая, будут ли те дамы, что и в прошлый раз, и если новые – то каковы они окажутся. Предлагались различные программы развлечений – помимо бала, разумеется; и уж, конечно, Понизовский не остался в стороне.

– Прелестная игра – фанты, – заметил он и уже собрался развить эту идею, как его перебили:

– Замечательно! Записывайте, Дудаков, – «фанты»! Затем еще – «угадай цветок», а?

– Фи, господа, это неприличная игра, – молвил строго Алтынаев.

– Вы, господин Алтынаев, старый, – дерзко сказал поручик Сенютович и так лихо подкрутил ус, что все засмеялись. Засмеялся и Алтынаев; его плоское загадочное лицо стало чуть шире в скулах, а глаза, утонув во внезапно появившихся морщинах, совершенно исчезли.

Таким образом, повсеместно царило настроение всеобщего благодушия.

И вот настал долгожданный день. Транспортный модуль уселся на нашу захолустную Варуссу, и оттуда выпорхнули бабочки, точно из кокона, одна за другой, а последней выгрузилась, как пчела-матка, сама госпожа полковница.

– Ну все, – завороженно прошептал мне Дудаков, – смерть нашему Алтынаеву!

Среди прибывших была гордая красавица Ольга Турыбрина, жена интенданта базы. Супружество ее оказалось несчастливым – в чем не



было ничего удивительного: более скучной, невыразительной и нечистой на руку персоны, нежели интендант, вообразить себе невозможно. Поговаривали, будто Ольгу вынудили выйти за него едва ли не насильно, по прихоти ее опекуна. Разница в возрасте у них была большая.

Как нарочно, несчастье этого брака усугублялось внезапно вспыхнувшей любовью безупречного Алтынаева. Оба они, и Алтынаев, и Ольга, страдали и таились; в полку, разумеется, знали, но помалкивали. Уйти от мужа Турыбрина не могла: разводов в офицерской среде не допускалось, и согласия на брак с разведенной Алтынаев никогда бы не получил; связью же удовлетвориться он не мог. Посему у них происходило обожание совершенно в трубадурском духе. Раз в несколько месяцев они проходили тур вальса — да еще могли соприкоснуться пальцами во время традиционного пикника.

Одни романтики из числа младших офицеров завидовали сему платоническому роману; другие изыскивали в уме способ извести интенданта. Полковник наш, будучи человеком, напротив, реалистического направления, мучился предчувствием беды всякий раз, как видел Алтынаева подающим Ольге на балу пирожное.

Из числа «опасных» можно также назвать зрелых девушек сестер Сафеевых, которые выучились на Медузе-III в медицинском университете и трудились на поприще исследования сердечной мышцы — как она работает при разной гравитации и нельзя ли инфаркты лечить невесомостью. Сестры Сафеевы очень-очень хотели выйти замуж. Они были, по счастью, не слишком настойчивы. Просто они хотели. Слабонервный человек мог пойти у них на поводу; что до последствий — то они могли оказаться какими угодно. Жизнь с медичкой в любом случае таит в себе определенный риск.

Ну и наконец явилась родственница полковницы, страшная женщина Нора Нелидова. Нора была уже крепко немолода, обладала густосмуглым цветом лица, цыганскими глазами и черными усами на губе. Замуж она не хотела. Это было ее единственным достоинством.

Что до прочих девиц, то все они были в меру хороши собою и желали повеселиться на лоне природы в обществе гг. офицеров, запросто и без всякой задней мысли.

Веселья в этот раз было заготовлено много, и все обещало пройти наилучшим образом. Планировались, как всегда, грандиозный бал с пирожными и шампанским (о котором князь Мшинский говорил, что это не шампанское, а «гази'ованная дзыга»), салонные игры с конфетами, живые картины, а вместо пикника — поездка в гости к хозяину оазиса Туй, вполне замиренному и чрезвычайно уважающему нашего полкового священника отца Савву Теплосветова.

При виде гостей фосса пришла в неистовство, принялась скакать – с одинаковым успехом по земле и перпендикулярным ей поверхностям; отрывисто взвизгивать, покусывать подолы платьев и от избытка эмоций брызгать мускусом.

– Лучше бы ты, право, держал при себе ручного орангутанга, – заметила полковница своему супругу, на что тот, по обыкновению, флегматически отвечал:

– Я сам, Настасья Никифоровна, изрядный орангутанг; на что же мне в полку второй?

Квартиры наполнились таинственными шорохами и перешептыванием. Шебуршались шнуры и ментики, шелестели нижние юбки и иные таинственные предметы женского туалета. Из апартаментов, отведенных дамам, слышались смешки и предположения.

Женатых офицеров в нашем полку было немного, и они преимущественно летали к своим семействам в выходные дни на базу, а скакать с орбиты на планету и обратно супругам воспрещали, опасаясь за возможное потомство.

Большая же часть моих сотоварищей оставалась в холостом состоянии – за недостатком как твердости характера, так и возможностей совершить выбор и обзавестись супругой со всеми вытекающими из сего обстоятельства последствиями.

Поэтому обстановка в полку сделалась щекочущей нервы и даже опасной; хотелось, например, стремительно взлететь на боевой машине и что-нибудь большое и враждебное непреклонно сокрушить.

Перед балом мы собрались в курительной комнате в офицерском клубе, как будто стены этого сурового мужского института способны вдохнуть в нас сугубые силы для предстоящего испытания мазуркой. Говорили, как водится, на посторонние темы, а общались более эмпатически. Воздух был насыщен молодым нетерпением и даже слегка подрагивал от флюидов.

– Ватрушки-мужчины, дорогой Понизовский, чрезвычайно лукавы, – поучающе тянул, пуская дым, поручик Сенютович, – и доверять им вполне никогда не следует. Запомните это, дабы не попадать впросак.

«Ватрушками» заглазно именовали среди нас варучан, о чем те, не понимая русского языка в достаточной мере, естественно, не догадывались. Кроме того, на Варуссе не пекли настоящих ватрушек...

– Помню, останавливались мы на ночь на землях оазиса Чий... – продолжал Сенютович, а в воздухе возле него так и висело: «Та рыженькая, с косой, – смешливая... Все хихикала с подругой. Кто она?»

– А помните, как отец Савва у них проповедовал? – перебил штабротмистр Литтре. («Вы, как хотите, господа, а в польке я поведу... Не-

пременно хочу с Анной Викторовной... и с Софьей Ласкиной... и еще с Тонечкой Гогенгейзер – у нее талия подвижная, под рукой так и вьется...»)

– А как? – спросил Понизовский с любопытством.

Все поглядели на него изумленно. Понизовский не распространял флюидов, не дурел от предстоящего и действительно искренне интересовался разговором. «Ну и фрукт», – подумали, вероятно, мы все разом. Даже: «Вот так овощ» – это будет вернее.

Нехотя Литтре рассказал, как отец Савва ушел к ватрушкам, по их просьбе, с раннего утра и отсутствовал два дня, а возвратился на третий к вечеру, с лицом в сале и горой самоцветных ожерелий на шее. Только мощная выя нашего полкового попа могла снести на себе эту гору драгоценных камней и не согнуться под тяжестью сих мирских богатств. Впрочем, отец Савва плохо соображал происходящее и долго приходил в себя, хоть здоровье у него и богатырское.

– Что же, они напоили его пьяным? – удивился Понизовский.

– Как зюзю, дражайший Понизовский, в стелечку! И знаете, из каких причин?

– Нет...

– На радостях. Он окрестил весь оазис. Его даже представили потом к награде за миссионерское рвение.

– Чудно! – сказал Понизовский и собрался было развить эту мысль, но ему не дали.

– А вот женщины у ватрушек чудо как хороши, – произнес мечтательно корнет Дудаков.

– Известное дело, дикари-с, – подтвердил Сенютович, и все рассмеялись.

– Да уж, таких, как Нора Нелидова, среди них не встретишь, – добавил Лимонов. – Мало что хороши собою, они молчаливы.

– Старухи зато из них потом ужасные, – проговорил Алтынаев.

– Да кто же женится на старухах? – бойко возразил Лимонов. – Женятся на молоденьких!

– Мне трудно представить себе Нелидову молоденькой, – заметил Дудаков. – Кажется, она так и явилась на свет со своими усами, кошками и болтливостью.

– Ой, – поморщился Алтынаев, – господа!

Его мысли занимало видение Ольги Турыбриной с грустными глазами под высокой пышной прической, с молочно-белыми руками, источающими при соприкосновении тонкое электричество.

– Говорить о Нелидовой как о женщине для меня тягостно, – добавил Алтынаев безжалостно.



– Какая она женщина, – вступил Кайгородов, – просто скучное животное. И шея у нее темная, будто она никогда не моется.

– А она действительно не моется, – сказал я. – Я ее нарочно разглядывал. Даже пальцем потер.

– Как вам это удалось? – осведомился Дудаков.

– У нее такой толстый слой грязи, – объяснил я, – что она даже не заметила.

– А вы, Ливанов, нату'алист, – молвил князь Мшинский.

– Да уж, – вставил Литтре, – девиз натуралистов: неважно, есть ли у них разум; важно – что они могут страдать.

– Нату'алисты – это ведь кото'ые п'отив охоты на китов? – спросил князь.

В этот миг подпрапорщик Понизовский встал. Никто поначалу даже не понял, что происходит, поскольку ни один из нас, повторюсь, не думал ни о Нелидовой, ни о любом другом предмете явной беседы – каждый вел сам с собою разговор потаенный.

– Господа, – выговорил Понизовский, слегка заикаясь и произнося слова более невнятно, чем обычно, – мне п-просто стыдно среди вас находиться. Вы говорите о женщине! Я ее не знаю и вряд ли стану ей другом, но ведь она женщина! После всего, что я услышал, я не желаю более оставаться в в-вашей с-с-среде!

И он быстро вышел вон.

Наступила тишина. В ее безжалостной атмосфере расточились хрупкие призраки, услаждавшие наше воображение, и в прояснившемся воздухе мы увидели друг друга словно бы впервые за все это время.

Князь Мшинский поднялся со своего места.

– Вы как хотите, господа, а сведует немед'енно извиниться. Позвольте, я сделаю это от 'ица всех нас.

И он тоже вышел.

Мы сидели молча и ждали – чем все закончится. Ни Понизовский, ни князь Мшинский никогда не рассказывали о том, что между ними произошло. Они возвратились вскоре, Мшинский – невозмутимый и позевывающий в сторону, Понизовский – весь красный, со взъерошенными волосами. Как ни в чем не бывало, он снова уселся, закурил, бросил, а после поведал длинную историю о птичке, которую держали в клетке на «Жураве» и которая издохла к великой скорби юных ее пестователей, – никто его толком не слушал, но все испытывали облегчение.

Впоследствии я не раз бывал в деле вместе с Константином Понизовским и могу уверенно сказать: впечатление, полученное тогда в офицерском клубе, не было ошибочным. Спустя несколько лет он уже стал поручиком, а еще через год получил золотое оружие за храбрость.

Bakanov's choice

Иен Уотсон

МОНТАЖ

Английский писатель Иен Уотсон известен российским читателям по нескольким журнальным публикациям и по роману «Внедрение», выпущенному в 2003 году петербургским издательством «Амфора». Прискорбно мало для автора, чье творчество Джеймс Грэм Баллард назвал «нескончаемым потоком идей». Нестерпимо мало для автора, которого НФ-энциклопедии характеризуют как «лучшего мыслителя в английской фантастике» и который сочинил 28 романов и множество рассказов. Допустим, в советское время его не издавали по политическим причинам: Уотсон всегда с одинаковым неприятием относился к американскому империализму и российскому коммунизму. Но сейчас-то что мешает издателям? Неужели, с их точки зрения, произведения Уотсона чересчур сложны?.. Рассказ «Монтаж», отобранный переводчиком Владимиром Бакановым для своей персональной рубрики, написан еще в эпоху противостояния двух социально-экономических систем, но и сегодня читается взахлеб. В некотором смысле он даже стал более актуальным: в начале нового тысячелетия число желающих посмеяться над Творцом отнюдь не уменьшилось. А это чревато катастрофой, убежден писатель.

В ресторане «Петрушка», занимавшем большой темный подвал, они оказались единственными посетителями. На блеклых стенах призраками застыли в неестественных позах русские балерины.

Когда официант поставил на стол стаканчики с ледяной водкой, Дон Каванах заметил:

«The Thousand Cuts» by Ian Watson

– Похоже, в наши дни русские рестораны популярностью не пользуются.

– Потому мы и здесь, – отозвался Хью Карпентер. – Не надо заказывать столик заранее – зашел, увидел, закусил.

– Все претензии не ко мне, – сказал официант. – Лично я родился и вырос в Лондоне.

– Может, здесь удастся почерпнуть неплохие идеи для сюжета? – предположила дурнушка Марта Вайн. – Знаешь, что-нибудь про рестораны, принадлежащие чудикам? Например, Эскимосский дом карри. Или... погоди минутку, овощебойня! Да, я придумала. Протесты против вивисекции овощей!

Хью покачал головой, одновременно не соглашаясь с собеседницей и отпуская официанта. Вся соль их телевизионного шоу заключалась в том, чтобы рассказывать о неизвестных сторонах самых обыденных вещей.

– Не слишком оригинально, милая. – Он склонил голову набок. – Что это?

Дон прислушался.

– У чьей-то машины глушитель стреляет.

– Столько раз подряд?

– Больше похоже на автоматную очередь, – высказалась Элисон Сэмьюэлс, встряхнув потрясающими рыжими волосами, заплетенными в тугие косички. Она была красавицей, к вящей зависти Марты.

– Значит, кто-то стреляет в собственный двигатель, – триумфально улыбнулся Хью. – Итак, на чем мы остановились?..

Внезапно наверху раздались жуткий треск и грохот, женский крик и отчаянные вопли.

– Это не очередной твой розыгрыш, Хью? – нервно спросила Марта. – Там, наверное, стоит магнитофон? Да?

– Нет, черт побери, это...

По лестнице спустились два накачанных бугая в бронежилетах, толкая перед собой официанта, изо рта которого струилась кровь, менеджера и его секретаршу-блондинку. Третий бугай застыл наверху. Бандиты были вооружены автоматами.

– Всем оставаться на местах! – Захватчик говорил с сильным южноирландским акцентом. – Вы трое, быстро подошли к столу и сели.

Менеджер, секретарша и официант поспешно повиновались.

Воцарившуюся на несколько мгновений тишину разорвал вой сирен. Приближались полицейские машины.

– Я так понимаю, – громко сказал Хью, – что все мы заложники в очередной выходке террористов?



– Молчать!

Дон прошипел уголком рта:

– Тише. Чаще всего убивают именно в первые минуты после захвата. Потом можно будет найти с ними общий язык. Пока расслабься и ничего не делай.

– Дзен и искусство быть заложником, а? – прошептал Хью и застыл неподвижно, как буддистский монах.

Совсем рядом раздались звуки полицейского громкоговорителя.

– Не приближайтесь! – закричал человек наверху. – У нас заложники! Мы убьем их!

Бронежилет номер два подбежал к кухонной двери, пинком распахнул ее...

Хью ласкал языком ее рот, водя пальцем по крутому изгибу бедра. Внезапно он отстранился. И обнаружил, что на нем нет одежды. Равно как и на Элисон. Они лежали на кровати в его квартире в Челси. В окно струились лучи яркого июньского солнца.

Элисон в изумлении смотрела на Хью.

– Но... – только и выговорила она.

– Но мы в «Петрушке»... Если я спятил, скажи мне об этом, хотя раньше я и не подозревал, что у меня случаются приступы амнезии! То есть... как мы вообще сюда попали? Ты ведь можешь мне это объяснить, правда?

– Хью, я... я не могу ничего объяснить. Мы в ресторане. Нас захватили боевики из ИРА – по крайней мере, я думаю, что они оттуда. Однако... мы здесь.

Хью сел в кровати и уставился на газету, лежащую на желтом ворсистом ковре.

Заголовки гласили: «ОСАДА "ПЕТРУШКИ" ЗАКОНЧИЛАСЬ БЕЗ КРОВОПРОЛИТИЯ».

Он прочитал статью, с трудом вникая в смысл слов. Гораздо красноречивее оказалась фотография, на которой они с Элисон радостно улыбались и размахивали руками, стоя в обнимку.

– Посмотри на дату! Девятое июня. Это газета за следующую неделю.

– Значит, уже середина следующей недели. – Элисон истерически захохотала, потом, иронично усмехнувшись, похлопала себя по щеке. – Надо устроить такую штуку, когда придет пора отправляться к зубному врачу... Но почему же мы не можем ни черта вспомнить?

– Жаль, что я забыл, как мы занимались любовью.

Элисон начала одеваться.

– Я всегда хотел тебя соблазнить, – продолжал Хью. – Почти самая заветная мечта. Но, пожалуй, нельзя сказать, что она сбылась! Наверное, мы праздновали освобождение. Выход из плена... Газ! – неожиданно решил он. – Вот в чем штука. Наверное, полиция использовала какое-то новое психотропное средство, чтобы все вырубились. И это побочный эффект.

Хью снова принялся изучать газетную статью.

– Здесь ничего не говорится про газ. Сказано, что переговоры с террористами прошли успешно. Конечно, прессу можно заставить молчать... Нет, слишком уж у всех на виду происходила эта история. Должно быть, все случилось так, как здесь написано.

Зазвонил телефон.

Хью, как был голый, бросился в соседнюю комнату и снял трубку.

Когда он вернулся, Элисон сидела за туалетным столиком, сосредоточенно заплетая косу. Хью показалось, будто внутри него образовалась странная пустота, а все тело охватил озноб, несмотря на летнее тепло.

– Это Дон. Надо сказать, он отреагировал очень разумно для клоуна. У него те же проблемы, что и у нас. Потом я попытался позвонить Марте. Но не смог пробиться. Все телефонные линии перегружены. Попробовал связаться с полицией. Даже с проклятой службой точного времени. Но и там занято. Все пытаются позвонить и узнать, сколько времени, черт подери!.. Значит, дело не только в нас, Элисон. И к «Петрушке» случившееся отношения не имеет. У всех то же самое.

– Где у тебя радио? Включи.

– На кухне.

Хью, все еще голый, понесся туда.

Панк-группа пела:

Тебя трахнут по мозгам
И по всем твоим местам...

Песня смолкла.

– Вы только что прослушали последнюю запись группы «Уизлз», – раздался голос диджея. – Круто, верно? Прямо радиоактивно! А ведь радио и должно быть активным! Поэтому я продолжаю нашу программу, хотя вы наверняка пребываете в таком же недоумении, как и я. Вы не ослышались, дорогие радиослушатели, ни один человек здесь, в студии, не помнит, как сегодня оказался на работе. И вообще – как наступило сегодня. Если вы чувствуете то же, что и мы, позвольте дать вам совет: не дергайтесь и делайте что делали. Не сворачивайте с прото-

ренной тропы. Пусть машины едут своим чередом. А ты, мама Джонс, готовь ланч и не сожги сковородку... скоро дети вернутся домой. Теперь, чтобы помочь всем нам, прозвучит композиция старой доброй группы «Траффик». Она называется «На китайской макаронной фабрике»...

Хью принялся крутить колесико настройки. Одной радиостанции вообще не было в эфире, по остальным гоняли только музыку.

– Попробуй короткие волны, – нетерпеливо сказала Элисон. – Заграницу.

Поймав франкоязычную передачу из Каира, Хью осознал: что бы ни случилось, это охватило весь мир.

За оставшиеся дни июня, июль и август эффект повторялся дюжину раз. Впрочем, ни один из «провалов» не длился так долго, как первый. Некоторые вырывали из жизни людей день-другой, другие – всего лишь несколько часов. Увы, не было ни малейших признаков, что это безобразие подходит к концу.

Вразумительного объяснения тоже никто не сумел предложить.

Люди не могли привыкнуть к тому, что их жизнь то и дело прерывается.

Вот в чем беда: «провалы» нельзя было уподобить сну или обмороку. Когда сознание возвращалось к людям – а кто может гарантировать, что оно вернется и в следующий раз? – выяснялось, что жизнь мирового сообщества текла по-прежнему. Между Нью-Йорком и Лондоном летали самолеты, подписывались контракты, рождались дети. Выходили газеты... и крик продавцов прессы «Узнайте все о происходящем на свете!» звучал более заманчиво, чем раньше, поскольку как еще выяснить, что творится вокруг? Женщина оказывалась за решеткой, а полицейским приходилось сверяться со своими записями, прежде чем сообщить ей, скажем, что она убила своего мужа... Неизбежно вставали новые вопросы о вине и невиновности.

Конечно, неприятно было обнаружить себя за штурвалом реактивного лайнера, садящегося в неизвестном аэропорту, или на больничной койке после таинственной операции, или неизвестно куда бегущим по улице.

– А что если мы очнемся под вой сирен, в разгар атомной войны? – спросила Элисон. – Я больше не могу. Так и спятить недолго. – Она налила себе еще стакан джина.

– Да уж, недолго, – согласился с ней Дон. Они сидели в квартире Хью. – Напоминает старинную китайскую пытку.

– Какую? Когда тебе на голову капает вода, пока не пробурит дырку?

– Нет, я говорю о смерти от тысячи порезов. Несчастные жертвы умирают не от потери крови, а скорее от травматического шока. За болью боль. Одну легко перенести, да и от дюжины не загнешься. Но тысяча? Никогда. Это может уничтожить человечество. Жизнь с тысячью порезов.

– Боже праведный! Ты просто молодец! – сказал Хью, оживленно потирая руки. – Порезы... Гениально!

– Я хочу сказать, что мы подобны роботам, – продолжал Дон. – Нам не нужно сознание, ощущение происходящего. У птиц вот нет настоящего сознания, и это не мешает им находить себе партнера, растить молодняк и улетать зимой в теплые страны. Так даже проще. Ни одна ласточка в здравом уме не таскалась бы каждый год в самую дальнюю точку Южной Африки и обратно.

– По-твоему, у нас развилось слишком сильное самосознание? – спросила Элисон.

– А теперь мы снова станем роботами, и мир будет куда гармоничнее. Но нам об этом уже не узнать. Разве мыши и воробьи что-то знают? Они просто есть. Марта, ты говорила о ядерной войне. А не странно ли, как гладко стали проходить переговоры о сокращении вооружений?

– Это потому, что обе стороны теперь еще больше боятся случайностей, чем раньше.

– Нет, не поэтому. Все серьезные сдвиги произошли во время «провалов». – Дон негромко рассмеялся. – Прорывы во время «провалов»! И не забудь, осада «Петрушки» разрешилась благополучно. Во время «провала».

– Пореза, – поправил его Хью.

– Захват «Петрушки» мог закончиться кровавой баней во время штурма ресторана. Но случилось иначе...

Дон сидел за рулем красного «метро», мчащегося в потоке автомобилей по эстакаде в центр Лондона. В нескольких метрах сзади «фольксваген» попытался обогнать длиннющий трейлер с прицепом, но ему не повезло: тяжелый грузовик врезался в легковушку, прицеп развернуло. В груду железа влетели следующие за ними машины. Раздался взрыв, заплясали языки пламени.

– Черт бы меня подрал! – Дон бросил взгляд на часы со встроенным календарем, которыми умудрился запастись после первого «провала», еще до того, как склады опустели. – На сей раз два дня.



Элисон сидела рядом с ним. Хью откинулся на спинку заднего сиденья. Марты в машине не было.

– Ради Христа, давай убираться отсюда! – взмолилась Элисон. – Гиблое место!

– Я бы сказал, похоже на бегство буйволов. Почему бы этим кретинам слегка не притормозить?

Дон все же ухитрился целым и невредимым добраться до следующего съезда с эстакады. Тот был забит машинами. Гудели клаксоны, скрежетали, соприкасаясь, бамперы и крылья автомобилей.

– Мы не должны забывать, о чем говорили, – напомнил Хью из-за плеча. – О жизни с тысячью порезов.

– Скоро на моей красотке-машине будет тысяча порезов...

– Остановись у ближайшего паба, Дон. Надо поговорить, пока мысль не потерялась.

– Так вот, насчет порезов... – начал Хью, покачивая в руках бокал с двойной порцией скотча.

Бар «Герцог Кент» был набит битком, и удивляла только тишина, в которой люди ждали, пока на радио смолкнет музыка и зазвучат первые, торопливо собранные сводки новостей. Многие и вовсе не пили, просто ждали.

– Ты упомянул смерть от тысячи порезов, и там, разумеется, речь шла о ноже, пронзающем плоть. А мы что имеем в виду?

– Так режут фильм. Монтаж, – сказала Элисон. – Редактирование. Быстрая смена кадров.

– Хорошая девочка!

– Я не девочка. Девочкам двенадцать лет и меньше.

– Ладно. Прости.

– Именно поэтому я не стала бы с тобой спать.

– Ладно, ладно, припадаю к твоим стопам. Так вот, это же точно как в фильме – переход от одной сцены к другой. Не стоит показывать, как персонажи едут из пункта А в пункт Б. Они просто садятся за руль, а потом выходят из машины там, где надо. Монтаж. Иначе фильм тянулся бы столько же, сколько настоящая жизнь. Или режиссером был бы Энди Уорхол.

– Столько же, сколько настоящая жизнь тянулась *раньше*...

– Именно. А что если реальность – тоже своего рода кино? Фильм Энди Уорхола на тысячу лет с миллиардом актеров? Представьте, что как голография превосходит фотографию, так ее в свою очередь заткнет за пояс... материалография? Представьте, что мир – это порождение проектора. Только он плотный, реальный, состоящий не из света, а

из материи. И нас показывают на Вселенском кинофестивале. Но... – Хью сделал многозначительную паузу. – Но сами-то мы законченные творения или только обрывки на полу монтажной? Мы внезапно лишились чувства непрерывности происходящего. Вырванные два дня, вырванные три дня...

Музыка в радиоприемнике смолкла.

– Ш-ш-ш, – зашипели все, словно в комнате было полно змей.

– Это Служба чрезвычайных ситуаций на Би-би-си и я, Робин Джонсон. Сегодня первое сентября. Время – час тридцать пять пополудни. Последний «разрыв» длился приблизительно пятьдесят часов. На конференции по разоружению в Хельсинки было достигнуто предварительное соглашение по снижению...

– Пойдемте, потом обо всем прочитаем.

Дон сидел за рулем «метро», не заводя мотора.

– Разве не испортится естественное течение твоего фильма, если персонажи внезапно поймут, что их жизнь – всего лишь выдумка? – спросил он. – Может быть, это очень тонкий, хорошо продуманный штрих? Например, режиссер решил заняться экспериментами. Раньше он снимал реалистичное кино, а теперь ударился в модерн. Новая волна... метафильм, как у французов. И все-таки мне кажется, что все мы живые роботы, просто раньше об этом не догадывались. Глаза открылись только теперь.

– Но это не уменьшение самосознания, – заметила Элисон. – Скорее уж рост.

– Зато уменьшилось наше чувство контроля над происходящим. Все важные вещи происходят за кулисами. И никто из людей ни на что не влияет. Взять хотя бы переговоры о разоружении – сами слышали, что сказал Робин в новостях.

– Может, Бог решил отредактировать реальность, переделать ее, – предположила Элисон. – Потому что его затея стала давать сбои. А то и вовсе провалилась с первого раза. В буквальном смысле слова была разбомблена. И теперь мы находимся в римейке фильма про мир.

Хью решил слегка подразнить ее:

– Может быть, это рекламные паузы? А мы как персонажи фильма их не видим?

– Чушь! Когда включают рекламу, – возразила Элисон, – фильм останавливается. А потом начинается с того же самого места.

– В таком случае ты права. Что-то корректирует нашу реальность, – признал Хью.



– Да не могу я с этим согласиться! Но и возразить мне нечего... Бог свидетель, нашу реальность неплохо бы подкорректировать.

Мимо с воем пронеслась карета «скорой помощи», увозя кого-то с места происшествия на шоссе. В другую сторону проехала полицейская машина, полыхая синей мигалкой на крыше.

– Это тысяча порезов, – подытожил Дон. – И мы скоро спятим от страха. Как крысы в лабиринте с электропроводами. Лишимся самосознания. Планета, населенная зомби... мир на автопилоте.

Он завел двигатель. Выехав с парковки возле «Герцога Кента», повернул налево, потому что так было проще; потом сообразил, что не имеет ни малейшего понятия, куда они едут, и притормозил, пропуская очередную «скорую помощь».

Хью неожиданно расхохотался.

– Я понял! Знаете, у нас есть способ проверить мою идею. Может быть, так даже удастся связаться с самим режиссером!.. Слушайте, мы устроим специальное шоу. Шоу про исправление реальности. Снимем фильм внутри Фильма... фильм про этот Фильм. Неплохой способ противостоять унынию! И, скорее всего, мое лекарство действительно поможет. Вся страна начнет смеяться над происходящим. И люди Эпохи Тысячи Порезов останутся в здравом уме.

Элисон захлопала в ладоши.

– Спасибо!

– Прекрасно – лишь бы нас не отключили в этот момент от реальности, – хмыкнул Дон. – Придем в себя, когда шоу закончится.

– Даже в таком случае мы будем двигаться вперед полным ходом. А потом посмотрим запись на видеокассете... Нужно связаться с Мартой. Если кто-то решил править реальность, я присоединюсь к нему. Мы назовем шоу «Создание реальности: Великий фильм».

– Может, лучше «Изменение реальности»?

– Конечно, милая. «Изменение реальности: Великий фильм»... Да, так и вправду лучше. Принимаю поправку. – Он откинулся на спинку сиденья.

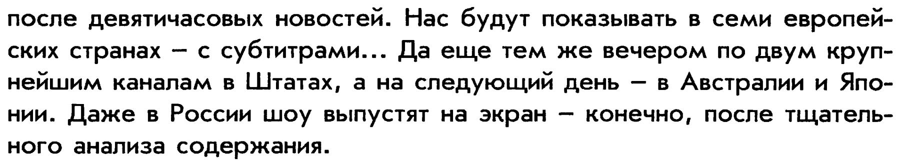
– Если ты прав, Хью, то не ты один. Все мы.

– Все мы что?

– Принимаем поправки...

Две недели спустя, окончив разговор, Хью положил трубку и повернулся к друзьям.

– Что ж, не могу сказать с уверенностью, что я делал последние четыре дня, но, должно быть, носился с выпученными глазами. Нашему шоу дали зеленый свет и вставили в сетку на четвертое октября, сразу



после девятичасовых новостей. Нас будут показывать в семи европейских странах – с субтитрами... Да еще тем же вечером по двум крупнейшим каналам в Штатах, а на следующий день – в Австралии и Японии. Даже в России шоу выпустят на экран – конечно, после тщательного анализа содержания.

Марта чихнула. Она была простужена.

– Думаю, все будет в порядке. Советы всегда любили смеяться над Богом.

– Итак, Дон, на чем мы остановились? – спросила Элисон.

– Я прочитал целую груду заметок. Мы с Мартой приведем их в порядок, потом начнем репетировать и записывать на видеокассету. Посмотрим, что пойдет, а что не пойдет.

– А можно на минуточку включить радио? – попросила Элисон.

– Зачем? Хочешь выяснить, что происходит, – он улыбнулся, – в реальном мире? Почему бы и нет? Вдруг почерпнем пару полезных идей.

Она принесла радио и поставила его на стойку.

– ...Хельсинки. Договор представляет собой значительное достижение в снижении международной напряженности...

– Господи, ну как достижение может что-то снижать? – вопросила Марта.

– Советую поговорить с моим издателем, – саркастически заметил Дон.

– ...первый этап разоружения под наблюдением инспекторов из стран Третьего мира. Само уничтожение и упразднение...

– Кажется, даже Бог не в состоянии вершить чудеса за одну ночь, – прокомментировал Хью.

– Чепуха, – заявила Элисон. – Они все боятся того, что может случиться в один из «провалов», когда мы действуем, как зомби. Или сразу после него, пока никто ничего не соображает.

– ...жертвы последнего «провала» исчисляются тысячами. Самая страшная трагедия произошла в аэропорту Хитроу, где...

– Вот видите, довольно того, что один придурок ткнет пальцем не в ту кнопку. И ба-бах. Если это пример божественного вмешательства, то такого неуклюжего чуда я сроду не видела, – продолжила Элисон.

– Когда монтируют фильм, милая, – высказался Хью, – выкидывают много хорошего материала ради картины в целом.

– Ты говоришь так, будто втайне восхищаешься происходящим, – возразил Дон. – Тем, как, черт подери, режут наши жизни!

Хью плеснул себе бренди и добавил в стакан содовой.

– Мы должны смеяться над этим, чтобы видеть светлую сторону вещей... и сохранять достоинство и свободную волю. Мы живем в безум-

ном мире, причем он оказался еще безумнее, чем мы могли предполагать. Что ж, на мой непросвещенный взгляд, вершина искусства – не трагедия, а сатира. И между нами, обманщиками, – он иронически кивнул на потолок, – я хочу, чтобы тот, кто управляет великим шоу под названием Жизнь, знал: я разгадал его хитрость. Я понял, что реальность – всего лишь фильм... и могу остаться дома и даже смеяться.

– ...завалены заказами на либриум и валиум...

– Я смеюсь, следовательно, я существую. Птицы не смеются. Коровы не смеются. В этом вся разница. Давайте дадим людям возможность лопнуть от смеха. Они того заслуживают.

Шоу «Изменение реальности: Великий фильм» было записано первого и второго октября с Хью Карпентером в роли Космического Режиссера и хорошенькой Элисон в роли его сценаристки. Третьего октября его окончательно смонтировали.

По мнению всех, кто имел отношение к проекту, это было самое злободневное и смешное получасовое шоу за всю историю человечества.

Хью отвернулся от монитора и помахал техникам. Питер Рольф, продюсер, пожал руку Хью и похлопал его по спине, потом подошел к Элисон и обнял ее. Поколебавшись мгновение, он поцеловал и Марту. Хотя шоу было записано заранее, вся команда решила присутствовать при показе.

Хью откупорил одну из бутылок шампанского, предусмотрительно захваченных с собой.

– Вот оно летит в эфир!.. В Манчестер и Мюнхен, в Талсу и Тель-Авив! На Альфа Центавра и во всю остальную Вселенную, если только там кто-нибудь есть! Ура!

Вскоре телефон Рольфа замигал, требуя его внимания.

– Да? В самом деле? Отлично! – радостно воскликнул он. – Хью! Телефоны звонят, не смолкая. Зрители просто вне себя от восторга. Ты убедил их не бросаться завтра под автобус. Отговорил сегодня травиться. Ты первый хоть как-нибудь объяснил всю эту дрянь. И снова научил мир смеяться!

– Как, неужели ни одного отрицательного отзыва? – перебил его Дон.

– Ну, есть немножко, по части богохульства. Но, мой дорогой, этого можно было ждать.

– Я и ждал. С нетерпением. Отрицательные отзывы всегда так забавны.

– Не в этот раз, старик. Отовсюду льются потоки благодарности. Вся страна лопается от смеха.

– Вы понимаете, – говорил Рольф, устроивший на следующий день вечеринку в своем доме в Хэмпстеде, – что это новые высоты телевидения? За последние двадцать четыре часа число зрителей возросло до полумиллиарда человек! Не считая Советов, которые подло не верят в рейтинги.

Ковер был усеян телеграммами. Расшвыривая их ногами, Рольф подошел к Элисон, всучил ей очередное виски с содовой и снова поцеловал ее.

– Пожалуй, вы побили рекорд Армстронга, ступающего на поверхность Луны, – обратился он к Хью.

На полу растянулись нетрезвые люди, которые еще раз просматривали запись шоу, заливаясь смехом и даже подвывая в самых смешных местах. Хотя смешно было буквально все.

– Салют! – провозгласил тост Рольф. – Должно быть, сегодня смеется весь мир...

– Черт! – выругался Дон, бросив взгляд на дорожный знак. – До Петворта полмили... Должно быть, мы едем в коттедж.

Хью напряженно застыл на сиденье рядом с Доном, сзади сидели Марта и Элисон. Марта повязала на голову оранжевый платок – совершенно не ее стиль одеваться на уик-энд с друзьями.

Указатель уровня топлива показывал «пусто», хотя Дон всегда держал машину заправленной.

Притормозив... и в самом деле, куда же он несся по проселочной дороге со скоростью шестьдесят миль в час?.. он расслабился и начал любоваться деревьями с листьями цвета заката.

Хью тоже обмяк.

Потом Дон бросил взгляд на часы. Был отнюдь не уик-энд. Самая середина недели.

– Боже мой, двадцатое октября! Такого «провала» еще не было. Пятого мы сидели у Рольфа, в Хэмпстеде. Целых две недели выпало.

– У меня с собой радио, – сказала Марта.

Пустоту в эфире заполнили Бетховеном. Он все звучал и звучал.

– Наверное, новостей скопилось немало, – лениво заметил Хью.

Наконец музыка смолкла.

– ...и с вами Робин Джонсон. Сегодня...

– Через десять минут будем в коттедже. Там у меня пара галлонов бензина про запас.

– ...новости будут для вас неприятной неожиданностью. Вкратце, одиннадцатого октября переговоры о разоружении в Хельсинки окончились полным провалом. Восемнадцатого, два дня назад, в Югославию вторглись вооруженные силы Варшавского договора. В настоящий момент войска Советского Союза сосредотачиваются на границе Западной Германии. НАТО находится в полной боевой готовности... Минуточку!.. Я только что получил сообщение о том, что на территории Западной Германии взорвалось несколько тактических ядерных зарядов. Это сообщение пока не подтверждено...

– Но... – пробормотал Хью.

– Так вот почему мы пытаемся добраться до коттеджа с пустым бензобаком... Мы хотим попасть в число счастливчиков.

Двигатель пропустил несколько тактов, чихнул и смолк. Машина остановилась.

– Кажется, – тихонько проговорила Элисон, – мы все-таки лопнули от смеха.

– Ты хочешь сказать, – прошептала Марта, – Бог – или что-то еще – не любит, когда над Ним смеются?

– Не знаю, как насчет Бога или чего-то еще, – горько сказал Дон, – но, похоже, это можно назвать отрицательным отзывом. И он совсем не забавен. Наше шоу просто зарубили.

– Надо полагать, сейчас пойдут постъядерные сцены, – проворчал Хью. – Надо же, какой бездарный сценарист...

Он опустил боковое стекло.

– Вырезай! – закричал он в небеса. – Стоп! Монтируем!

Но небо на севере вдруг стало нестерпимо ярким. И почти сразу же горячий ветер сорвал с деревьев алую и золотую листву.

Перевод Марины Рыжковой

Где купить «Звездную дорогу»?

В Москве – в магазинах «Библио-Глобус» (ул. Мясницкая, 6, ст. м. «Лубянка»), «Молодая гвардия» (ул. Б.Полянка, 8, ст. м. «Полянка»), в Доме книги «Пресня» (ул. Красная Пресня, 14, ст. м. «Краснопресненская»), «Доме книги в Сокольниках» (ул. Русаковская, 27, ст. м. «Сокольники»), в сети «Новый книжный» (ул. Маршала Бирюзова, 17, ст. м. «Октябрьское поле»; ул. Сходненская, 50, ст. м. «Сходненская»; Пролетарский просп., 20, ст. м. «Кантемировская»; ул. Декабристов, 12, ст. м. «Отрадное»; ул. Митинская, 48, микр-н Митино; Комсомольский просп., 28, ст. м. «Фрунзенская»; Солянский пр-д, 1, ст. м. «Китай-город»), а также на книжной ярмарке в спорткомплексе «Олимпийский»;

в Санкт-Петербурге – в сети «Книжный салон» (Невский просп., 94, ст. м. «Маяковская»; центр «О'Кей», ст. м. «Озерки»; Будапештская ул., 71, ст. м. «Купчино»; 6-я линия Васильевского острова, 25, ст. м. «Василеостровская»; Большой просп. Петроградской стороны, 86, ст. м. «Петроградская»), а также на книжной ярмарке в ДК им. Крупской;

в Саратове, Кирове, Ставрополе, Туле – в киосках «Роспечати».

По вопросам приобретения журнала **в других городах** обращайтесь в отделения фирмы «Ода»: Владивосток – «АП ОДА» (т. 4232 23-52-02); Санкт-Петербург – «Нева-Пресс» (т. 812 324-67-40); Ростов-на-Дону – «АП ОДА» (т. 8632 53-19-17); Пермь – «АП ОДА» (т. 3422 105-193); Самара – «АРПИ-Самара» (т. 8462 53-56-97); Краснодар – «Юг-Пресс» (т. 8612 65-19-91); Уфа – «АП ОДА» (т. 3472 52-35-22); Волгоград – «АП ОДА» (т. 8442 33-73-94).

Наталья Резанова

БЕЛАЯ И ПУШИСТАЯ

Автор повести «Белая и пушистая» живет в Нижнем Новгороде и работает в издательстве «Деком». А раньше филолог, историк, профессиональный редактор Наталья Резанова трудилась в других издательствах города и на Горьковском телевидении. Эти занятия отнюдь не мешали ей пламенно любить фантастику и даже выпускать фэнзин «Славная подруга». Не мешали переводить произведения Андре Нортон, Майкла Муркока, Дафны Дюморье... А с конца 90-х у Натальи Резановой выходят и авторские книги — «Последняя крепость» (отмечена премией «Старт»), «Открытый путь», «Удар милосердия». Так в нашей литературе появился крепкий, ни на кого не похожий автор, тяготеющий прежде всего к исторической фантастике...

Сейчас я болею. А вообще-то я белая и пушистая. Это не цитата из анекдота, а печальная правда. Или диагноз.

– Бирюкова, тут к тебе пришли...

Мне понадобилось немало лет и усилий, чтобы приучить всех сотрудниц называть меня по фамилии. И пресечь все попытки сбиться на «Васю», «Ваську» и «Васеньку».

Ненавижу, когда коверкают мое имя. Но это мое имя, и менять его я не собираюсь. С другой стороны, жить в наше время с именем «Василиса», да при моей внешности, – не самоубийство, но весьма близко к тому.

Нина Петрова нависала над столом, кося лиловым глазом на выключенный компьютер. До конца рабочего времени оставалось минут сорок, и ее явно снедало желание выпихнуть меня на выдачу, а самой включить любимую «четверку». Хотя сейчас была ее очередь стоять на выдаче, она не могла понять, как это можно – сидеть рядом с компьютером и не включить его.



Я не работаю на компьютере. Он у меня вызывает печальные ассоциации. Особенно выключенный.

– Ну, что там?

– Этот... журналист... Кутырин, что ли? Да ты не думай, там у стойки больше нет никого.

– Ну, смотри, если там очередь...

Я сложила карточки в коробку, а коробку убрала в стол, пропустив страждущую Петрову. Без толпы народа в конце рабочего дня – это достойно внимания. Конечно, основной читатель до нас не доходит. Основная серая масса оседает в читальных залах и на абонементе – студенты-хвостисты, заочники, пенсионерки – любительницы крутой эротики, потребляющие лавбургеры пачками. До отдела редких книг добираются либо специалисты, что в наше время бывает нечасто, либо...

Либо.

Эту публику я тоже должна бы ненавидеть. Но сил нет. За последние десять лет (а именно столько я здесь и работаю, перейдя из читального зала) их в отделе перебывало столько, что приходится гадать, остались ли еще в городе нормальные люди. Без скидки на сезонные обострения. Первую и большую часть из них составляют те, кто насмотрелся американских ужастиков, где, столкнувшись с чем-то непонятным, герой прется в библиотеку, с ходу отыскивает в ней древний манускрипт – и опаньки! Сценарии таких фильмов пишут люди, которые в библиотеках никогда не бывали и уж, конечно, в них не работали. А те, кто их смотрит... Все их познания, как правило, зиждутся на воскресных выпусках газет. А поскольку у нас нынче аномальных явлений – хоть лопатой разгребай, особенно в пору подписных кампаний, вот оболваненные сюда и прут. Сколько их было, изумленно разевавших глаза при известии, что Нострадамус, оказывается, по жизни писал не по-русски. О толкователях Святого писания я предпочту умолчать. Никто из них не прочел хотя бы канонического перевода. В лучшем случае они осилили Детскую Библию. О худшем – не надо.

Меньшая, но особо злостная часть – те, кого сбили с пути истинного писатели, придавшие Библиотеке (о да, с большой буквы!) ореол таинственности в культурологическом смысле, адепты святого Хорхе и блаженного Умберто. Не знаю, как в Вавилоне и Буэнос-Айресе, а у нас скучнее и прозаичнее места, чем библиотека, не придумаешь. У начальства одна проблема, зато вечная – нет денег. Крыши дырявые, а подвалы затоплены. Ни один мужик на такую работу не пойдет, хотя вакансий всегда навалом. А женщины идут по двум причинам – добирают стаж, если есть возможность прожить на зарплату мужа, либо –



в основном – потому что здесь при желании можно подзаработать. Нет, не в том смысле, не в древнейшем. Или хотя бы не в прямом значении. Студенты и аспиранты в библиотеку зачем идут? Конечно, не за тем, чтобы книжки читать. Здесь за разумные деньги за вас напишут что угодно – от курсовой до диссера по любой тематике, благо материал под рукой. Одна девушка из иностранного отдела, помнится, написала успешный диссер по банковскому праву, имея за душой диплом театрального училища. Правда, красный.

– Как же она сумела?– спросил Кутырин, когда я поведала ему трогательную эту историю.

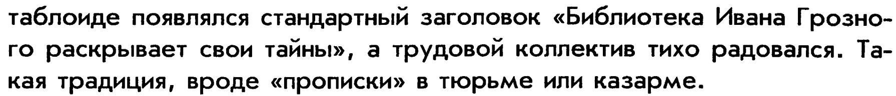
– Перевоплотилась. Актриса...

– А вы по какой из названных причин здесь работаете?

– Ни по какой. По инерции.

Разговор этот был давно, когда Александр Кутырин проявил себя достойно и заслужил право на правдивые байки из жизни нашей библиотеки. Чем и пользовался, но не злоупотреблял. Кутырин – мужичок из раздела «для тех, кому за тридцать», собкор нескольких столичных изданий типа «Новости культуры», «Театр и жизнь». Сам не местный (не беженец, какой-то родственный обмен, я не любопытствовала), окопался в городе уже несколько лет и перестал вызывать интерес окружающих к своей персоне. Поскольку культурными новостями здесь не шибко напитаешься, он периодически пребывает в поиске материала. А милость он заслужил тем, что единственный из всех болтающихся окрест журналистов не поймался на байку о библиотеке Ивана Грозного (нет, кажется, был еще один, но он давно соскочил на историческую родину и не считается).

Вообще-то, положено думать, что это фирменное московское удовольствие. И в целом это правильная мысль. Но следом за столицей в очередь за этой «уткой» встали мы. Почему-то существует версия, что начитанный царь по пути на Казань притащил библиотеку сюда (предвидел, что ли, что Девлет-Гирей Москву сожжет?) и где-то здесь припрятал. Поэтому на протяжении всего девятнадцатого века университеты от финских скал до пламенной Сорбонны направляли сюда экспедиции – копать... К веку двадцатому они устали, а в двадцать первом легенда выродилась в доступное для усталых безденежных женщин развлечение. Каждому журналисту, заскочившему сюда в поисках сенсаций, рассказывали, что самодержец припрятал свое книжное собрание именно здесь, в одном из подвалов старинной Балабановской библиотеки, благо их тут до черта, и половина замурована из-за оползней и наводнений, но не сегодня-завтра ее найдут. Очередная акула пера, довольно урча, уплывала в свои угодья, на другой день в каком-нибудь



таблоиде появлялся стандартный заголовок «Библиотека Ивана Грозного раскрывает свои тайны», а трудовой коллектив тихо радовался. Такая традиция, вроде «прописки» в тюрьме или казарме.

Кутырин, однако, задал вопрос: как мог Иоанн Васильевич, даже если ему приспичило тащить с собой библиотеку поближе к линии фронта, припрятать ее в подвале здания, выстроенного через двести лет после достопамятного похода?

Это верно. Кадетский корпус, который раньше здесь располагался, был облагодетельствован этим зданием попечением графа Аракчеева. А до того здесь проходила внешняя линия городских укреплений. О чем можно прочесть в любом местном справочнике. Но для этого надо как минимум уметь читать. А журналист, как известно, не читатель...

Кутырин, впрочем, тоже хотел быть писателем. И периодически поговаривал, что собирается написать книгу. Не какой-нибудь попсовый роман в мягкой обложке, не скандалезный сборник никому не нужных разоблачений, а нечто настоящее. То, что в наше время уже не пишут. Или еще не пишут.

«Добро ему!» – сказали мы хором и более шуток не шутили. Кутырин же периодически захаживал в библиотеку – поговорить об умном. Чаще всего он заглядывал сюда: с кем еще говорить об умном, как не со спецом по редким изданиям? Этим, и только этим, объяснялся его интерес к моей персоне. Я не обманывалась, равно как и другие библиотекарши, которые даже не утруждали себя сплетнями.

– Здравствуйте, Саша.

– Здравствуйте. – Он никак меня не называл. «Госпожа Бирюкова» – слишком официально, да и смешно, учитывая наш социальный статус. Между библиотекаршей и госпожой разница как между барыней и барской барыней. А с именем-отчеством получается еще хуже. – А я все-таки начал книгу.

– Да? – Я искренне удивилась. Были основания считать, что это так, обычный треп. – О чем же?

– Конечно, не про Ивана Васильевича с книжками. Эту дорогу истоптали до отвращения, но именно местная версия этой легенды и навела меня на мысль. Здешние предания. Мифы. Суеверия.

– Не ожидала я от вас. Это даже не дорога, а автобан...

– Да нет же! Не в стиле издательства «Русский купец». Не попса. Исторические, психологические истоки представлений – вот так.

– А что серьезного в этой области можно написать после Проппа?

– После Пушкина стихов тоже можно не писать.

– Скромненько вы, однако...

– Нет, в самом деле. Пропп занимался только сказками. К тому же





его штудии не привязаны к отдельным регионам. И он полностью пренебрег некоторыми сюжетами, даже и сказочными.

– Какими?

– О вампирах, например.

– Да бросьте вы! Здесь Поволжье, а не Трансильвания. Никогда здесь ничего подобного не рассказывали. Я в этих краях живу подольше вас, уж поверьте.

– Об упырях-кровососах не рассказывали. В Средней России другие вампиры. Энергетические.

– Это что-то новенькое. Или вы про наших энергетиков, которые свет отключают по всей губернии?

– Ничуть. Это вовсе не шутка. Вы про огненных змеев слышали? Очень древний сюжет. И до сих пор по деревням бытует.

– Нет, не могу я поверить, что вы серьезно. А если уж браться за мифы, то за современные. Воздействие на психику путем 25-го кадра, снайперши в белых колготках, продажа младенцев на органы, про маленьких зеленых человечков я уж не говорю...

Я и вправду была сильно разочарована. И ты, Брут... Не дождался, пока тебя купят, и пошел продаваться сам.

Он махнул рукой.

– Пустое это. Я, собственно, зачем пришел: правда ли, что в вашем фонде хранится библиотека князей Алатырских?

Я подняла брови. Это вам не Иван Грозный, это уже нечто.

– Конечно. А вас интересует французская эротическая проза? На языке оригинала?

– Нет, а что?

– Я в свое время посмотрела, что почитывали князья. Библиотека в основном составлена в XVIII веке, и книги там совершенно определенного толка. «Галантные Индии», «Совращенные поселяне» и тому подобное. Чем князинька не интересовался, так это славянской мифологией. Тогда это не было модно. И, черт возьми, что там для вас полезного? Уж если вы запали на источники, так в нашем городе есть Институт древнерусской книжности. Могу дать адрес.

– Не надо. Я там был. Сплошные старообрядческие рукописи.

– Естественно. А вы чего ожидали? Что они «Слово о полку», дополненный вариант, в скитах найдут?

Прозвенел звонок, извещающий о конце рабочего дня. Где-то в недрах отдела Нина Петрова со вздохом оторвалась от заказного текстильного труда «Цели и сущность процесса трепания». Со второго этажа неслись раздраженные голоса – из читальных залов шугали припоздднившуюся публику.



– Извините, я вас задерживаю. Но мы продолжим этот разговор?

– Хорошо. Посмотрите картотеку.

Это прозвучало как «Я дам вам парабеллум».

И произвело тот же эффект. Никто не любит смотреть картотеки. А каково их писать?

– Ты закроешь? – спросила меня Петрова. У нас это процесс длительный, отдел надобно опечатывать, но Нина, во искупление моего внепланового стояния на выдаче, готова была задержаться.

– Закрою, чего уж там. Иди.

Она удалилась, бормоча: «А на воле опять метет, и автобусы не ходят...» Особенность местного говора – «на воле» употребляют вместо «на улице».

Минут через десять и я вышла на улицу. Было бы неприятно, если бы Кутырин меня дожидался. Но он не имел такой привычки, не изменил себе и теперь. Никто меня не потревожил.

Как всегда, шел снег. И это хорошо, поскольку фонари не горели. Не будь снега, тьма стояла бы такая, какая бывает только зимним вечером в провинциальном русском городе. А со снегом всегда светло. К счастью, в этом продукте у нас не бывает недостатка. Подумать только, где-то люди мечтают о «белом Рождестве», сочиняют о нем слезливые песенки и хранят снег в холодильниках. Если бы этот край экспортировал в такие страны свое главное природное богатство, то роскошествовал бы похлеще арабских эмиратов, да и для себя еще снег оставался. Но снег здесь никто не экспортирует, а также не убирает, так что за год по причине гололеда, наката и заносов гибнет больше народу, чем на среднестатистической войне.

Громыхая, как призрак трамвая, подошел трамвай, и я поднялась внутрь. Несмотря на перебои с энергией, этот вид транспорта оставался в городе самым популярным. Отчасти потому, что был самым дешевым. А еще потому, что «электрическая железная дорога», проложенная еще в позапрошлом веке, была устроена наиболее рационально. Скажем, ко мне на Епифаньевскую напрямую можно проехать только на трамвае... Час пик уже миновал, в вагоне было свободно, и я, отряхнувшись от снега, без труда нашла себе место.

Чтобы подумать на досуге.

Странно, однако, что журналист завел речь о собрании князей Алатырских. Даже если учесть, что все связано со всем.

Алатырские и Епифаньевская.

Связано, сплетено, смотано клубком. Нужно лишь знать, за какой конец потянуть нитку. Но что находится в сердцевине клубка?



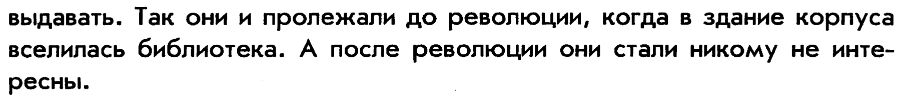
Может быть, город.

Он был не очень древним – и на восемьсот лет не потянет. А до того жили здесь народы финского корня. Сумь, емь, мордва, мари, черемисы и мурома. Народы Mordens, как называет их Иордан. Высокие, костлявые, скуластые и беловолосые язычники. Славян не было. Они пришли сюда в XIII веке – лучше организованные, лучше вооруженные, а главное – знающие, что все простится им, ибо борются они с погаными идолопоклонниками. И народы Mordens оттеснили в леса. А пришельцы основали здесь город и стали жить. Воевали с татарами и с Москвой, братались с татарами и с Москвой, ходили с татарами на Москву, а с Москвой на татар... и смешались с местными, сделались скуластыми, костлявыми и беловолосыми. А племена Mordens одно за другим принимали православие и ислам – и стали называться русскими и татарами. Впрочем, многие из них остались сами собой и, говорят, по сию пору верны язычеству. Но о них речи здесь не будет.

Первый из князей Алатырских, черемисский выходец, возвысился из племенных вождей, приведя своих людей на подмогу Иоанну Васильевичу, шедшему воевать Казань, за что был награжден княжеским титулом и вотчинами. После чего князья Алатырские верно служили русским царям, а когда вышел указ о вольности дворянства – никому не служили. Тогда здесь был расцвет феодализма в отдельно взятой губернии, и едва ли не каждое барское владение могло заткнуть за пояс какое-нибудь немецкое княжество, где вместо управителей были министры, вместо приказчиков – герольдмейстеры и церемониймейстеры, сенные девки именовались фрейлинами, а о придворных живописцах, музыкантах, поэтах и богословах и упоминать неловко.

Род князей Алатырских двигался к закату среди артиллерийских салютов в честь барских фриштыков, медвежьих и кабаньих охот и плясок крепостных балерин под громы крепостных же оркестров.

Последний из князей скончался в царствие Александра Благословенного. Его хватил удар, когда из окна он увидел, что один из холопов пересек двор, не сняв перед господскими хоромами шапки. К тому времени князь был почти полностью разорен тяжбой с промышленником Епифаньевым, хищником новой формации, занявшим экологическую нишу, освобожденную Демидовыми и Баташевыми. От былой роскоши оставалась лишь библиотека, каковую князь и подарил кадетскому корпусу, дабы не досталась она клятому Епифаньеву. Учитывая состав книжного собрания – я правдиво поведала о нем Кутырину, – подарочек будущим гвардейцам был еще тот. Говорят, граф Аракчеев, под чьим патронатом находилось учебное заведение, лично распорядился снести книги Алатырских в те самые пресловутые погреба и никому не


выдавать. Так они и пролежали до революции, когда в здание корпуса вселилась библиотека. А после революции они стали никому не интересны.

Но князю Алатырскому это уже безразлично.

От царя Грозного до царя Благословенного – вот история рода.

И – до Епифаньевской...

Это уже мне. Пора покидать вагон и выходить на улицу. Остановка Епифаньевская, бывш. Красных речников, бывш. Епифаньевская.

Улица называлась не по купцу. Улица называлась по церкви, которую этот купец выстроил. Вообще-то, церковь именовалась Чудоархангельской. Но это название не прижилось. Сейчас, в темноте и метели, отсюда, за два квартала, невозможно было различить ни очертаний колокольни, ни странного флюгера на шпиле под крестом. Тут собственный дом бы разглядеть.

Подумать только, а я еще помню то время, когда по вечерам эта улица была полна народу. Но сейчас, вернувшись с работы, все забиваются по домам. В восемь вечера – как в полночь. Наверное, так же было при Епифаньеве. И когда город был еще деревянным...

Над ювелирным магазином теплился фонарь. Миновав арку слева от магазина, я оказалась во дворе. Здесь уже царила полная тьма. И для человека с тонкими нервами было бы лучше и не видеть, как дом, с фасада сохраняющий благоприличие, оборачивается ветхой руиной...

Здесь, в этом доме, я жила. И знала, что так со двора выглядят многие дома на Епифаньевской. А ведь когда-то эта улица была одной из самых респектабельных в городе, о чем свидетельствовал и существующий по инерции (как я в библиотеке) ювелирный магазин, и косящее под Парфенон здание Старой Биржи напротив. А за Биржей начинались причалы. Причалы стояли и сейчас, но река перестала быть кормилицей города. Отсюда и печальное превращение улицы. Бывает. Бывает и наоборот. Грабиловка и Солдатские выселки, бывшие когда-то уголовной окраиной, стали теперь вполне пристойными улицами почти что в центре города – мечтой врачей, учителей и отставных военных.

Но мне до этого нет дела. Я живу здесь, в доме на Епифаньевской, на втором этаже, а их всего-то два и есть, ибо дому лет двести, а еще сто лет назад в Итиль-городе дом о четырех этажах считался небоскребом.

Описать свое жилище в подробностях я не могу. Тут нужен Достоевский. Квартира портного Капернаумова – вот что это такое. Да еще коммунальная. С коридорами, уводящими в никуда, с потолками, скопированными с гробовых крышек, щелястыми стенами и множеством комнат, населенных бледными болезненными женщинами разных воз-

растов. Мужчины фрагментарно появляются, но здешняя атмосфера, кажется, для них губительна. Они начинают болеть, умирают – либо сбегают. Женщины тоже болеют часто (были случаи, что сходили с ума), но продолжают жить. И не бегут – хотя им это было бы легче – путем замужества. Но они предпочитают приводить мужей сюда. После чего те начинают болеть и т.п.

И еще здесь тоже почти всегда темно. Причем свет начал отключаться задолго до нынешних перебоев с энергией. Просто дом не ремонтировали с последнего визита в город государя императора по случаю трехсотлетия правящего дома, и что там осталось от проводки – никому не разобрать. Все как-то привыкли, приспособились и никуда не ходили жаловаться, тем более что отопление и газ были в порядке.

Чтобы попасть к себе, мне нужно было пройти через кухню. С вечера там обычно зажигали ради освещения одну-две конфорки и тем обходились. И сейчас на плите тлел лиловый ободок. Возле занавешенного окна дремала на стуле старуха Абдулмуратовна, сложив руки на животе. Она почти все время проводила на кухне.

У себя в комнате я переоделась, накинула куртку, повязала платок, взяла фонарь и ведро и снова вышла.

На сей раз Абдулмуратовна приподняла морщинистое веко. Более ничто не шевельнулось.

– Ты куда это на ночь глядя? – Голос словно исходил из глубин живота.

– В сарай. Картошка кончилась.

– А-а. – Веко захлопнулось.

Следующий день был таким же – ветер и снег. Сугробы еще приблизились к окнам второго этажа. И библиотекарши у входа привычно вещали, что о прошлом годе снегопады были до середины мая, а в этом, наверное, протянутся до июня?

– И разные козлы, которые сроду не вылезали из своей Калифорнии, будут нам вещать о глобальном потеплении. Их бы к нам хоть на одну зиму... – бубнила Петрова.

– А нас – туда! – подхватывала практикантка Пуся.

Я молчала.

С утра Кутырина не было, и я начала надеяться, что все его разговоры о книге были простым бахвальством. К обеду мне удалось справиться с обычной партией психов и с единственным специалистом, который пришел в отдел поработать. Дело в том, что у нас действительно есть редкие книги – инкунабулы, славянские старопечатные, а в отделе рукописей хранятся настоящие сокровища. Например, «Тарих Булгар»



Якуба ибн Номана – единственный уцелевший список и единственный положительный итог налета местного князя на Великую Булгарию. Тогда, кстати, Казань захватили в несколько часов – куда там Ивану Грозному. Правда, и свалили оттуда с добычей на другой день. Из всей добычи только книга до наших дней и дожила. Однако нынешние посетители подобными сведениями пренебрегают. А историков и литераторов экономические бури переместили либо сильно западнее, либо сильно восточнее...

Остался лишь одинокий аспирант Пеппер, который пишет диссертацию о заимствованиях в «Повести временных лет» из «Китаб аль Кузари». И нынче пришел за репринтным изданием Бен-Галеви, с которым и удалился. Вот напишет он свой диссер и тоже уедет в какой-нибудь Анн-Арбор.

Тут выдалась передышка, и я едва успела просмотреть свежий номер «Книжного обозрения» (на вершине рейтинга – детектив «С особой жестокостью», дамский роман «Шальная императрица» и фантастический боевик «Гадомонстр ликующий», всё продукты отечественного производителя), когда заявился Кутырин.

Была моя очередь работать на выдаче, и Петрова на замену бы не пошла. А Пуся обедала. Ладно, обойдемся своими силами.

– Что, будете смотреть картотеку?

– Успеется, – сказал он. – Мы с вами вчера не договорили...

– О чем? Я не помню. Какая-то смутная была беседа.

– О фольклоре. О русском в целом и местном в частности.

– Начинаю припоминать. Вы, кажется, убеждали меня, что здешние жители додумались до энергетических вампиров.

– Конечно, так их не называли. «Огненные змеи» звучит не в пример эффектнее.

– Огненные змеи? Это что-то вроде драконов?

– Вовсе нет. Это такая нечистая сила, летает по небу в виде огненных змей... и посещает исключительно безутешных вдов. Там змеи принимают облик умерших мужей и, хотя напрямую об этом говорить избегают, исполняют супружеские обязанности.

– С точки зрения издателя, эротика – это правильный ход. Только при чем же тут вампиры? Это уж, извините за выражение, инкубы...

– Эротика в данном сюжете не главное. Ведь все делается для того, чтобы отнять у бедных женщин их жизненную силу. Пока они не умрут. Если это не энергетические вампиры, то не знаю, что же еще так называть.

– Ну... пожалуй. Если вы все это не придумали. Долгими зимними вечерами.



Кутырин обиделся.

– Если не верите, справьтесь в книгах. Это вообще сюжет для России обычный. Просто здесь он как-то особенно популярен. Я даже не представлял, что в наше время о таких вещах можно рассказывать как о реальных.

– Да, чувствую, первоначальная подготовка у вас имеется.

– Надеюсь. И знаете, что еще меня в здешнем фольклоре удивило? Никаких змееборческих сюжетов, никаких героев-драконоборцев, как в Муроме или Казани, – и это при таком количестве змей в окрестностях...

– Что вы! Как писали во времена оные сентиментальные иностранцы, края эти столь благодатны, а жители столь добры, что даже змеи здесь не кусаются. Так они трактовали в изобилии водившихся здесь ужей.

– Судя по тем сказкам-былинам, не такая уж здесь была благодать. Однако без мифологической подкладки. Чисто конкретные разборки князей друг с другом, русских с татарами, разбойников с солдатами...

– А вы собираетесь это опровергнуть.

– А скучно жить без мифологической подкладки. Холодно.

– Все равно я не могу понять, при чем тут библиотека Алатырских.

– Я и сам в точности не понимаю. Но есть некоторое предчувствие... Это правда, что библиотека лежала в подземелье?

– В подвале. Подземелье – это несколько иной жанр.

– А мне говорили, что здесь есть подземные ходы.

– Да тут вокруг старых зданий вся земля изрыта. В основном кладоискатели постарались – и археологи разных калибров. Так что подземных ходов тут полно. Лавкрафт бы восхитился. Но Говарды Филипсы сюда не шибко приезжали, все больше «буревестники революции».

– Отчего же? Льюису Кэрроллу, я слышал, в этом городе очень понравилось. И он тоже кое-что понимал в подземельях.

– Он понимал, – коротко отозвалась я.

И на этом нас прервали. Пришли студенты – смотреть издание «Британской энциклопедии» 1937 года: оно полнее последующих. Помню, как они изумлялись тому, что «Британника» – на английском. Поэтому я подвела Кутырина к шкафам с картотекой, указала нужные ящики, а сама занялась молодежью, жаждущей не столько знаний, сколько стипендий Британского Совета. Потом из читального зала вернулся Пеппер, и мы с ним в четыре руки заполнили новую заявку. Потом я писала ответ Центральной библиотеке Мадьяростага, требовавшей от нас, тоталитарных варваров, возвращения книжных сокровищ, захваченных



при набеге в 1945 году. Не иначе, булгары скоро своего потребуют — и с большим основанием.

Когда я покончила с этой бодягой, Кутырин уже ушел. Так что я еще успела заглянуть в «Мифологическую энциклопедию» и посмотрела, что там написано об огненных змеях. Статья показалась мне вполне удовлетворительной. И объясняла все ясно и доходчиво. В отличие от разговоров Кутырина... Кэрролла зачем-то приплел, подземелья. Надо будет спросить у Пуси: кажется, есть такая игра — «Драконы подземелий». Драконы, понимаешь, змеи... огненные. В «Мифологической энциклопедии» ничего не говорилось о том, имелись ли у огненных змеев крылья. Но как-то же они летали?

Вечером, в виде исключения, не было метели, и если очень пристально приглядеться, можно было рассмотреть на шпиле Епифаньевской церкви черное крыло.

Это всего лишь флюгер. Чугунный, потому и черный. Однако флюгерам над кровлей православных храмов быть не полагается. И старые люди всегда говорили, что это неспроста. Что крыло это простер над улицей невидимый снизу черный змей, обвившийся вокруг шпиля. И много чего другого.

Промышленник Епифаньев прожил долгую жизнь, щедро жертвовал на монастыри, строил церкви, что не мешало современникам именовать его «семенем антихристовым». А на смертном одре он, говорят, превратился в крылатого змея и улетел. И токмо тень гада навсегда запечатлелась над местом поруганной благодати. По всей вероятности, эти слухи исходили от нового поколения промышленников. Все они были старообрядцы, и для них Епифаньев был не только конкурент, но супостат истинной веры. Связанные круговой порукой, умело воздействуя на умы (преследуемые властью, они овладели этим искусством в совершенстве), старообрядцы вытеснили Епифаньева с ключевых позиций и если не довели до сумы и долговой ямы, то купеческую гордость поломали. Так что не пошло ему впрок добро князей Алатырских.

Хотя злорадствовать тут нечему. Старообрядцы тоже благоденствовали недолго. Вера запрещала им водку, табак, театры и карточную игру. Но они нашли игру поазартнее — швыряли деньги не на рулеточное колесо, а на революцию. И доигрались.

У всего, что случилось потом, были и положительные стороны. Например, здание кадетского корпуса передали библиотеке — тогда она была имени Крупской и лишь в последние годы в качестве патронессы заполучила Екатерину Балабанову.

Епифаньевской церкви тоже повезло: ее не взорвали и не превратили в склад. Там был музей народно-прикладного искусства, один из са-

мых посещаемых в городе. Правда, недавно епархия вспомнила о ней и предъявила свои права. При этом выяснилось, что здание основательно обветшало и требует ремонта, а денег у городской казны, как водится, нет. Так что сейчас церковь заперта, но, говорят, весной начнут ремонтировать, а там и заново освятят... О том, что церковь эта – «неправильная», и о змее на крыше теперь никто не помнит. А может, сейчас не принято говорить о таких вещах.

Епифаньеву тоже повезло – посмертно. Он стал считаться образцом благотворителя. В его жизнеописании в сборнике «Именитые граждане», пару лет назад поступившем в библиотеку, ни слова нет о «семени антихристовом». И о разоренном князе Алатырском – тоже. Отчасти – чтобы не затенять светлый образ промышленника, отчасти потому, что дворян нынче чтут с еще большим трепетом, чем двести лет назад.

Поэтому о князе предпочли забыть.

Но, как выяснилось, не все.

В последующие дни я не видела Кутырина. Была моя очередь дежурить в отделе периодики. Там нет постоянного работника: никто не хочет идти, все сразу увольняются, наплевав на стаж, – настолько безобразные в этом отделе условия. Но дирекция нашла выход: примерно раз в два месяца каждая из сотрудниц отправляется туда отбывать повинность сроком на неделю. Этот срок я мотала, помянув сладостным новым стилем тех итальянцев и аргентинцев, что воспели труды в библиотеках. Романтики! Хуже библиотек (а особенно этого отдела с его неистребимым грибком, заражающим все со скоростью химического оружия) только архивы. Но воспевать архивы доселе извращенцев не нашлось.

А по возвращении в родной отдел Петрова сказала мне:

– У этого Кутейкина...

– Кутырина.

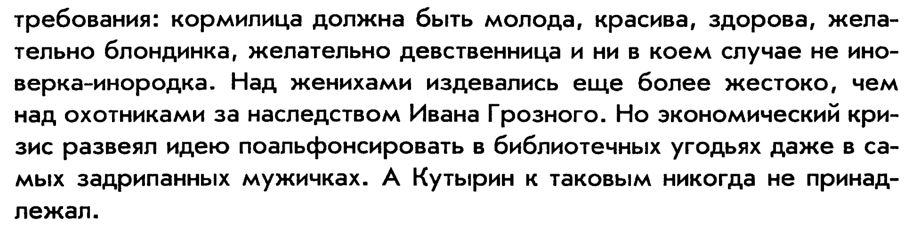
– Тем лучше. У него, похоже, серьезные намерения.

– Ты про его книгу?

– Я про тебя. Он про книгу-то ни словом не обмолвился и по каталогам не шастал. Беседовали мы с ним исключительно о тебе.

– Окстись, Нина. Это не смешно.

Раньше в библиотеку и впрямь заглядывали товарищи из разряда, в наших древних книгах именуемого «хлебоясть», – в поисках жены, «чтоб она меня содержала», со святой простотой говаривали они. Почему-то они были уверены, что стоит им ступить в пределы нашего бабьего царства, как на них бросятся ошалевшие от счастья соискательницы. К таковым предъявлялись, о чем сообщалось с порога, строгие



требования: кормилица должна быть молода, красива, здорова, желательно блондинка, желательно девственница и ни в коем случае не иноверка-инородка. Над женихами издевались еще более жестоко, чем над охотниками за наследством Ивана Грозного. Но экономический кризис развеял идею поальфонсировать в библиотечных угодьях даже в самых задрипанных мужичках. А Кутырин к таковым никогда не принадлежал.

– Нет, правда. Он все о тебе расспрашивал. И откуда ты, и есть ли у тебя родственники, и сколько тебе лет... И, знаешь, не у меня одной. Мне Охримчук из отдела кадров сказала.

– И ты, значит, всю мою подноготную и выдала.

– Нет, что ты! – Вид у нее был смущенный, привирала, наверное. – Понимаешь, я вдруг сообразила, что толком не знаю о тебе ничего! Вот уж сколько лет мы с тобой работаем – пятнадцать, кажется...

– Больше.

– Видишь, больше пятнадцати – а не знаю. Ты вроде не по распределению сюда приехала.

– Нет. Просто жилплощадь поменяла.

– Ну, хоть не совсем память отшибло. И в отпуск ты никуда не ездишь, стало быть, родственников у тебя нет...

– В живых – нет. По крайней мере, я не слышала, чтобы кто-то остался.

Тема требовала выражения сочувствия. А сочувствие – трата душевных сил и времени. В наши дни и то, и другое расходовать нерационально, и Петрова предпочла свернуть разговор, удалившись к любимой «четверке». Я осталась за стойкой, перебирая карточки.

Серьезные намерения, как же! Только не матримониальные. В затененной стеклянной створке шкафа я видела то, на что избегала смотреть, – свое отражение. «Такие неуловимые, как бы нарочито стертые безглазые лица часто встречаются у людей Поволжья – под скучной невыразительной маской эти люди...»

Прервем цитату. Главное – что этот облик несопоставим с именем.

Когда пришел Кутырин, я сразу же сказала ему:

– Нехорошо, Александр Игоревич, расспрашивать о возрасте женщины. Не по-джентльменски.

Тон был легок, но он смутился. Даже, кажется, испугался. Что, в самом деле считал, что мне не передадут?

– Да я ничего дурного не имел в виду, Василиса Георгиевна... (Я поморщилась.) Я думал, вы местная. Так хорошо знаете здешнюю историю, в подробностях. А вы, оказывается, тоже...

– Да, я приезжая. Но живу здесь давно.



– А говорят, Алтай – край сказочно красивый.

– Наверное. Не помню. Уехала и застряла здесь.

Не зря он крутился в отделе кадров.

– Почему?

– Потому что здесь много снега. Кстати, о сказочных красотах. Я почитала, что пишут о ваших огненных змеях. По-моему, все эти побасенки – просто выражение народного здравого смысла: чрезмерная скорбь по умершим губительна для здоровья. Но, конечно, авторы научных трудов таким простым объяснением не удовлетворяются. Они считают огненных змеев воплощением и символом мужского начала. Не случайно змеев женского пола не бывает, в отличие от другой нечисти.

– Вот уж от кого, а от вас примитивного феминизма не ожидал...

– Во-первых, не от меня, а от мифографов наших. А во-вторых, почему именно мне сие не позволено? Личиком не вышла?

– Ну, зачем же так?

– А я не обижаюсь. Знаю, что на Василису Прекрасную никак не тяну. Разве что на ту, которая так и осталась лягушкой. К вопросу о специфике славянской мифологии: сюжет бродячий, но у всех народов заколдованная героиня в облике эстетическом пребывает, птицы чаще всего, лебеди – вот и Пушкин эту традицию усвоил. А в русской сказке она лягушка. Почему?

– По контрасту. Прекрасная царевна – и нечто скользкое, мокрое и холодное.

– Лирика! Ответ неверный. Русский фольклор, в отличие от европейского, дошел до нас в весьма архаичной форме. Лягушка, жаба, змея – первообраз божества-творца. Мать сущего, поднявшаяся из мировых вод.

– Потому что она – существо земноводное?

– Потому что яйцекладущее. Почему смерть Кащея заключена в яйце? Спросите у Василисы – лягушки или жабы.

– Вы хорошо, однако, изучили эту сказку.

– Потому что имя «Василиса» – насмешка надо мной, и пришлось научиться стильно и со вкусом отбрехиваться.

– Вы поэтому моих огненных змеев приняли близко к сердцу? Чувствуете их своими родственниками?

– Ох, опять я отвлеклась... вы продвинулись в своих изысканиях по библиотеке Алатырских?

– Не очень. Теперь я понял, почему никто не любит работать с картотекой. Этого списка нет в Сети? Я бы смотрел его по Интернету и не мешал вам.

– Конечно, это было бы удобнее... но каталога Алатырских в Сети пока нет. У нас огромное книжное собрание, а техникой нас оснастили всего лишь пять годков назад. Поэтому в первую очередь в Сеть забивают списки, которые пользуются наибольшим спросом. Чтобы как-то разгрестись, понадобится немало десятилетий... Так что полное представление о фонде дает лишь бумажная картотека. Ее почти сто лет вели – что вы хотите? И сейчас ведут.

– Я заметил, что в картотеке по Алатырским карточки заполнены одним почерком. Это ваш?

– Да. По-моему, я уже упоминала, что разбирала эти книги. Но я не работаю на компьютере. Старам стала и умом плохам...

– И последний вопрос – чтобы я от вас отстал. Кто такая Екатерина Балабанова? Даже смешно: хожу-хожу сюда, а почему библиотека Балабановская – не знаю.

– Это медиевистка девятнадцатого века. Нет, ничего общего с вашими интересами, вообще ничего по русскому фольклору – фольклор ее интересовал исключительно провансальский и бретонский. Всяческие «мелюзины» и «корриганы». Она почти забыта, да и помнить особо не за что, но – местная уроженка, а при нынешней моде на возвращение к истокам лучшей кандидатуры на смену Крупской не нашлось.

На сем он меня оставил. Любопытная получилась беседа. Кажется, я заметила все крючки, которые он мне понакидал. Непонятно только, почему он спросил про нашу нынешнюю патронессу. Действительно решил поискать в том направлении? Или по старому доброму принципу «запоминается только последняя фраза»?

Когда меня заметало на остановке, подошла какая-то бабуся в облезлом оренбургском платке и спросила:

– Сколько время? Время у вас есть?

Особенность местного говора: слово «время» здесь зачастую употребляют вместо «часы».

– Нет, – отозвалась я. – Времени у меня нет.

Почти.

Дома было все как обычно – темно и тихо. Даже, пожалуй, еще тише и темнее. Абдулмуратовна несла свой пост на кухне, а вот вдова Ладная повезла, как выяснилось, свою дочь-эпилептичку на богомолье в Сараклыч. Так что нынче ударов головой о стенку ждать не следовало. Не тревожа Абдулмуратовну, я прошла к себе в комнату. Свет от фонаря над ювелирным магазином пробивался сквозь шторы, дрожа, перебегал по стенам, но я знала, что не увижу там самого ненавистного на свете – своего отражения.

«...под скучной невыразительной маской эти люди ловко скрывают

свой хитрый ум, здравый смысл и странную, ничем не объяснимую жестокость». Конец цитаты. Впрочем, кое в чем «буревестник революции» ошибся...

Кутырин приходил еще раз. Разговор был сумбурный, весь из обиняков. О своей книге он больше не вспоминал.

– А почему вы не любите, когда вас называют по имени? (И это библиотечные девки ему натрепали!)

– Я уже говорила – оно мне не подходит. И не выношу, когда его искажают.

– Но в наше время так легко сменить имя. Или укоротить. Из Василисы сделать Алису. Почти то же самое. Кстати, знаете, как назывался первый вариант книги, которую Кэрролл написал по возвращении из России? «Приключения Алисы под землей».

Он улыбался. Кажется, я видела это впервые. С улыбкой он вовсе не так симпатичен, как обычно. На зубах блестела слюна.

Я тоже улыбнулась.

– Вряд ли ему что-то впаривали про библиотеку и подземные ходы. Чарльз Лютвидж Доджсон не говорил по-русски. Подземный ход – его собственный вымысел.

– И зеркало тоже?

– И зеркало. Ясно же, что это он сам придумал. Он не знал, каким должно быть правильное зеркало.

– А каким оно должно быть?

– Черное. Каменное. Квадратной формы. Когда-то подобные зеркала стояли в пещерных святилищах. Когда стали искоренять язычество, их в основном уничтожили. Но не все. Одно такое зеркало было у доктора Ди... Это было правильное зеркало. Но он неправильно его использовал.

– Никогда не слышал о таком в связи со славянской мифологией.

– При чем здесь славяне? Они пришли после... А я услышала об этом там, откуда приехала. В Белом Яре. Там не водилось князей, которые дрались между собой – чтобы про них сочиняли легенды.

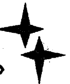
– Да, князья... Князья были здесь. Между прочим, что такое «Алатырь»?

– Как что? – Я пожала плечами. – Город и река.

– Это по жизни. Но в славянской-то мифологии так вроде назывался какой-то камень. Его еще ни за что нельзя было трогать. Губительно.

– Правда? Стало быть, славяне все же кое-что знали.

– Выходит, что так. Хотя само слово, скорее, тюркское.



– Не обязательно. Не то по-мордовски, не то по-марийски «атырь» значит «ловушка».

– Но не «алатырь». И в фольклоре ничего не говорилось о том, как этот камень выглядел. И был ли он похож на зеркало – или он и был зеркалом?

– В любом случае местные жители в него не гляделись. Кто знает, какие гады из него полезут? Потому и нет змееборческих сюжетов. Как там у нобелевского лауреата? «В конце концов, убийство есть убийство. Долг смертных – ополчаться на чудовищ, но кто сказал, что чудища бессмертны?»

– А в самом деле, кто это сказал? – сухо заметил Кутырин. И ушел, не попрощавшись.

Я ошибалась, полагая, что у меня почти нет времени. Времени не было совсем. Это выяснилось вечером, когда на кухне под мерное сопение Абдулмуратовны я встретила Ладную. Та была весела: дочь на неделю поселили в монастыре – изгонять нечистого, там это снова практикуется.

– А к тебе на той неделе заходил один, – радостно сказала она. – Да все не заставал: ты на работе была. Справный такой, с бородой.

– Как же ты разглядела, что он справный, у нас же света нет?

– А я таких носом чую. – Ладная рассмеялась. – Шучу. Днем же дело было, зачем свет? А кроме шуток – и без света бы различила, соскучилась. Плохо без мужиков-то, я так ему и сказала, да не живут они у нас, мрут. Моя-то дура так разволновалась, что мужик пришел – аж запирать пришлось! – а там припадок и случился. Я потом еще в окно посмотрела: все ходит и ходит по двору, слоняется. Но до темноты ни разу не дождался! – победоносно закончила она. Мол, не только ее дочке мужик не достался, но и мне.

Конечно, он не дождался. Он точно знал, когда я заканчиваю работу. То, что он был в квартире и даже, может быть, пролезал в комнату под благостным оком истомившихся женщин, – неважно. Ничего он в той комнате не найдет. А вот то, что он слонялся по двору возле сараев, – это очень плохо.

«Все не так страшно», – сказала я себе. Невозможно представить, чтобы современный здравомыслящий человек решился на такое... такое...

Правда, можно представить, что под личиной мирного журналиста скрывается извращенец, свихнувшийся мономан.

Однако что я – не навидалась этих современных, не испытала, что самые дикие из суеверий прошлого с легкостью распространяются сре-

ди них – как чума, как холера? Даже легче, потому что от чумы и от холеры найдено лекарство.

Лучше бы вам, господин Кутырин, оказаться маньяком.

Утром я позвонила в отдел, с трудом отыскав в округе работающий автомат, сказала, что беру больничный, и повесила трубку, не слушая воплей, исторгаемых дуэтом ПП.

Мне никто не мешал в тот день – и кто бы мог помешать? Люди были на работе, на учебе, а те, кто оставался в домах, не выходили из-за метели. Если б так бывало каждую зиму, моя работа подвигалась бы скорее. Но я надеялась закончить за несколько часов то, на что при нормальном развитии событий ушло бы несколько дней. Все же к тому времени, когда лопату можно было сменить на лом, темно было не только внутри, но и снаружи.

Так даже и лучше.

Нору, по которой можно было проползти и нащупать подвальную дверь, я проложила больше недели назад. И все предшествующие ночи только расширяла проход. За годы, проведенные в подземелье, работая лопатой и тягая мешки с землей, я настолько укрепила эти дряблые женские мышцы, что могла бы сломать двери голыми руками. Однако предпочла сделать это ломом: так аккуратнее.

Любимая Пусина игра «Tomb Raider» в действии. Только я в игры не играю. По крайней мере, сейчас.

Странно: когда открылась дверь, я не обрадовалась. Слишком долго я этого ждала. Никто не способен представить, как долго.

И слишком часто ошибалась.

Мои глаза привыкли к темноте подземелья, но мрак церковного подвала был каким-то иным. Более густым, настоявшимся. Пришлось включить фонарь.

Из подвала нужно было подняться немного выше в полуподвал-хранилище. То, что я ищу, предположительно находится здесь. В перечне вывезенного не значится, а в экспозиции никогда не выставлялось.

Стоило мне миновать четыре ступени (высокие, как на крепостной стене), как в лицо мне ударил узкий луч фонаря и я услышала:

– А женщины копали и копали...

Слова из старой дурашливой песенки пришлись удивительно к месту: наверняка Кутырин приготовил их загодя. Однако голос у него дрожал. И я также направила луч фонаря ему в лицо – так, что он зажмурился. Он сидел на перевернутом ящике в нише у стены. И не встал при моем появлении.

– Не удивлена? – Он впервые обращался ко мне на «ты».

Я не ответила.



– Я уже третью ночь жду, – сообщил он. – А нынче, как услышал, что ты не вышла на работу, думаю: дождался. И не ошибся.

– И кто кого будет сдавать в милицию как церковного вора?

– Не говори глупостей. Это еще не церковь. И уже не музей, так что с музейным вором тоже не проканает.

Он с удовольствием выделил последнее слово, хотя в библиотеке изъяснялся на удивительно чистом для журналиста литературном языке.

– Кроме того, я вошел сюда почти официально. У меня есть знакомые в реставрационных мастерских. По дружбе, да под обещание рассказа об их нелегком творческом труде в столичных газетах они ключи кому хочешь отдадут. Так что я просто, без затей отпер дверь. А вот ты... Подземный ход, надо же!

– И давно ты догадался?

– О чем? О том, кто ты? Или о подземном ходе?

– Для начала – о подземном ходе.

– Не очень. То есть ручки твои я рассмотрел давно. Странно, что твои сослуживицы на это внимания не обратили. Они, впрочем, на многое внимания не обращали. Вот и я не придал значения. Сейчас полно женщин дворничихами и уборщицами подрабатывают, зарплаты-то мизерные... Только потом, когда по двору вашему походил, в сарай заглянул... нехитрое дело копать, но сколько центнеров... нет, сколько тонн земли ты оттуда выволокла? И куда девала? Там, конечно, у сараев, груды земли лежат, снегом присыпанные, но это ж мелочь в сравнении с тем, что должно быть.

– Все можно сделать, если не торопясь и с умом.

– Догадываюсь. Если каждое утро пару сумок выносить да в реку... здорово ты, должно быть, здешний берег укрепила.

– Предложил бы ты, Кутырин, женщине сесть.

– Я бы предложил, если б видел здесь женщину.

– А вот это уже хамство.

– Это диагноз.

– А как же насчет «женщины копали»?

– Те, может, и копали, но во всем остальном женщины так себя не ведут. Если хочешь, садись на пол, грязь тебя наверняка не пугает...

Я не воспользовалась его предложением. Только поднялась в хранилище и прислонилась к стене напротив.

– Может, хватит валять дурака? Если у тебя есть сотовый, вызывай милицию.

– У меня есть сотовый. Но он не работает с тех пор, как я зачастил в библиотеку, как будто ты не знаешь.

– А с чего бы мне об этом знать?



– А почему в доме, где ты живешь, никогда не горит свет? И телевизора у тебя нет. И ты не подходишь к включенному компьютеру, потому что рядом с тобой вся техника вылетает! А когда я спросил у тебя в отделе, куда ты ходишь обедать, мне ответили: «Она не обедает». Естественно. Зачем? У тебя другой рацион. То-то у вас в квартире все мужчины умерли, а женщины, как более живучие, еще тянут, но болеют и сходят с ума...

– Я, получается, кровь из них пью?

– Не кровь. Тебе нужна энергия в разных проявлениях. И ты ее берешь повсюду.

– Стало быть, свет на улицах не горит не оттого, что «Итильэнерго» рассорилась с губернатором. И люди в квартире умирают не из-за сырости и вони в обветшавшем доме. И не потому приходится жевать бутерброды, что при нашей зарплате по ресторанам не находишься. Вечно вы, люди, ищите виноватых в ваших же глупостях...

– Вот ты и проговорилась: «Вы, люди»... Ты вообще не так редко проговариваешься, Василиса Ужасная, царевна-жаба. И про то, что здесь «все изрыто подземными ходами»...

– Значит, я – энергетический вампир? И ты в самом деле в это веришь?

– Я бы охотно поверил, что ты – психопатка, взбесившаяся от бедности и одиночества. Что ты – музейная воровка. Если б здесь была Золотая кладовая Эрмитажа. Алмазный фонд. Библиотека Ивана Грозного, наконец! Но здесь был музей народного творчества. Чашки, плошки, поварешки, рушники, резные поделки. И сюда рыть ход через два квартала? Сколько у тебя это заняло лет – десять, пятнадцать? Когда можно было подобрать ключ, или оглушить сторожа, или влезть в окно? Но так поступил бы человек. А долгие годы рыть землю, ползать в подземелье – это для тех, кто лет не считает.

– Мило. Начинаю думать, что ты действительно готовился написать книгу.

– Собирался. Только это должна была быть другая книга. Напрасно ты посылала меня в Древнерусский институт. Я там уже был. Основательно попасся. Вот там таки женщины. Ценят мужское внимание и в то же время не устают трещать о любимой работе... Даже в койке. Я от них много чего узнал о староверческих рукописях. И прочел. О Епифаньеве, о том, что он у Алатырских оттяпал и с какими силами связался. И почему здесь черный змей на шпиле.

– У раскольников было богатое воображение. Они и святого Агафангела Сараклычского за антихриста считали, и всякие ужасы ему приписывали.

– Вот не надо давить меня аналогиями, я этот твой прием уже раскусил. Разумеется, я обязан был найти другие свидетельства. И я догадывался, где их искать. Последний князь, конечно, мало что мог и мало что знал. Но библиотеку спрятать у него ума хватило. Это вам не Ваня Грозный – примитивно в землю закопать. На глазах у всех – нате, берите! Кто же в кадетском корпусе такое читать будет? Сами подальше уберут. Вот и убрали – до поры, до времени. Ясное дело, я ничего не нашел в каталоге. Но кто его составлял, этот каталог, кто собрание разбирал? Ответ известен. Ты прочла, что тебе было нужно. И сделала все, чтобы не прочли другие. И стала рыть.

– И что же такого я хотела нарыть?

– И об этом тоже все было сказано. Истинное зеркало. Алатырь.

– И чтоб такая штуковина хранилась в музее, и никто не распознал ее предназначения? А до того – в православной церкви? По-твоему, все здешние прихожане были тайными язычниками?

– Разумеется, нет. Они были вполне благочестивыми людьми. Оттого им здесь и не нравилось. А после эту вещь и вовсе убрали в запасники. И там зеркалом она уже не выглядела, верно? Ее изменили. От большого ума... или от недостатка. Но тебе она все равно зачем-то нужна. Иначе для чего было затевать всю эту возню, переселяться через пол-России... и, может, не в первый раз. Я ведь не знаю, сколько тебе лет на самом деле. И никто не знает. И вовсе не из дамского кокетства ты напугалась, когда я начал это выяснять. Ты ведь чувствовала опасность, верно? Оттого и сбивала постоянно меня с толку, уводила в сторону. Внушала, что огненные змеи не бывают женского пола. Но у тебя не получалось. Тебе очень хотелось поговорить о том, что тебе на самом деле важно. С кем-нибудь. Хотя бы со мной.

Я прикрыла глаза, опустила руку с фонарем.

– Ты что, правда в это веришь? Нет, действительно? Подпитка энергией, надо же... И почему, по-твоему, я не вырублю здесь электричество?

– Думаю, ты научилась себя как-то контролировать. А вернее всего, ты слишком устала, чтобы действовать на свой обычный манер.

Он был прав. Я устала. Слишком устала. Невыносимо устала. И он все угадал. Кроме главного.

– Что ж, пользуйся. Ты свои намерения выразил открыто. Где у тебя там кол осиновый или меч булатный? В конце концов, убийство есть убийство...

Он усмехнулся.

– Как будто ты сомневалась, что при мне их нет. Тот еще Егорий-победоносец из меня... Даже «макарова» с серебряными пулями не

имеется. Хотя это вроде бы от оборотней... или от вампиров тоже помогает? Но от обычных. Все описанные способы сводятся к тому, как убить обычных вампиров. Но я не собираюсь тебя убивать...

Кутырин неожиданно легко поднялся, положил свой фонарь на пол, отодвинул ящик и поднял то, что было спрятано под ним.

Я оцепенела. Все время разговора, а может, и то время, пока он меня ждал, он сидел, положив *это* под задницу.

– «Чаша из черного поделочного камня». – Издевательский голос звучал почти в полной темноте, свет бил по ногам. – «Ножка также украшена поделочным камнем, ограненным, полупрозрачным. Возможно, использовалась как дароносица. Конец XVIII – начало XIX века. Художественной ценности не представляет». Она никогда не выставлялась, но музей в свое время выпускал разные труды и каталоги. И они прямым ходом попадали к вам в библиотеку. Тогда ты и сложила – что есть что. Ценности не представляет, как же! Сначала я думал, что все твои заботы – завладеть истинным зеркалом. Но когда догадался, что ты хочешь его уничтожить, – все стало на свои места. И я понял, кто ты на самом деле.

Он повернул чашу ко мне, держа ее как щит.

– Кто забирал жизнь у людей одним только взглядом? Кого окружали змеи? Кого победили с помощью зеркала? А это все еще зеркало, несмотря ни на что!

Внутренняя поверхность чаши была гладко отполирована, казалось, во тьме она отливает серебром. Я засмеялась – своей победе и глупости человека. Они вечно все путают. То зеркало, которое ему необходимо, должно быть выпуклым, а это – вогнутое.

Ал-атырь.

Ловушка душ.

И туда, в самую середину, я направила луч своего фонаря. Гладкая поверхность чаши ярко высветилась, и брызнул сиянием в изножье доселе тусклый самоцвет. Жабий камень.

Кутырин попытался загородиться от меня чашей, и в зеркальном круге я все яснее видела свое отражение. Свое, а не этой отвратительной оболочки.

– Я знаю, кто ты! – как заклинание выкрикнул Кутырин.

– Не знаешь, – сказала я.

И это было последнее, что сказано. Перед тем как выронить чашу, он тоже *увидел*. Но говорить уже не мог.

Я ненавижу, когда коверкают мое имя, а люди все время это делают. И все путают. Горгон с василисками, например. И вдобавок выдумали,



что василиски не бывают женского пола. А как же их матери, царицы змей, родоначальницы?

Раньше, правда, они были умнее и знали о нас больше. И умели с нами бороться. Как тот старик из местных племен, что заточил меня в отвратительный человеческий облик и лишил силы. Ему это даром не прошло – я натравила на него одного глупого молодца. Но тот, убив старика, еще и разбил последнее живое яйцо. А люди потом, как водится, все перепутали.

Они расправились с нами, с матерями, а затем предоставили вымирать нашим детям – ведь те были бесплодны.

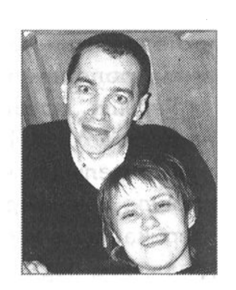
Но теперь все изменится.

Я обрушила вход и выход из подземелья. А перед тем, обретя свой подлинный облик, отложила яйца. Того, что осталось от человека, и сброшенной мной шкурки хватит на то, чтобы напитать их соками до нужного времени. А сама выбралась наружу. Туда, где я могла до бесконечности плыть, нырять, свиваться кольцами – свободная и ничьим глазом неразличимая.

Не знаю, существуют ли огненные змеи. Но мы, явившиеся в мир, когда он был полностью окутан снегом и льдом, – змеи снежные. Белые и пушистые. И в том, что зимы становятся все дольше и снега падает все больше, – залог нашего возвращения. Я так долго искала истинное зеркало в этой огромной стране. Но ведь оно не одно, может, и я не одна.

Когда снег сойдет, придется снова нарастить сезонную шкурку. По счастью, носить ее придется недолго. Каждый год – все меньше. А потом придет пора, когда нам не станут мешать. И мы сможем быть самими собой на этих бесконечных равнинах, где морозную ночь освещает лишь снег.

Александра Сашнева,
Дмитрий Янковский



ЗАВЕТ ДОВЕРИЯ

То, что Александра Сашнева и Дмитрий Янковский уже давно составляют слаженный дуэт, ни для кого секрет: достаточно взять диск певицы Феличиты (сценический псевдоним Сашневой) и найти там фамилию Янковского в качестве бас-гитариста и продюсера. Но фантастику они до недавних пор писали раздельно — читателям запомнился роман Александры «Наркоза не будет» и несколько книг Дмитрия, в том числе «Флейта и ветер» и «Рапсодия гнева». Этот рассказ — один из первых опытов их работы в соавторстве.

Почти никто из людей Ковчега не представлял себе жизни вне корабля, но когда мы приблизились к этой прекрасной планете, всех охватило волнение. Люди прильнули к мониторам и часами глядели, как огромная тень Ковчега несется по бескрайнему Океану. Для родившихся в космосе и привыкших к вечной темноте вид гигантской бирюзово-золотистой чаши был зрелищем фантастическим и нереальным.

Ковчег долго кружил по орбите, вглядываясь в незнакомый мир. Прежде чем принять решение о посадке, нужно было убедиться, что это место никем не занято. Через неделю дистанционных исследований Совет Капитанов решил, что стоит рискнуть.

Мы попрощались с родными, стараясь выглядеть мужественными и спокойными. Несмотря на тренировки, наши сердца заколотились быстрее, и предвкушение нового и неведомого заставляло глаза гореть особенным ярким блеском. Мы готовились к этому дню давно – чуть ли не со дня рождения. В команду десанта выбирали из детей, родившихся в Ковчеге, по многим параметрам – физическим, моральным, интеллектуальным. Потом были трудные, изматывающие тренировки, смысл которых зачастую заключался в том, чтобы научить каждого из



нас принимать неожиданные решения в неожиданных ситуациях. Зачем? Затем, что Ковчег нес авангардную часть человечества через космос в надежде найти подходящую планету на тот далекий черный день, когда начнет остывать Солнце. Много поколений сменилось до того, как на пути Ковчега повстречалась эта планета с райскими островами, но из каждого поколения выбирали сорок восемь самых крепких, смекалистых и решительных – четыре экипажа по двенадцать человек. Немногим из них повезло выполнить ту работу, к которой они готовились всю жизнь. До нас – только один раз.

И вот двенадцать катеров стартовали из люков Ковчега, словно огромные блестящие семена. Несколько витков – и мы оказались на берегу намеченного для первой базы острова. Открыты колпаки, выброшены на песок трапы, откинуты стекла скафандров.

В первое мгновение – шок. Я еще не понимаю, что происходит, но сдерживаюсь, чтобы доку не пришло в голову комиссовать меня в первый же день. Я оглядываюсь на остальных – все взъерошены, перепуганы и очарованы одновременно. И все, как и я, пытаются скрыть растерянность. Это успокаивает меня, и я позволяю себе улыбнуться.

– Совсем как в Оранжерее! – первым восклицает Павел. – Надо же! Совсем как в Оранжерее!

– Какая Оранжерея?! – вздыхает док, хотя видно, что и он немного не в себе. – Как бы не пришлось лечить вас потом!

– Лечить?! – удивляюсь я. – Но ведь тут так прекрасно! Я никогда не чувствовала такой легкости и свободы!

– Вот-вот! – ворчит док. – Гиперэмоции истощают нервную систему. Хотя вы прошли серьезные тренировки, я все-таки опасаюсь, что некоторые из вас не выдержат такого натиска Стихий.

В его устах это слово так и прозвучало, с большой буквы.

– Что такое Стихии? – спрашиваю я.

Не то чтобы я не знала этого слова, просто док вкладывал в него какой-то одному ему ведомый смысл. Для него оно не было пустым звуком. Впрочем, поговаривали, что док участвовал в том, первом, десанте и вернулся из экспедиции один. Остальные погибли. В учебниках говорилось об агрессивных аборигенах-гуманоидах, а док никогда ничего не рассказывал. Он всем нам годился в деды, хотя на его голове не было ни одного седого волоса. Но во взгляде дока было что-то особенное, чего не было в глазах других жителей Ковчега. Он был немного чужим всем нам, потому что только у него имелся опыт, которого не было больше ни у кого.

– Стихии? – уточнил док. – Видите ли, друзья мои. Люди Ковчега вынужденно отрезаны от мира, броня крейсера надежно защищает нас



от влияния внешней среды. Это хорошо, потому что благодаря этому наш экипаж благополучно совершает свой грандиозный перелет во времени и пространстве. Но здесь все будет иначе.

– Иначе? – переспросил Анастас. – Что ты подразумеваешь под стихиями, док?

– Это не объяснишь тому, кто не увидит сам, – вздохнул док и добавил: – Ну, ладно. Может быть, все будет хорошо. Осмотритесь, сбор через час на этом месте.

Он медленным шагом побрел вдоль прибоя.

– Надо же, как старый разволновался! – хмыкнул Анастас.

Через час двенадцать десантников снова собрались на месте высадки, и на лицах друзей я заметила первые следы, оставленные планетой. Ультрафиолет, в обилии посылаемый термоядерной топкой местного солнца, уже позолотил кожу, ветер сделал выразительнее губы и глаза. Мне понравилось то, что планета сотворила с нами в первый же час. Но док окинул первопроходцев острым взглядом и велел надеть шлемы. Пашка этим не ограничился, а принял еще таблетки от солнечной радиации из аптечки. Мы с Анастасом, не сговариваясь, посмеялись над ним и выполнили приказ последними.

Это был первый вечер, проведенный бригадой на одном из островов Кораллового Ожерелья. Док загрузил нас работой так, что мы не могли ни вздохнуть, ни толком оглядеться, поэтому свалились спать, как подкошенные. Утром он поднял нас ни свет ни заря и, пока народ ничего не успел сообразить, снова навалил работы по самые уши. В тот день нам было разрешено быть раздетыми уже полтора часа. Каждый день док прибавлял по полчаса, и все, кроме Пашки, были рады. Он же выдавливал на себя по полтюбика защитного крема и продолжал пить пилюли. По ночам мы не могли уснуть, несмотря на тяжелые нагрузки: незнакомые звуки пугали нас.

Док не разрешал выходить за периметр базы, но климат планеты все равно действовал на всех, кроме Пашки, плохо. И уже через трое суток случилось первое происшествие.

Вечером после отбоя Анастас подкрался к моей койке и шепнул:

– Собирайся. Только тихо! И выползай на улицу.

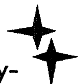
– Ага, – кивнула я и нырнула в комбез.

Я заклеила липучки и вздрогнула: в лицо ударила вспышка света. Фонарик!

– Куда это вы? – услышала я голос Пашки и короткий шум.

– Давай скотч! – громким шепотом позвал меня Анастас, сидящий верхом на бдительном товарище.

Мы заклеили этому уроду пасть и привязали его к койке. Он дер-



гался и мычал. Но док спит в соседней комнате, он не проснулся, а других стукачей в нашем отряде не было.

В ту ночь базу без разрешения покинули четверо. Я, Анастас и еще двое – парень и девушка. Мы не стали включать освещение, собираясь отойти на изрядное расстояние, а уже там посмотреть – то ли надеть инфракрасные очки, то ли зажечь фонари. Подталкивая друг друга и тихонько посмеиваясь, мы пробежали несколько метров, вступив в прохладу леса. Мне показалось, что во тьме промелькнула тень, но, честно говоря, я ничего не успела понять, потому что те двое, что шли впереди, заорали так, будто на них напало чудовище.

Док вылетел из домика и первым делом зажег весь свет по периметру. Ребята рванули назад и чуть не сбили нас с ног. Мы с Анастасом переглянулись и решили обойти базу лесом, чтобы вернуться втихаря с другой стороны, пока тут идут разборки, и освободить нашего пленника, раз уж так получилось. Так мы и сделали. Мы достаточно углубились в лес, и мне тоже мерещилось, что ожившие деревья крадутся за нами по пятам, что трава специально протягивает стебли и хватает нас за ноги, что ветер – не поток воздуха, а какое-то невидимое существо. Казалось, сама почва под ногами – это спина огромного зверя. Но я знала, что на это не стоит обращать внимания: еще в Ковчеге я научилась отделять зерна от плевел, хотя такого там не бывало. Железо было железом, Оранжерея – Оранжереей, компот – компотом.

Когда я родилась, было уже известно, что Ковчег приближается к планете, которая по всем параметрам годится для посадки. Моя мама очень хотела, чтобы я попала в число тех, кто первым ступит на эту землю. Не знаю, подсказала ли ей интуиция или у мамы была какая-то информация, но она стала рассказывать мне страшные сказки – про Циклопа, про Сциллу и Харибду, про Кощея. Хотя уж где-где, а на Ковчеге точно никаких чудовищ не было. Здесь не было даже книг о чудовищах: земляне, которые снаряжали Ковчег, решили лишить посланцев негативных образцов для подражания. Мама рассказывала мне сказки по памяти. Потом я заболела, и в бреду ко мне пришло чудовище, желавшее меня съесть. Но я уже знала, что оно только кажется мне, и не испугалась.

Лишь когда высадился и бесславно погиб первый десант, Совет Капитанов решил, что негативные модели поведения должны отрабатываться десантниками, чтобы встреча с неведомым не застала врасплох. На занятиях на нас надевали шлемы, и мы вволю сражались с виртуальными монстрами. Но мне было легко, потому что один раз я уже победила чудовище. Анастас старался не уступать мне. Он был вечным моим соперником. А вот за Пашкой, за деревянным чистюлей Пашкой



никто угнаться не мог. Потому что для Пашки не существовало вообще ничего, кроме оценок и правил.

Мы успели вернуться назад и освободить нашего коллегу раньше, чем док вошел в комнату. Скотч скомкали, и Анастас сунул его в утилизатор. Утилизатор – прекрасная вещь. В нем невозможно найти никаких следов преступления. Только молекулярным анализом. Так что хотя Пашка и орал, убеждая отправить нас на Ковчег в порядке наказания, док это дело замял и убедительно попросил всех замолчать и дать ему поспать до утра.

Утром мы ждали разборок, но вместо этого был объявлен марш-бросок, после которого никаких разборок не хотелось. Пашка после пробежки не поленился – сходил в душ, тщательно отмылся и принял все положенные пилюли.

– Ты все еще ешь их?! – удивилась я.

– А ты разве нет?! – округлил глаза в ответ Пашка.

– Да-да! Конечно! – отмахнулась я.

К вечеру с половиной из наших товарищей приключилась странная болезнь. Те двое, что участвовали с нами в побеге, и еще три человека пожаловались доку на приступы необъяснимого страха и на горячку. После дозы снотворного они уснули, но всю ночь в темноте кто-то вскрикивал, всхлипывал и ворочался в постели. Док запретил им выходить за пределы помещения и взял все анализы, какие только можно представить. Пашка ночь просидел за приборным столиком, но ни вирусов, ни бактерий у пострадавших не обнаружил.

Через неделю из двенадцати десантников на ногах остались четверо – я, Анастас, Павел и док.

– Что это с ними, док? – спросила я старика, когда он стоял на берегу и смотрел на бескрайнюю гладь океана.

– Перегрузка эмоциями, – вздохнул он. – Звездное небо ночью, отсутствие защитной брони. Не все выдержат такое. Человек – косное существо. Странно, что вас со Стасом пока не прихватило.

– Да... – согласилась я, почему-то посмотрела на свои руки и спрятала их за спину. Мы с Анастасом часами не вылезали из воды, и кожа начала выбеливаться от соли и светиться в темноте.

– А вы ведь той ночью тоже ходили в лес? Правда? – спросил док.

– Ну... ходили.

– И вы не видели чудовищ?

Я отрицательно помотала головой. Не могла я признаться, что просто не боюсь их. Что их таинственность манит меня к себе.

– Ладно, пойдем, – сказал док и тихонько подтолкнул меня в спину. – Спать пора.



А наутро произошла вторая неприятность. Два приболевших парня вдруг подрались. Причем они не понимали, зачем это сделали. Они были уверены, что это тоже болезнь: в Ковчеге никому не приходило в голову драться. В гимназиях проводили занятия по борьбе и кулачному бою, но все это было напрочь лишено агрессии. Оба парня сами попросили у дока разрешения вернуться, и тот рассудил, что не стоит доводить экспедицию до кризиса.

Совет поддержал решение дока. Все заболевшие должны отправиться назад на Ковчег. Совет будет думать, что делать дальше, и, возможно, пошлет второй десант.

– А мы? – осторожно спросил Анастас. – Мы-то не пострадали.

– Поэтому остаетесь тут. За старших. Не делайте глупостей, в общем. Счастливо. Павел! Я на тебя рассчитываю.

– Без вопросов, – сказал Пашка.

Мы помахали вслед улетевшим и переглянулись. И я поняла, что у Анастаса внутри тоже запела тайная струна. Пашка первым двинул на базу.

– Свобода!!! – заорала я и побежала по берегу.

Только теперь я поняла, что значит это слово.

Надо было довести до конца хозяйственные работы и разобраться в ворохе собранных образцов. Отсутствие шумного общества располагает к задумчивости и уборке. Анастас остался на улице и продолжил обустраивать площадку.

– Ты думаешь, это понадобится? – спросил Пашка.

– Понадобится, – упрямо сказал Анастас и врубил отбойник.

– Хотелось бы, – вздохнул Пашка. – Мне тоже нравится эта планета, но надо придумать, как победить эту болезнь. Пойду грызть гранит науки.

И он опять засел за анализы.

Я включила проектор, но работа не шла. Планета в тот день с самого утра была неспокойной, будто задумала что-то. Короче, я не просидела перед экраном и пяти минут. Выскочила из домика и, ошеломленная, замерла на пороге. Мне показалось, что я вижу, как лучи света в виде мельчайших корпускул осыпают растения и как стрелы травы поглощают их и растут. Будто само время остановилось или, наоборот, мой мозг стал работать с нечеловеческой скоростью.

Налетел ветер. Словно разыгравшийся щенок, он начал шелестеть ветвями пальм, хватать за края одежды. Словно озорной любовник, ворошил волосы и ласкал теплым дыханием тело. Океан, постепенно возбуждаясь, принялся вздыхать и ворочаться в своем огромном логове. Чернильные драконы туч, тысячехвостые и тысячеглавые, хищно клуби-

лись, заслоняя небесный свет. Мгновение – и хлынул дождь. Видения чужой жизни вдруг отчетливо вспыхнули в моем мозгу, побуждая к бегу и диким прыжкам. Я, как дурная, начала скакать внутри периметра и выкрикивать нечленораздельные звуки. Мне казалось, что я вот-вот угадаю имя планеты. Это имя клокотало в моем горле. Я не хотела стать зверем – я была им. И чувствовала себя счастливой.

– Ты сошла с ума! – осуждающе крикнул Анастас. – Такое чувство, что тобой овладел синдром продолжения рода.

– Да! Это похоже! – крикнула я в ответ. – Но это не то. А если то, то я хочу продолжить род, соединившись с этим ветром, океаном и дождем.

Анастас сорвал с себя рубашку и побежал за мной, а Пашка остался со своими железками. Деревья низко клонились к земле, вздрагивая гибкими жилистыми стволами под натиском бури. Косые теплые струи хлестали прямо в лицо. Океан становился все ближе, а волны все шире распахивали темные мокрые пасти. Я остановилась: как бы ни хотелось мне кинуться в прибой, вряд ли я выдержала бы его ласку. Небо поднатужилось и треснуло пополам огромной огненной молнией. В мою кожу вонзились мириады мельчайших иголочек. Прокатился гром – он и напугал меня, и раззадорил.

Я оглянулась на Анастаса. Он стоял рядом со сжатыми кулаками и побелевшими от напряжения губами.

– Побежим к мысу! – дернула я его за руку.

– Да! – кивнул он, и мы снова припустили.

Ни на одной тренировке в Ковчеге мы не доводили себя до такого исступления. Я поняла, что наши товарищи не заболели – просто они не выдержали безумного ритма этой планеты. А для нас с Анастасом он был родным, этот ритм, он соответствовал ритму биения наших сердец. Пашка же защитил себя от планеты режимом, осторожностью и лекарствами. Мы бежали, пока сердце не начало разрываться в клетке ребер, и только тогда свалились с ног. Теперь и слева, и справа, и впереди была лишь бушующая вода. Я закрыла глаза и прижалась к мокрому песку щекой.

Драконы в небе стали бледнеть, уступая место тихой умытой синеве. И вскоре все закончилось. На успокаивающейся воде медленно качались обрывки листьев, полые трубочки плодов, ветки деревьев и белые клочья пены. Постепенно перепуганный лес ожил. Снова запели птицы, запрыгали по веткам местные мохнатые крысы, закружились бирюзовые бабочки. Небо расчистилось окончательно, и теплые лучи солнца согрели наши усталые тела. Только где-то в глубине их, в самом позвоночнике, остался тлеть огонек.

Вечером Анастас засел за комп, и из него нельзя было вытянуть ни слова. Пашка выполнил весь свой вечерний ритуал и первым лег спать, а я принялась за собственную работу. Мне не спалось. Видимо, от беготни под ливнем я слегка простыла, и меня начало немного знобить. На связь вышел док и нудно расспрашивал о том, как мы пережили шторм. Я не стала делиться с ним впечатлениями: это было мое личное достояние, и я хотела разобраться в себе сама. Постепенно стемнело, началась ночь. Я прихватила одеяло и пошла на кухню попить чайку. Стас был уже там. Он держал в руках кружку с дымящимся кипятком и задумчиво смотрел в никуда.

– Знаешь, что я подумала? – сказала я, наполняя полулитровую бадейку.

– Ну?

– В тот первый день, когда мы ушли ночью, мне казалось, что почва подо мной живая, как спина большого зверя.

Он что-то неразборчиво буркнул и громко отхлебнул из кружки.

– И?

– Она – живая. Мне не казалось.

– Думаешь, это возможно? – усмехнулся Анастас. – Ты просто немного простыла. Выпей аспиринчику. Как говорит док, избыток эмоций.

И он закашлялся.

– А ты уже выпил? – съязвила я.

– Пока нет. Но я пью чай. Уже третью кружку. Док говорил, чай помогает от простуды.

В спальне раздался кашель Пашки. Мы с Анастасом переглянулись и ничего не сказали. Я молча подошла к аптечке и кинула себе в кружку две таблетки. На всякий случай.

– Если и Пашка свалится, – вздохнул Анастас, – то планету закроют. Жаль.

– Жаль, – повторила я эхом и поплелась в постель.

Для пущей лечебности я укуталась в два одеяла – благо, их было много на пустых койках – и сразу же начала обливаться потом.

Мне снилось, что я поднимаюсь по лестнице, расположенной нигде, в черной пустоте космоса, среди привычных по Ковчегу звездных пейзажей. Я иду почему-то совсем одна, хотя знаю, что внизу осталась моя мама. Она стоит и смотрит, как я преодолеваю ступеньку за ступенькой. Я останавливаюсь, оборачиваюсь и зову ее за собой, но она кричит мне: «Берегись!» – и я едва успеваю увернуться от метеорита. Я опять зову ее, но она опять отрицательно качает головой. Я сержусь на нее и оказываюсь на бортике бассейна в Ковчеге – в тот день, когда в отряде праздновали день Нептуна. День Нептуна в подготовке бу-

дущих десантников был очень важным днем. Нас выстраивали шеренгой, и по свистку специальный механизм сталкивал детей вниз, хотя никто из нас до этого не учился плавать. Но таков был принцип Школы. Сначала нас бросали в воду, смотрели, как кто себя поведет, а в тот критический момент, когда у самого неуклюжего тонущего топора кончился бы воздух, со дна поднималась сетка и вся эта неумелая мелочь оказывалась на воздухе. Конечно, это было издевательство. И выбраковка. Тех, кто пытался не утонуть за счет товарищей, выгоняли сразу. Все знали об этом, но инстинкты – сильнее. Я тоже не умела плавать и тоже боялась, что поведу себя недостойно. Тем более что мама, как и мамы всех остальных детей, стояла за ограждением и смотрела на меня особым взглядом. Она всегда смотрела на меня так, когда я должна была совершить подвиг. И я совершила его. Я прыгнула в воду и начала плескаться, а прямо передо мной оказалось перекошенное лицо другой девочки – она уже несколько раз глотнула воды и с трудом, вытягивая изо всех сил шею, барахталась на поверхности. У меня все было не так плохо, и я подумала, что если подтолкнуть ее к бортику, то она схватится за поручень и протянет мне руку, и мы обе окажемся огурцами-молодцами! Я так и сделала, девчонка дотянулась до поручня, но руки мне не подала, потому что от испуга завыла в голос и вцепилась в железку обеими руками. А я стала хватать ртом воздух, но в легкие почему-то попадала вода. Я закашлялась и проснулась.

Парни тоже грохотали на своих койках.

Я встала и, шатаясь, направилась в санчасть за следующей дозой. На этот раз я решила применить более жестокое средство. Оно разгоняло иммунную систему до такой степени, что какая бы болезнь ни была, не победить ее было невозможно. Побочный эффект – почечная недостаточность по выздоровлении. Но это лечилось следующим лекарством, так что я не опасалась.

Я размешала эмульсию и поднесла стакан к губам. И меня тут же вывернуло. Я включила уборщика, чтобы он прибрал непорядок, и, покрывшись испариной, села на стул. Мне пришла в голову странная идея. Я вспомнила тепло в позвоночнике, озноб при ударе молнии и испугалась.

«Может быть, я беременна?! – с ужасом подумала я. – Может быть, на этой планете в океане плавают свободные молекулы, похожие на человеческие хромосомы? И, купаясь, я подхватила одну из них? И теперь стану матерью чудовища, похожего на местную водяную змею или рыбу? Мой ребенок будет покрыт чешуей!»

Меня окатило ледяной волной ужаса. Кто я? Жертва, предатель человечества, самонадеянная разгильдяйка? Я не знала, кто я, но точно

знала, что совершила преступление, за которое должна понести наказание. От этого меня охватила невыносимая слабость. С трудом я доплелась до кровати и под аккомпанемент кашля моих товарищей погрузилась в полубред-полусон, в котором меня казнили. Я не знала смысла этого слова, но его звук устрашал, и весь ужас казни пронзал мое тело, сводя мышцы горячечными судорогами. Однако к утру усталость победила воспаленный мозг, и я забылась.

Проснувшись, я окончательно убедилась в том, что беременна. Дико хотелось есть. Но едва я заглянула в холодильник, как желудок опять опасно сжался. Я плюнула и вышла из блока. На сердце было тяжко. Стиснув зубы и опустив глаза, я направилась к океану. Не знаю, что побудило меня так поступить. Может быть, подсознательно я хотела посмотреть ему в глаза и каким-то образом утвердиться в своих опасениях или, наоборот, разувериться.

Я остановилась у воды, не решаясь перешагнуть белую полоску, начерченную на розовом песке прибоем. Однако вода сумела дотянуться до кончиков пальцев, и показалось, что океан коснулся меня теплой нежной рукой. Но я так и не поняла, что он хотел сказать. Было ли это признанием вины или дружеской поддержкой? О Ковчеже! Отчего на мои плечи обрушилось это испытание? Отчего именно на мои?

У меня закружилась голова, и, чтобы не упасть, я добровольно опустилась на песок и протянула океану руку. Он подбрасывал мне бисер прозрачных камушков, мелкие стеклянные раковинки, спирали липоусов и светящиеся чешуйки, потерянные сонными рыбами. Были тут такие. Сказочные полупрозрачные создания, похожие на хрустальные статуэтки. Они водились на глубине и подолгу зависали в промежуточном слое, между двумя встречными течениями, набирая таким образом в свои естественные аккумуляторы электричество.

— О чем грустишь? — услышала я за спиной хриплый голос Анастаса.

— Так... — сказала я, боясь, что не выдержу и расскажу о своих опасениях.

Анастас сел рядом. Анастас... Странное имя.

— Почему тебя так зовут? — спросила я.

— Родители хотели девочку и заранее придумали имя. А потом решили не париться. Убрали окончание, и всё. Был бы я Анастасией.

— Анастасия, анестезия, обезболивающее, — пробормотала я задумчиво и нарисовала на песке рыбу.

— Ты хочешь рыбы? — спросил Анастас. — Поймать тебе?

— Хочу, — призналась я, почувствовав, что мой желудок не против рыбы.

И чуть не застонала от муки. Теперь я была уверена: это ребенок

океана хочет пищи. Я поднялась на ноги и, повернувшись к воде спиной, побрела на базу. Я хотела убить этот плод. И собиралась засесть за комп и изучить всю информацию об убийствах зародышей в пренатальный период. Я хотела осуществить это до возвращения дока, даже если бы это кончилось моей собственной смертью. Я – не предательница.

Я вздрогнула и резко повернулась. Анастас с гарпунным карабином уже стоял по колено в воде.

– Анастас! – крикнула я. – Стой!

– Что случилось?

– Вернись!

– Почему?

– Вернись сейчас же! – завизжала я как резаная. Никогда еще со мной не случалось такого. Это был самый мерзкий женский визг, за который я всегда осуждала мать. У нее в жизни было всего два повода так кричать, но только сейчас я поняла, как это было серьезно.

– Глупости! – ответил мой коллега и собрался нырнуть.

– Если ты не остановишься, я разрежу себе руку! – крикнула я и подняла с земли осколок раковины.

– Глупости! – опять повторил Анастас, раздражаясь.

Я полоснула осколком по предплечью, и из вены хлынула темная густая кровь. Мой напарник минуту подумал и вернулся.

– Может быть, объяснишь?

– Он убьет тебя.

– Кто – он?

– Океан.

– С чего ты взяла?

– Мне приснилось, – солгала я и, зажав рану рукой, тяжелым шагом направилась вверх по склону. – Возьми катер.

– Хорошо, – сказал Анастас, сдерживая раздражение.

Когда я вернулась на базу, Пашка сидел в стерилизаторе. Я заклеила рану, подошла к стеклянному цилиндру и съязвила:

– Там тебя не душит кашель?

– Да. Так значительно лучше, – сказали динамики Пашкиным голосом.

– Нашел микроба?

– Нет, – покачал головой наш чистюля. – Пока нет.

– И не найдешь! – пообещала я и пошла по лестнице наверх, волоча за собой шезлонг.

Я устроилась на крыше блока в раскладном кресле так, чтобы видеть, как мой друг будет добывать нам пищу. Лиловое солнце прожаривало меня насквозь, но мне было плевать. Теперь мне было плевать

на все. Катер с тонким свистом взмыл в воздух и стремительно понесся к горизонту. Я задремала.

Через час меня разбудил чей-то топот. Я открыла глаза и увидела, как тяжелая, светящаяся изумрудом рыба плюхается на пол и холодные алмазные брызги медленно разлетаются с ее плавников. Несколько таких капель обожгли меня и разбудили окончательно. Не сознавая, что делаю, я сползла на пол и, став на четвереньки, вцепилась в рыбу рукой. Прохладная плоть расступилась под отвердевшими ногтями, и откуда-то со стороны я увидела, как мой рот приближается к извивающейся в предсмертной судороге красавице и зубы вонзаются в нежный светящийся бок. Я ела эту рыбу и чувствовала в себе ее боль, но не могла остановиться. И только кашель Анастаса заставил меня взглянуть на него и протянуть ему оставшуюся половину.

– Ну ты... зверь! – сказал он, и с ним случилось то же, что и со мной.

Спокойная тяжесть разлилась в моем теле. Судороги прошли, прошел озноб. И мне стало как-то неважно, что происходит в моем чреве. Я поймала себя на мысли, что теперь мне хочется подождать и посмотреть, что будет дальше.

Анастас отбросил шестигранный голубой хрящ, составлявший скелет рыбы, и опустился на пол у моих ног.

– Спасибо, – прошептала я и прикоснулась к его мокрым волосам. – Я обожаю эту планету! Я буду здесь жить! Мне здесь нравится! Вернется док, и он нам поможет. И все будет хорошо.

– Да, – согласился Стас, уронил голову мне на колени и спросил: – Зачем ты разрезала руку?

И я решила частично облегчить душу.

– Я боялась, что океан убьет тебя. Из ревности. Мне кажется, что он неравнодушен ко мне. Он ведь тоже мужчина.

– Дура! – с обидой рассмеялся Анастас. – Океан – женщина.

Потом мы убрали следы преступления и решили заняться нашими человеческими делами. Анастас оседлал мини-бульдозер, а я, взяв с собой бадью с водой, вернулась к своим картинкам и картам. Я не решилась искать архив по гинекологическим проблемам. Наверное, причиной тому была боязнь ответственности.

Пашка жил в стеклянной банке. Он взял туда комп и переворачивал груды справочников по всем видам инфекционных и психических заболеваний.

Но минуты покоя пролетели быстро. Вечером мой подельник незаметно улизнул к океану. Видимо боясь повторения утренней сцены, он

улетел на другие острова, чтобы поплавать там в свое удовольствие. Я разволновалась и хотела лететь следом, но он успел вернуться раньше, чем я запустила свою машину.

– Ты – непослушный своенравный мальчишка, – сказала я, когда мой друг выпрыгнул из кабины.

Странно. Раньше мы никогда не были так близки, как теперь. Мне казалось, что я не только понимаю, что чувствует и думает Анастас, но и каким-то образом ощущаю состояние его тела. И вдруг я заметила, что в темноте наша кожа стала немного светиться. Я протянула руку и взяла Анастаса за пальцы. Мне почудилось, что самые их кончики сделались чуть-чуть прозрачнее.

– Наверное, мы не должны были есть ту рыбу, – сказала я.

– Может быть, – задумчиво согласился Стас и добавил: – Но теперь это уже не исправить. Есть вещи, которые нельзя исправить. И, возможно, их иногда надо совершать. Иначе какой смысл в том, что мы живем?

Вернувшись в блок, мы оторопели: Пашка вылез из своего добровольного заточения и мыл руки. Конечно, он и раньше мыл руки, но сейчас в его действиях отчетливо проглядывало сумасшествие – он тер губкой покрасневшие ладони. Все тер и тер.

– Ты нормальный? – спросила я.

– Да, – кивнул Пашка. – Я убирал карабин Анастаса и взялся за гарпун, а он оказался в каком-то клейком дерьме. Наверное, я уже отмыл его, но запах... – Он поднес руку к лицу и скривился. – Запах не проходит.

Он снова сунул руки под струю и, внезапно сложившись пополам, нахарчевал полную раковину.

– О! Братан! – протянул Анастас и неторопливо включил уборщика.

Пашка, покрасневший и дрожащий, ополоснул лицо и, не глядя ни на кого из нас, поспешил в медблок. Там он грохотал дверцами и коробками, пока не вышел назад с ожесточенным лицом и в перчатках.

Вслед за тем он снова скрылся за стеклянной дверцей стерилизатора и оттуда обратился к нам чужим голосом:

– Сообщите доку, что у нас катастрофа. У меня слабость, жар и галлюцинации. Я на грани нервного срыва.

– Хорошо, – сказал Анастас и потянулся к связи.

Я растерялась. Стас-то не купался и не мог забеременеть по той простой причине, что не был женщиной. Но его тоже тошнило. В чем же дело?

– Док! – сказал Анастас в микрофон. – Когда вы назад?

– Хотел завтра, – раздался ровный голос дока. – Беда у вас?



– У нас нет. У Пашки. Его тошнит. Таблетками отравился. Я так думаю. Но все равно. В любом случае ему худо.

– Понял, – ответил док. – До завтра дотянете?

– Да. До завтра нормально, – согласился Анастас.

– Спи, чистюля! – сказала я, непонятно почему раздражаясь. Ведь док и мне нужен был не меньше. Тем более что рыбу мы точно ели зря. Теперь я это почувствовала окончательно. Все предметы в моих глазах стали иными. Нет, их форма осталась прежней, они не ползали, но что-то в них изменилось. Что-то непоправимо изменилось в них. Теперь я была уверена: мы отравились, и отравились серьезно. Возможно, мы скоро умрем. Возможно, сегодня. Да. Мы просто отравились. Сначала мы отравились водой, воздухом, светом и каким-то неизвестным излучением планеты. А сегодня мы добровольно вкусили ее плоть. Кто нас надоумил отведать этой дурацкой рыбы?

Я подняла глаза на Анастаса. По его лицу тоже пробежала тень, и я поняла, что права. Но, слава Ковчегу, одна проблема отпала: я не беременна. Я с облегчением вздохнула и, стараясь казаться бесстрастной, отравилась в санузел, прихватив по дороге литровочку с водой. Там я ее опустошила и сунула два пальца в рот.

Я блевала до посинения, до желчи и прекратила это занятие только тогда, когда желудок выдавил каплю крови. Дернув смыв, я вытерла салфеткой вспотевшее лицо и вернулась на кухню. Анастас пил. Я не знаю, сколько он выпил до того, как я вошла, но при мне он выпил еще пол-литра. Я не стала напрягать его и ушла спать.

Страх выступил на меня из темноты. Выступил странной ясностью, с которой я видела теперь все окружающие предметы. Я закрыла глаза и поняла, что мне они уже не нужны, чтобы знать, где находится та или иная вещь.

«Наверное, это начался бред», – подумала я и накрылась одеялом с головой. Ночью со мной произошло что-то страшное. Меня трясло от температуры, но я не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Стонать я стыдилась, а потому грызла зубами угол подушки, пока меня не выгнуло дугой и золотистая вспышка не ослепила мой мозг.

Утром ни свет ни заря явился док, и я сразу услышала его разъяренный рык:

– Где Анастас?!

– Анастас? – удивилась я. – А разве его нет?!

– Нет! – сказал док.

Выходит, мой приятель успел умотать до прибытия дока. Зараза! Хотел, чтобы старик сорвал раздражение на мне, а потом он явится уже



к потухшему вулкану. Вот такие они, боевые товарищи! Черт бы их побрал!

– А катер? – спросила я.

– Катер здесь, – мрачно сказал синий дрожащий Пашка.

– Ух ты! – выпалила я сочувственно, окинув его взглядом. Я-то чувствовала себя хоть куда.

– Ты как? – спросил меня док, успокаиваясь.

– Нормально. Вчера мы немного перегрелись, и меня знобило, но теперь все просто супер. Док! Это все ерунда! Обычная акклиматизация!

Я произнесла это небрежным тоном и приподнялась на кровати.

– Не болтай чего не знаешь! – грубо оборвал меня док, и я начала злиться, но ничего не сказала.

– Идем! – скомандовал док. – Надо найти его.

– Почему такая спешка? Он вернется сам. Наверняка он...

– Заткнись! – оборвал меня док. – Ковчег уходит от планеты.

– Почему?! – заорала я на него. – Все же хорошо! Все просто отлично! Надо только немного потерпеть! Чуть-чуть! Просто привыкнуть к ней! Разве это так трудно – чуть-чуть подождать?

– Это решение Совета! – жестко сказал док, и в его глазах я увидела страх, смешанный с жестокостью.

И меня осенило. В одно мгновение я увидела весь сумбур в голове дока. И все его мысли о той, старой, экспедиции, в которой он был, когда нас еще не было. О той экспедиции, из которой он вернулся один. О Ковчеже! Почему эта доля досталась мне?

И Анастасу.

– Идем, – уже спокойнее повторил док. – Пойдем на одном катере.

– Хорошо, – сказала я.

Я уже поняла, чего он боится, но мне было все равно. Сейчас меня волновал только один человек. Тот, ради которого док взял с собой парализатор.

– Зачем? – спросила я.

Он не ответил.

Сегодня был ветер, и грозовые драконы опять кружились над океаном. Я вела себя смирно, и док немного успокоился. Мы облетели всю сушу. Немного ее и было-то на этой планете – пять небольших островов. Всего лишь. Лес только на двух, а другие – каменистые вершины подводных скал. Гнездовья летучих крыс.

– Почему мы уходим, док? – спросила я с нажимом, когда он включил сканер, чтобы увидеть Анастаса под водой.

– Нерентабельно и опасно, – устало ответил старый. – Мы не сможем построить здесь столько заводов, чтобы иметь будущее. Планета нас не прокормит.

– А... а, может быть, все изменится для нас, если мы тут останемся? – предположила я.

– О чем ты?

– Ну, это ведь сейчас все – так. А пройдет время, и все изменится. Мы ведь смотрим сейчас на эту планету глазами чужих, и она не может нам открыть все свои возможности. Вдруг мы и не знаем о том, что нам могут предложить? Ведь Земля, на которой появились наши предки, дала нам все, что было нужно! Она растила людей миллионы лет, терпеливо превращая их в то, чем они стали. Она заменила клыки и ярость наших диких предков на ум, воображение и трудолюбие. Она бывала жестока, когда мы не годились для ее замыслов. Но когда пришла пора построить Ковчег, у нас было все, что для этого нужно. Понимаете? Земля любила нас, потому что мы любили ее! Она дала нам кремний для компьютеров и металл для машин, как мы хотели, но здесь все может быть по-другому!

– Прекрати, – тихо сказал док и вытер пот.

По его напрягшейся руке я догадалась, что он увидел на экране Анастаса. Док спланировал вниз, посадил катер на воду и вжал в плечо приклад парализатора.

– Док! – крикнула я. – Зачем ты хочешь это сделать?!

– Я не могу ждать, пока он вылезет сам, – ответил он.

– Док, но у него нет баллона! Он сейчас вынырнет, и мы скажем ему, что пора улетать!

Но старик не услышал меня, и по движению его мышц я поняла, что сейчас гавкнет выстрел. И я сделала то, чего так боялся док. Вскочив с криком «Я позову Стаса сама!», я подпрыгнула и, выбив босыми ногами из рук дока оружие, медленно, без единого всплеска вонзилась в теплую приветливую воду. Рядом со мной погружалось бессильное и бесполезное ружье. Я без труда догоняла беглеца, и до меня не сразу дошло, что он уже очень долго находится на глубине. А когда я подумала об этом, то страх кольнул меня в сердце и вытолкнул из легких большую часть воздуха. Я испугалась, что захлебнусь, и вдохнула. Легкие резануло красной сияющей болью, и Анастас наконец оглянулся. Он улыбнулся и протянул мне свою охваченную жемчужным свечением руку, почти незаметную в золотистой воде океана. Я схватилась за нее и забыла о том, что надо дышать. И огонь, таившийся все эти дни в моем позвоночнике, выплеснулся сквозь кожу нежным теплом доверия.

Майк Резник



СТРАДАНИЯ ДРАКОНА БЛУМБЕРГА

Плодовитость и разносторонность интересов американского фантаста Майка Резника поражают воображение — кажется, он единственный мог бы посостязаться в этом с Айзеком Азимовым. Судите сами: свою первую статью он напечатал в 15 лет, первый фантастический рассказ — в 17, первую книгу — в 20. Правда, особенных успехов на ниве НФ не снискал, зато переключился на сочинение «клубнички». И лет за 12 написал около 200 романов и 300 рассказов «для взрослых». Затем занялся разведением колли и даже прикупил мотель для животных в Цинциннати. Доходы от мотеля позволили Резнику в начале 80-х выбросить из головы мысли о хлебе насущном и наконец вернуться к фантастике. И оказалось, что жизненный опыт полностью изменил его тексты, причем в лучшую сторону. Романы «зрелого» Резника (у нас переведены «Сантьяго», «Вдоводел», «Слон Килиманджаро», «По следу единорога» и ряд других) ценились читателями и критиками, рассказы и повести приносили ему авторитетные премии (в том числе «Хьюго» и «Небьюла»). Словом, автор стремительно «забронзовел». Это, однако, не помешало ему сохранить чувство юмора, в чем мы и предлагаем вам убедиться.

Сильвия никак не может оставить меня в покое.

— У тебя что-то с кожей, — говорит она.

— Так, бородавка, — говорю я.

«The Trials and Tribulations of Myron Blumberg, Dragon» by Mike Resnick

– Нет, у тебя что-то серьезное с кожей. Тебе надо сходить к врачу, и не прикасайся ко мне, пока он не выпишет какое-нибудь лекарство.

И я иду к врачу, и он выписывает какое-нибудь лекарство, а она все равно заставляет меня спать в комнате для гостей.

– Мирон, ты совсем зеленый, – говорит она.

– Ты имеешь в виду, что у меня молоко на губах не обсохло или что я отравился рыбным салатом? – спрашиваю я.

– Я имею в виду, ты стал того же цвета, что и трава, – говорит она.

– Может, это из-за той мази, которую мне доктор прописал? – предполагаю я.

– На твоих рубашках нет зеленых пятен, – говорит она.

– Так, наверное, она уже высохла, – заключаю я.

– Может быть, – говорит она, – но когда ко мне придут подруги поиграть в маджонг, ты уж сиди у себя в комнате.

– Я просила тебя не курить в кровати, – говорит она.

– Я знаю, – говорю я.

– И что? – говорит она.

– Что значит «что»? – говорю я.

– Почему ты куришь в кровати? – говорит она.

– Я не курю, – говорю я.

– Тогда чем прожжена твоя подушка? – спрашивает она.

– Уж точно не пламенем твоей любви, – говорю я.

– Не говори гадости, – говорит она.

Тут я рыгаю, наружу вырываются пламя и дым, а она говорит, что если я еще раз ей солгу, то она воткнет мне в голову булавку, а затем выходит прочь прежде, чем я успеваю ей сказать, что не курил уже четыре дня.

– Да у тебя рак, – говорит она.

– Самый обыкновенный нарыв, – говорю я. – Наверное, у нас в кресле лопнула пружина, вот и я порезался.

– Тебе следует обратиться к врачу, – говорит она.

– Когда ты в прошлый раз отправила меня к врачу, я стал весь зеленый, – говорю я.

– В этот раз ты обратишься к настоящему специалисту, – говорит она.

– Специалисту по нарывам? – уточняю я.

– К кому хочешь, – говорит она.



– Ну? – спрашивает она.

– Что – «ну»?

– Что он сказал?

– Он сказал, что это похоже на хвост, – отвечаю я.

– Ха! – говорит она. – Ничего удивительного!

– Интересно, в нашу страховку включено лечение отросших хвостов? – говорю я.

– Он собирается его ампутировать? – спрашивает она.

– Мне так не кажется, – говорю я. – А что?

– А то, что даже если наша страховка и включает купирование хвоста, она не включает случай, когда хвост отрастает сам собой, – говорит она. – Что мне с тобой делать, Мирон? Нас пригласили в это воскресенье на бармицву*, а ты весь зеленый и покрыт чешуйками, извергаешь дым и огонь, и еще у тебя вырос хвост. Что скажут люди?

– Они скажут, что мы отличная пара, – отвечаю я.

– Это *не* смешно, – говорит она. – Что мне с тобой делать? Я к тому, что и раньше было не блестяще, когда ты просто сидел сиднем, смотрел футбол и читал «Плейбой».

– Пока ты думаешь об этом, могла бы приготовить обед, – говорю я.

– Ну и чего ты хочешь на обед? – спрашивает она. – Святого Георгия?

Я едва не сорвался и не сказал ей, чтобы она перестала дразнить меня, но потом сообразил, что из Святого Георгия получится отличный сэндвич на ржаном хлебе, особенно если добавить к нему маринованные огурцы и приправу.

Однажды утром мои руки превращаются в лишнюю пару ног, и она не выдерживает.

– Это уж слишком! – говорит она. – Мало того, что я не могу показать тебя никому из своих друзей, мало того, что нам пришлось обклеить дом асбестовыми обоями... – Они розовато-лиловые, а она терпеть не может розовато-лиловый. – ...так теперь ты еще разучился застегивать пуговицы на рубашке и завязывать шнурки на ботинках.

– Все равно они мне уже не в пору, – замечаю я.

– Вот видишь? – говорит она и повторяет: – Видишь? Теперь нам придется полностью обновить твой гардероб! Мирон, что ты со мной делаешь?

---

* Бармицва – праздник в честь совершеннолетия еврейского мальчика, которое наступает в 13 лет (здесь и далее прим. ред.).

– С тобой? – переспрашиваю я.

– Бог ненавидит меня, – говорит она. – Я могла выйти замуж за банкира Нейта Собеля или Гарольда Ингельмана, который стал большой шишкой на Уолл-Стрит, а вместо этого я вышла замуж за тебя, и вот Бог наказывает меня; можно подумать, мало мне было сорок три года подряд смотреть, как ты проливаешь подливку на рубашку.

– Ты ведешь себя так, будто в дракона превращаешься ты, а не я, – выражаю я свое недовольство.

– О, заткнись и перестань себя жалеть, – говорит она. Затем подает мне бифштекс. – Он сыроват. Подыши на него, будет от тебя хоть какая-то польза. – Она делает паузу. – А если ты дыхнешь на меня, я тебе такую затрещину влеплю...

Вот такая она, моя Сильвия. Самый маленький таракан нагоняет на нее такого страху, что она с визгом выбегает из дома. Она видит паука – и тут же звонит минимум в пять разных контор по истреблению насекомых. Не дай Бог в гараж в поисках съестного заглянет мышь!

Но дайте ей дракона, и перед вами возникнут Жанна д'Арк, Королева Воинов и Голда Меир, слившиеся в одну-единственную женщину со стальными глазами, синими волосами и двойным подбородком.

– Ты куда? – говорит она.

– Погулять, – говорю я.

– Куда погулять? – говорит она.

– Просто погулять, – говорю я. – Я сижу тут взаперти уже почти два месяца, так что я хочу подышать свежим воздухом.

– Так ты думаешь, что просто пройдешь по улице, как нормальный человек? – говорит она. – Ты думаешь, что, как всегда, расскажешь парочку анекдотов Берни Гольдбергу и пофлиртуешь с миссис Нудельман?

– Почему бы и нет? – говорю я.

– Я даже не хочу слышать об этом, – говорит она. – Я не допущу, чтобы все соседи только о том и говорили, что Сильвия Блумберг вышла замуж за дракона. Боже упаси!

Я понимаю, что пришло время проявить твердость, и говорю:

– Я иду гулять, и все тут!

– Не смей говорить со мной в таком тоне, Мирон! – говорит она, и я останавливаюсь, пока она не взялась за булавку. Она выдерживает паузу, затем продолжает: – Если тебе так уж необходимо пойти погулять, я надену на тебя поводок и буду всем говорить, что ты – моя новая собачка.

– Я не очень-то похож на собачку, – говорю я.



– Но еще меньше ты похож на Мирона Блумберга, – отвечает она. – Просто пока мы на улице – не разговаривай ни с кем. Я не перенесу такого унижения.

И вот мы выходим на улицу, а когда мимо идет миссис Нудельман, Сильвия говорит мне, чтобы я сдерживал дыхание и не выдыхал огня. Затем мы идем к Берни Гольдбергу, который как раз вернулся из магазина деликатесов, и Сильвия говорит ему, что я – ее новая собачка, а он спрашивает, какой я породы. Она говорит, что не знает точно, а он говорит, что ему кажется, что меня привезли из Ирландии. Затем Сильвия дергает за поводок, и мы идем к углу.

– Он все еще смотрит на тебя, – шепчет она.

– И что? – говорю я.

– Похоже, он не поверил, что ты собака.

– Мы ничего не можем с этим поделать, – говорю я.

– Нет, можем, – говорит она и подводит меня к пожарному гидранту. – Подними лапу. Это его убедит.

– Не думаю, что драконы поднимают лапу, Сильвия, – говорю я.

– Зачем ты упорствуешь? – говорит она. – Подними лапу!

– Я не могу, – говорю я.

– Где вы видели дракона, который не может поднять лапу? – настаивает она. – Тебе не надо делать ничего гадкого. Нужно только убедить этого всезнайку Берни Гольдберга.

Я пробую его убедить и падаю на бок.

– Боже, ты ни на что не годен! – восклицает Сильвия, а Берни пялится на меня, мигая любопытными глазами за толстыми очками.

– Помоги мне встать, – говорю я. – Я не умею пользоваться всеми этими ногами.

– Мирон, – говорит она, помогая мне подняться, – ситуация становится невыносимой. Пока надо мной не начали смеяться все соседи, надо что-то придумать.

– Это последняя капля! – говорит она, вскрывая конверт.

– Что там? – спрашиваю я.

– Штат отказался продлить твое пособие по безработице. Их совершенно не волнует, что ты превратился в дракона, если ты при этом здоров. – Она смотрит на меня. – И тебе требуется двадцать фунтов мяса ежедневно. Ты знаешь, сколько это стоит?

Я пожимаю плечами.

– Что я могу сказать? Драконы много едят.

– Какой же ты эгоист, Мирон! – говорит она. – Почему бы тебе не попастись на заднем дворе, как лошадь?



– Мне кажется, драконы не любят траву, – говорю я.

– И это все, что ты можешь сказать? – говорит она. – Ты даже не станешь пробовать?

– Я попробую, попробую, – со вздохом говорю я и иду на задний двор. Да уж, на салат «Цезарь» не похоже, но я все-таки закрываю глаза, наклоняюсь и открываю рот.

Сильвия едва успевает спрятать меня в подвале перед приездом пожарных, вызванных спасти то, что останется от гаража.

– Ты это сделал специально! – говорит она прокурорским тоном, когда пожарные уезжают.

– Я ничего не делал, – говорю я. – Беда в том, что мое пламя с каждым днем становится все сильнее.

– А денег у нас на счету становится все меньше, – говорит она. – Или ты найдешь себе работу, или тебе придется взять в долг у твоего брата Сидни.

Ну, тут и выбирать нечего: даже когда Сидни умрет, потребуется лом, чтобы разжать ему пальцы, сжимающие как первый заработанный им доллар, так и все последующие, – так что я отправляюсь на поиски работы.

Вы не поверите, насколько трудно честному и трудолюбивому дракону найти у нас работу. Стюарт Коминский хотел взять меня на должность пескоструйного аппарата, но когда камни стали плавиться, он тут же меня уволил, а я и полдня не проработал. Герберт Бауманн сказал, что, может быть, когда он снова откроет свои аттракционы, у меня на спине смогут кататься дети, но это не раньше следующей весны. Фил Розенхайм, которого никто до этого момента не считал ксенофобом, сказал, что зеленокожих на работу он не берет. Мюриэл Вайнштейн сказала, что была бы рада меня взять, но лишь в том случае, если какие-нибудь драконы из других городов заглянут к ней в магазинчик, и что она свяжется со мной, как только это произойдет, но я почему-то знаю, что она этого не сделает.

Наконец я попадаю в отопительную фирму Милта Фейна. Приближается зима, у него не хватает людей, так что он платит мне тридцать долларов в час за то, что когда у кого-нибудь выходит из строя отопитель, появляюсь я и дышу в батареи, так что в доме все равно тепло, а потом приезжает Милт и собственно чинит отопитель. За первую неделю я заработал 562 доллара 35 центов, а это было больше, чем я зарабатывал за всю предыдущую жизнь, а на следующей неделе работы было столько, что я был занят половину выходных и принес домой почти

семьсот долларов, и Сильвия была этому так рада, что купила новое платье и покрасила волосы в рыжий цвет.

И как раз в тот момент, когда я думаю, что все идет слишком хорошо, все действительно оказывается слишком хорошо и начинает идти плохо.

Однажды я решаю дыхнуть в вентиляционную шахту офисного здания, и ничего не происходит, кроме того, что меня увольняют.

Спустя два дня я просыпаюсь, и у меня снова появляются руки, а на следующее утро исчезает большинство моих чешуек.

– Я так и знала! – кричит Сильвия. – Ты наконец-то находишь работу, с которой справляешься, и сразу же решаешь больше не быть драконом!

– Я, в общем-то, ничего не *решал*, – говорю я. – Просто так вышло.

– Почему ты так со мной поступаешь, Мирон? – вопрошает она.

– Да ведь я ничего с тобой не делаю, – говорю я. – Я даже с собой ничего не делаю.

– Это ужасно, – говорит она. – Посмотри на себя: ты уже почти не зеленый. Почему Бог ненавидит меня так сильно?

Четыре дня спустя я снова старый добрый Мирон Блумберг, и это, как вы понимаете, для меня большое облегчение. Спустя еще две недели Сильвия пакует свои вещи, хватает портативный телевизор и уезжает, не попрощавшись. Бумаги о разводе приходят еще через шесть недель.

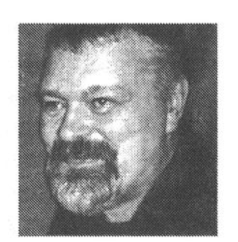
Я до сих пор получаю от нее открытки на Йом-Киппур и Хануку*. Последние новости: она вышла замуж за медузу-горгону. И это Сильвия, которая ненавидит змей и не выносит, когда на нее пялятся.

Ох, не завидую я этой медузе.

Перевод Владимира Обручева

* Йом-Киппур, Ханука – иудейские религиозные праздники.

Борис Зеленский



АХИЛЛЕС В ОЧКАХ

Минский писатель Борис Зеленский по образованию математик, некоторое время работал программистом. Математический склад ума ощущается и в его фантастических произведениях, которые начали выходить с середины 1980-х. А еще они немного напоминают музыкальные композиции в манере арт-рока... Увы, первая авторская книга Бориса — «Вечный пасьянс» (1990) — до сего дня остается единственной. Будем надеяться, это ненадолго. А пока читайте рассказ «Ахиллес в очках», в основу которого лег личный игроцкий опыт автора и который покорил редакцию «Звездной дороги» неожиданным сюжетным кульбитом в финале...

Когда я протягивал входной билетик толстушке в накрахмаленном медсестринском халатике, чтобы пропустила меня за турникет, в голову лезли всякие мудреные фразы типа *как уязвить неуязвимое... победить непобедимое... корабли штурмуют бастионы* и тому подобная дребедень. Да, готов признать, иногда возникает желание заговорить возвышенным штилем, и обычно это выглядит крайне нелепо, но в данном случае ему (штилю) было самое место, потому что я собирался совершить нечто вроде подвига Геракла, хотя сразиться мне предстояло не с лернейской гидрой, не с немейским львом и даже не с эриманфским вепрем. Все перечисленные мифологические твари хоть и могли внушить ужас простому смертному, но особым хитроумием похвастать не могли и новейших достижений электроники не применяли. К тому же они понятия не имели о такой сфере человеческой деятельности, как азартные игры. А вот о моем предполагаемом противнике этого сказать было нельзя. Трижды на прошлой неделе выходили с ним на смертный бой мои партнеры, приятели, можно даже сказать — друзья — и трижды терпели неудачу. Если и мне не пофартит, то бу-

дет опорочена не только моя честь и честь моих друзей, но и честь славной здравницы, в которой мы, все четверо, к вящей славе Фортуновой собрались отдохнуть в очередной раз. И все же я намеревался сокрушить неодолимую твердыню, для каковой цели в моем кейсе (вообще-то не вязавшимся с легкомыслием, царившим окрест) было уложено достаточное количество симпатичных пачечек, оклеенных бандерольками. Мне должны были помочь две вещи: во-первых, антициклон с Атлантики, а во-вторых, народная мудрость про то, что на каждую хитроумную, извините за грубость, задницу всегда отыщется пресловутый болт с левой нарезкой.

Я засек цель сразу, как только поднялся по пятнистой от ржавчины лестнице на второй этаж солярия. Выглядел он в точности так, как мне описали: мужичок лет под тридцать – тридцать пять, далеко не спортивная фигура, цыплячья грудка, начинающееся брюшко, на чреслах сиреневые плавки, на голове полотняная шапочка с пластмассовым козырьком, на ногах сандалеты. Имелась и особая примета – большие солнцезащитные очки в роговой оправе. В руках он держал авоську, набитую старыми газетами, а сам, прислонясь спиной к чугунному ограждению, наблюдал за живописной группой преферансистов, устроившихся на трех лежаках, один из которых использовался в качестве эдакого импровизированного ломберного столика. Казалось, его обуревают противоречивые чувства: и хочется сесть поиграть, и боязно. Ведь в преферансе фарт хоть и зависит от карты, но надобно еще и умение – не то что в упрощенном, так называемом ялтинском покере, в который означенный мужичок сразился бы без всяких сомнений. Чем не удовольствие – разделать под орех какого-нибудь приезжего лопуха с бабками, который оттого и рвался на благословенный юг, что там можно сполна вкусить адреналина, который всегда впрыскивается в кровь, как только на руках собираются три или четыре карты одинакового достоинства или пять одной масти.

Ну, а я разве не выгляжу подобным лопухом?

Упакован соответствующе: пиджак в самый солнцепек, рубашка с длинным рукавом, хотя и без галстука, летние брюки и шляпа из соломки, которую обожают носить на заслуженном отдыхе отставные министерские чины. Как дополнение – новенький атташе-кейс, который я временно позаимствовал у Нефедьева, часто мотающегося за границу.

Наверняка мой непобедимый противник догадывается, что внутри кейса бутерброды, завернутые в «Курортную правду», и энное количество дензнаков, имеющих хождение по всей территории Советского Союза. Стало быть, я полностью соответствую его представлениям о



том, как должен выглядеть в конце 80-х состоятельный гражданин, не мыслящий себе летние вакации иначе, чем за столом в компании людей, которые с помощью прямоугольных кусочков раскрашенного картона перераспределяют свои заработанные честным или иным каким способом материальные ценности.

Он наставил на меня профессорские окуляры, и я сразу уловил, что между нами проскочила искра, как бывает всегда при встрече истинных рыцарей азарта. Он это тоже уловил, но виду не подал: ждал, когда я сам к нему подрулю.

Я выждал паузу, надел на лицо эдакую независимую маску и медленно подрейфовал в сторону игроков. Солнце, еще вчера весь день прятавшееся за тучами, жарило нещадно, и у меня между лопатками разве что не водопад наладился.

– Не желаете ли партейку? – спросил он вполголоса, когда мы поравнялись.

– В «гусарика» не играю.

– Разве я предложил вам преферанс на двоих?

– «Деберц» тоже не признаю.

– А как насчет покера?

– Вдвоем?

– К сожалению, я торчу здесь с половины одиннадцатого утра, и кроме этой компании, – он мотнул головой в сторону преферансистов, – игроков не было. – И объясняюще добавил: – Это все из-за последнего постановления горсовета, запретившего азартные игры в границах Большой Ялты.

– А как же эти друзья не боятся?

– Говорят, кто-то из них дальний родственник Хозяина.

– Кто бы мог подумать, – я поцокал языком, – а по внешнему виду этого не скажешь.

– Зато милиция в курсе, поэтому сержант, который время от времени прогуливается мимо, делает вид, что здесь играют в подкидного.

– Где устроимся?

– Пойдемте туда, – показал он в сторону ограждения, под которым колыхалось бирюзовое море, – у меня абонированы два шезлонга. Там нам никто не помешает.

Меня это вполне устраивало: не люблю, когда за спиной стоят.

– Первоначальный банк? – поинтересовался я, пока мы пробирались между телами обоего пола, отданными на растерзание ультрафиолету.

Он глянул на меня испытующе.

– Полагаю, можно ограничиться десяткой, если не возражаете.

– Не возражаю.

– Смена каждой карты по пятерке, – быстро добавил он, словно боялся, что я передумаю. – Торговля начинается с червонца и должна быть кратна десяти, но за один раз можно набрасывать опять же не больше червонца.

– Объявки ограничены сверху?

– Только финансовыми возможностями.

– Согласен. – Условия меня устраивали так же, как и место будущей баталии.

– Сергей Георгиевич, – представился я, когда мы наконец добрались до шезлонгов, расположенных друг против друга.

– Костя, – назвался он в свою очередь и сдвинул козырек назад. Я понял так, что этот жест – примета на фарт. Хорошо, когда благоприятными знамениями можно управлять самому. Моя же примета – солнечная погода. Будем надеяться, что антициклон не подведет.

Из газетного нутра авоськи появились тугое портмоне, жестяная коробка из-под монпансье и колода «сувенирных», право вскрыть которую было предоставлено мне. Я это оценил, хотя и без того знал, что мой противник не опустится до крапленых карт: неодолимая его цитадель возведена совсем на другом фундаменте. Для конкретизации назовем его фактором «Х». Что ж, вскоре увидим, приведет ли он Костю к очередной победе.

– Играем без джокеров?

– Естественно.

Над волнами с противным карканьем метались чайки, будто были не гордыми морскими птицами, а воронами со свалки. Интересно, среагирует ли мой партнер, если вон та здоровущая чаища примет его за добычу? Ишь как пикирует, вытянулась вся, клюв напрягла, сейчас тюкнет аккурат между очками и пластмассовым козырьком – и каюк моему партнеру.

Как я и предполагал, на воображаемую атаку с воздуха покерист не отреагировал. Все правильно, ведь мои мысли не имели прямого отношения к картам.

– А куда будем прятать банк, чтобы никто не заподозрил, что мы нарушаем постановление горсовета?

Он хмыкнул:

– А это для чего?

Постучав согнутым пальцем по коробке, он достал из портмоне червонец и демонстративно засунул его внутрь.

Я уравнял его взнос аналогичной купюрой, выбросил из колоды пустые карты и те, на которых был нарисован скоморох, энергично перетасовал оставшиеся пятьдесят два листа и дал ему снять.



Пять карт ему, пять мне.

Как всегда, с первой сдачи мои карты легли вразброд, не выпало даже пары.

Он поменял три карты и за это приплюсовал к банку пятнадцать рублей. Я оставил на руках одного трефового короля, что увеличило банк еще на двадцатку, и в результате прикупил две шестерки.

Он запасовал сразу. Видимо, не сумел собрать масть, а моя пара, даже если она составлена из шестерок, – низшая, но все же комбинация. Стало быть, после первой игры к моим наличным присовокупилась четвертная. Или «квотер», как такую сумму называет Нефедьев.

Так и пошло. То он банкует, то я. То он пасует со слабыми картами, то я. Когда у меня комбинация лучше, чем у него, он это сразу чует – и в кусты; когда же он собирает хотя бы относительную мощь – в кусты приходится улепетывать мне. Такое положение дел свойственно для покера, оно может длиться часами и продолжается до тех пор, пока у обоих игроков в одной сдаче не соберутся серьезные сочетания карт – такие, как фул, флеш или каре; тогда-то и должна грянуть настоящая битва, которая обернется для Кости или победным Аустерлицем, или – увы и ах! – тоскливым Ватерлоо.

Примерно минут через сорок этой тягомотины я решил впервые блефануть, имея на руках пару – правда, на этот раз не шестерок, а тузов. К тому времени благодаря некоторой неравномерности Фортуны мой капитал в кейсе увеличился рублей на сто двадцать – сто сорок.

– Червонец, – провозгласил я, глядя ему прямо в очки.

– Отвечаю, – сказал он и облизнул губы, – и десять сверху.

«Интересно, – подумал я, – поскольку он сменил три карты, удалось ли ему из своего чахлого дуплета сделать триплет?»

Так как я был в выигрыше, то решил еще немного поднять.

– Уравниваю и двадцать сверху.

Он еще раз облизнулся, как кот, почуявший сметану, и дал тридцать сверху. Я решил торговаться максимум до полста. Он меня в моих устремлениях полностью поддержал. Мы раскрылись.

Как я и предполагал, у него был триплет из двоек, но любой триплет выше пары тузов.

По определению.

Я и раньше знал, что очкарик Костя играет только наверняка и повышает ставки лишь в том случае, когда у него комбинация предположительно сильнее, чем у партнера. Блеф с ним не проходит. Ему помогает звериное чутье на опасность, или, как я уже говорил, пресловутый фактор «Х». Именно таким образом он раздел сначала Кольку Длинного на десять тысяч, потом Степанчука примерно на такую же сумму и



в заключение завалил майора на двадцать две штуки, из-за чего наш спаянный коллектив из «Массандровской» едва не распался.

Итак, блефовать против него все равно что плевать против ветра, тем не менее на протяжении последующего часа я проделал это еще дважды, проиграв в общей сложности шестьсот пятьдесят кровных, чем довел его выигрыш почти до тысячи. А что, я – человек рисковый, а кто не рискует, тот не пьет шампанское! Честно говоря, в данную минуту я предпочел бы шампанскому запотевший от плавающих в нем кубиков льда стакан пепси или хотя бы тривиальной крем-соды. Но кому, скажите, пожалуйста, не известно, что советский сервис – самый ненавязчивый в мире? О том, что здесь, на платном пляже, в жару будут разносить и предлагать желающим прохладительные напитки, тогда можно было только мечтать. Однако с мечтами следовало погодить. Я ждал крупной игры.

Он тоже.

И вот без чего-то четыре – я автоматически засек время по часам – мне с раздачи выпали бубновый валет, восьмерка червей и три короля – трефовый, червовый и бубновый. С таким праздничным набором уже можно было придумать что-нибудь толковое, если, конечно, капризная мадам не лишит меня своей благосклонности.

Он оставил на руках три карты.

Я не стал ловить фул и тоже оставил три короля, сбросив восьмерку с валетом. А потом долго вытягивал из партнера нервы, прикупая по одной карте, – в надежде, что вытяну четвертого короля, пикового. К сожалению, короля я не вытянул, однако две черные четверки позволили мне усмехнуться. Усмехнулся я, понятное дело, в душе: все-таки не первый десяток лет играю, и каменное выражение лица у меня не изменилось бы, прикупи я даже то, чего так страстно желал. Хоть и не хотел я ловить фул (кто не знает, это пара и триплет), он сам на меня набежал. Косте-очкарику придется здорово попыхтеть, чтобы собрать комбинацию постарше, чем у меня.

И он это доказал, начав торговлю бесцветным голосом:

– Ставлю десять!

Нет уж, милый мой, пасовать я не буду. Хоть ты и непобедим, должна же быть в твоей броне какая-то трещинка. Чем черт не шутит, а вдруг на этот раз и ты рискнул блефануть!

Я уравнял и добавил разрешенные правилами два червонца.

Он их покрыл и добавил тридцатку.

Я выставил сороковник.

Он полста.

Так мы перебрасывались десятками, пока не добрались до сотен, а

когда кончились сотни, пошли в ход тысячи. Купюры, поступающие то с моей, то с его стороны, уже давно перестали помещаться в жестянке; я положил дипломат между нами, потом очень неловко его раскрыл, явив заинтересованному взгляду противника содержимое, и предложил использовать кожаный сейф в качестве хранилища. Если Костя и был этим недоволен, серьезных доводов против моего предложения выдвинуть не смог: не выкладывать же кучу банкнот на бетонный пол солярия на всеобщее обозрение! Авоську же использовать в данном качестве тоже не представлялось возможным, поскольку именно в ней были сконцентрированы основные Костины активы – такие же пачечки банкнот, как у меня. А на мой недоуменный взгляд, как такая маскировка пришла ему в голову, он пожал плечами: дескать, ну какой вор сумеет догадаться, что крупные суммы денег можно носить завернутыми в обычную газету в двадцатикопеечной сетке?

Азартно торгуясь, мы стали совать ассигнации теперь уже в потайное отделение кейса, предварительно показывая их друг другу. Когда кожаная прокладка прогнулась до упора, едва сдерживая напор вложенных средств, Костя не выдержал, уравнял добавленные мной полторы тысячи и дальше поднимать не стал, поскольку денег в выпотрошенной авоське не осталось.

– Открываемся! – хрипло выкрикнул он и торжествующе выложил каре из дам вместе с бубновой четверкой.

Да, проигрывать надо с достоинством, даже если у вас на глазах испарилось чуть более ста тринадцати тысяч – мой оклад примерно за двадцать лет беспорочной службы в одной забавной конторе, если бы, конечно, я работал только на нее. Но все равно – деньги немалые. Впрочем, как и для моего очкастого соперника.

Он весь извелся, ожидая, когда я покажу карты и он сможет прибрать к рукам банк, в котором наших денег было, как вы понимаете, поровну. А я не стал облегчать ему задачу и достаточно помурыжил, выкладывая с пятисекундным интервалом трефового, червового и бубнового короля, потом после десятисекундной паузы добавил к ним трефовую четверку.

Он аж привстал из своего шезлонга от нетерпения, и тут ему изменила выдержка:

– Ну же, Сергей Георгич, хватит тянуть время, давайте сюда свою пиковую четверку, ведь у вас же фул, я правильно понимаю?!

Я ответил не сразу, пряча оставшуюся карту в ладони до последнего.

– Почему пиковую? – спросил я наконец.

– Потому что червовую я сбросил.



– Стало быть, Костя, вы с самого начала торговли подозревали у меня фул? – поинтересовался я осторожно.

– А что у вас могло быть еще, ведь не могли же вы блефовать с тройкой, пусть даже королевской?

– А я и не блефовал, – сказал я, – но прежде чем я покажу вам свою последнюю карту, не соизволите ли признаться, что вы сбросили вместе с червовой четверкой?

– Какая вам разница?! Но если это вас так интересует, пожалуйста: я снес туза пик.

– Вы точно помните, что туза, а не короля?

Костя вскипел и открыл свой снос – это и вправду были туз пик и четверка червей.

– Ну что, довольны?

– Мало сказать, – хмыкнул я, – а доволен я потому, что король пик остался в колоде и, по счастью, пришел ко мне... – И я приложил заветную карту к трем королям. – У вас каре, и у меня каре. У вас дамы, а у меня, пардон, постарше будет...

Ногой я пододвинул дипломат к себе.

Костя сначала потерял дар речи, потом попытался вцепиться в кейс руками.

– Но этого не может быть!

– Почему? – невинно поинтересовался я.

– У вас должна была быть пиковая четверка! – Он не удержался и сорвал с себя очки.

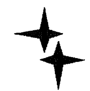
– Должна была быть четверка, – согласился я, застегивая дипломат на замки, – однако пришел король, с чем я вас и поздравляю.

– Поздравляете меня? С чем?!

Вид партнера вызывал жалость: Константин Дотоле-Непобедимый был раздавлен. И это понятно: бедняга никак не мог поверить в то, что его обыграли, ведь этого не могло быть, потому что этого не могло быть никогда! Наверное, у него появилась подлая мыслишка, что я шулер и каким-то незаметным вольтом подменил у себя четверку на короля. Эх, мил-а-ай, да кабы я умел манипулировать предметами, то не играл бы ни в какой пляжный покер, а пошел бы прямиком в цирк к Кио. Надо думать, наш всенародно любимый артист зарабатывает поболе, чем любой из картежных шулеров, и притом без риска, что тебя побьют канделябрами...

Однако настало время расставить точки над «i», то бишь раскрыть карты, да простится мне этот невинный каламбур.

– С тем я вас, Константин-Не-Знаю-Как-По-Батюшке, поздравляю, что даже на старуху бывает проруха.



По-моему, он не сразу врубился, о чем я говорю.

– Какая старуха? При чем тут старуха?

– Я знал, что в ходе игры вы будете использовать свои суперзамечательные очки, – сказал я жестко тем самым тоном, каким привык отчитывать подчиненных за невыполненное задание, – не знал только, позволяют ли они вам с легкостью читать все мысли вашего противника или только те, что имеют непосредственное отношение к картам. Чтобы не рисковать, я сделал проверку – мысленно напустил на вас воображаемую птицу и убедился, что реакции не последовало. Актер из вас как из дерьма пуля, стало быть, очки информируют вас исключительно о раскладе, и ни о чем больше. Следовательно, рука противника всегда для вас как бы прозрачна. Но, молодой человек, не стоило забывать, что хороший игрок не только владеет своей мимикой, но и умеет контролировать мысли. Льщу себя надеждой, что я – игрок неплохой. Итак, в последней партии я прикупил пикового короля, но все время мысленно считал эту карту...

– ...пиковой четверкой! – чуть не выкрикнул Костя. Лицо у него пошло красными пятнами.

– Вот именно, – я улыбнулся одними губами, – вы купились на блеф.

– Значит, даже если я прочел мысли противника, – тихо сказал Костя, как бы рассуждая с самим собой, – они, как и произнесенное вслух, могут оказаться неправдивыми?

Он все еще мне не верил.

И правильно делал, что не верил.

Нет, я и в самом деле не смошенничал, делать это я так и не научился, потому что давным-давно вывел для себя нехитрую истину: мошенничая, поневоле начинаешь все больше и больше надеяться на ловкость рук, а потому неизбежно теряешь класс игры. Да, напряжением силы воли – этому и еще много чему я научился благодаря своей конторе – я сумел обмануть его телепатические очки, но это ведь не объясняет, как же я догадался, какие карты у Кости на руках. Стоило ему собрать против моего королевского каре четыре туза – и победа осталась бы за ним. Если честно, то ни логика, ни догадливость во время последней партии были ни при чем, я точно знал, что у Кости четыре дамы, хотя никаких телепатических очков на мне не было.

Зато на нем были.

Именно благодаря его очкам я и сумел победить, ибо фактор «Х» обратился в свою противоположность.

Каким образом?

Признаюсь как на духу: с моей стороны не было никаких чудес, никакого чтения мыслей.



Просто у любого непобедимого на первый взгляд колосса всегда обнаружится нечто вроде глиняных ног. Не верите? Возьмем, к примеру, Ахиллеса: когда мамаша-богиня окунала своего младенца в воды Стикса, чтобы сделать его тело неуязвимым для дротиков и стрел, она упустила из вида то обстоятельство, что держала сына за пяту, которая осталась невымытой. Ее-то и поразил Парис, после меткого выстрела которого героя древней Эллады не стало. Так вот, эту самую уязвимую пяту нужно только как следует поискать.

В битве с непробиваемым Костей моим шансом стало солнце, которое нещадно палило весь день, в отличие от предыдущей недели, когда над побережьем висел циклон. Именно пасмурная погода привела к падению Кольки, Степанчука и майора Нефедьева, которые, несмотря на серьезные проигрыши, все же сумели оправиться, и не только оправиться, но и поднатужиться, телеграфировать туда-сюда и наскрести по сусекам благословенные пачечки, оклеенные бандерольками, благодаря которым я столь уверенно ощущал себя во время игры и смог осуществить намеченный нашей четверкой план.

Однако пора и честь знать.

Я поднялся, поблагодарил Костю за доставленное удовольствие, на что он пробурчал что-то невнятное, и направился к выходу. На набережной, метрах в двухстах правее турникета, меня на лавочке поджидали друзья, и я вполне допускал, что Нефедьев носит в кобуре под мышкой свой шпалер. Мы ведь до сих пор так и не выяснили, кто такой Костя – изобретатель-одиночка или же катала, действующий от имени и по поручению какой-нибудь криминальной бригады?

Близился вечер, душный, как всегда в Крыму в конце июля, не спасал даже проснувшийся бриз. Голову, трещавшую после постоянного напряжения, как перезрелый арбуз, вновь наводнили громкие фразы: *цитадель повержена... если враг не сдается... сим победиши*, а мой противник так и остался сидеть в своем шезлонге. Должно быть, ему требовалось время, чтобы зализать рану в пяте.

У турникета, который уже покинула дежурная, я обернулся и помахал Косте на прощание.

Он не ответил.

Погруженный в горестные думы игрок, проигравший только что все или почти все, что сумел заработать при помощи изобретенного им чудо-прибора, тупо уставился в пространство перед собой через свои непроницаемые очки. Непроницаемые, но тем не менее прекрасно отражавшие на нижней кромке те карты, которые он всю игру со мной держал в руках.

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ



СТРАСТИ МИРА СЕГО

Новый роман Бориса Стругацкого «Бессильные мира сего», опубликованный под псевдонимом С.Витицкий сначала в журнале «Полдень, XXI век», а затем отдельным книжным изданием (СПб.: Амфора, 2003), сразу же оказался в центре внимания российских любителей фантастики. Как и следовало ожидать, Борис Натанович написал глубокое и многослойное произведение, которое заслуживает внимательного чтения и неоднократного перечитывания. Но как же говорить о таком произведении? Редакция «ЗД» сочла, что наиболее адекватной формой будет заочный «круглый стол» критиков...

Часть I. Насилье, бессилье и надежда

...Посланец опасного типа по кличке Аятолла говорит провидцу Вадиму: мы, мол, знаем, что вы предсказываете будущее. А теперь вы его **измените**. На выборах губернатора должен победить кандидат Имярек. Точка. Камлайте, делайте пассы или как, но обеспечьте именно такой исход. Провалите дело – уроем...

Пересказанный эпизод – завязка романа С.Витицкого. Но, вопреки ожиданиям, книга относится к фантастике не детективно-политической, а философской. Сюжет тут играет подчиненную роль, зато проблема взаимоотношений Учителя и учеников, которая пульсирует в прежних вещах (от «Возвращения» до «Отягощенных Злом»), выходит на первый план. Вадим – лишь один, притом не самый колоритный, из учеников Стэна Аркадьевича Агре, способного увидеть в подростке его талант и развить его до предела...

Напоминает ли учительство Стэна опыты мокрецов из «Гадких лебедей»? Пожалуй. Однако годы, отделяющие давнюю повесть от нынешней, избавили автора от романтизма 1960-х. Тогда все казалось просто: люди мезозоя – все эти шефы с заскорузлыми мозгами и референты с повадками убийц, все эти дубинноголовые стукачи и каменные задницы – уйдут в прошлое сами. Вымрут, оставив мир добрым и талантли-

вым магам, для которых *«думать — не развлечение, а обязанность»*. Однако на деле все произошло по-иному. Многочисленные Выбегаллы, Камноедовы, Шершни, Барбриджи, генералы Пферды, доны Рэбы, философы Опиры и прочие несимпатичные персонажи за эти годы доказали свою редкую витальность. Их не удалось вытравить ни гласностью, ни дустом. Молчальники вышли в начальники. Корешкам достались вершки. *«Люди сметки и люди хватки»* (Б.Слуцкий) взяли не умением, а числом. Обманули, обобрали, подогрели обещаниями и в итоге сели на магов верхом. В новом романе лучшие птенцы гнезда Агре, изначально способные осчастливить мир, разменивают свой гений на мелочь. Великий эмпат кодирует алкашей. Великий бодигард охраняет какую-то невразумительную сволочь. Выдающийся улавливатель лжи работает на частный сыск. Повелитель насекомых выводит тараканов. Ну, а великого пророка (см. начало) заставляют пахать за целое пиар-агентство...



«И все-таки, с Вадимом-то что сталось? – хватает за рукав читатель. – Удалось ему выиграть выборы?» Ну, удалось. И одновременно нет. Не в выборах дело. И не в Аятолле, шайтан его побери. Присущий Стругацким метод «фантреализма» тесно сплавляет выдуманный мир со здешним, а потому разговора об аллюзиях нам не избежать. Как-никак, в облике слегка капризного гуру Стэна, выписанного с очевидной самоиронией, ясно проглядывает сам мэтр питерской фантастики. Да и слово «драбанты», которым герой именует старших учеников, прямо взято из лексикона семинара фантастов, руководимого БН.

Давайте признаемся, наконец, **о чем** роман. И **что** сегодня волнует знаменитого фантаста, который десятилетиями в своем семинаре пестовал юные дарования. Вроде славные ребятки там подбирались – умные, толковые, и вроде нужные «дверки» их способностям мэтр открыл. Но... Один теперь гонит коммерческий «верняк». Другой подвизается на вторых ролях в «имперском» хоре политологов. Третий сделался литературным чиновником и удачно мотается за бугор. Четвертый – самый честный – занялся бизнесом, наплевав на муз. И так далее...

Борис Стругацкий написал очень грустный роман. Россыпь завораживающих фантастических микросюжетиков (в этом смысле текст даже слегка избыточен) не может заслонить главной, выстраданной мысли писателя. По Витицкому, обязанность настоящего Учителя – всю жизнь держать в поле зрения учеников и сохранять оптимизм, даже видя, **кем** стало большинство питомцев. Другого выхода нет. Надо упрямо растить новых, пока есть время. Пока осталась хоть капля надежды.

Роман Арбитман

Цитата I: *«Вполне "по-стругацки" сделаны и "Бессильные мира сего": неостановимое горчащее шуткарство, парадоксальный сюжет, культ дружества и ученичества (с его неизбежными издержками и полуразоблачением), усталая мудрость, энергичные диалоги, дразнящие сюжетно-смысловые лакуны, заполнить которые надлежит внимательному читателю (коли есть охота), игра случайностей, дискредитированный (а на деле — лишь замаскированный, но несгибаемый) оптимизм...*

Борис Стругацкий слишком хорошо знает об ограниченности человека и причудах исторического процесса, чтобы принять столь дорогой многим (и столь дешевый) тезис о полном бессилии личности и тотальной бессмысленности истории. Лучше бы, конечно, поменьше слушал "учеников", изо всех сил старающихся обернуть "сэнсея" помесью "многоуважаемого шкафа" и собственного клона. Но что поделать, если искренняя и творческая любовь к будущему неотделима от надежды на превращение гадких утят в белокрылых лебедей?»

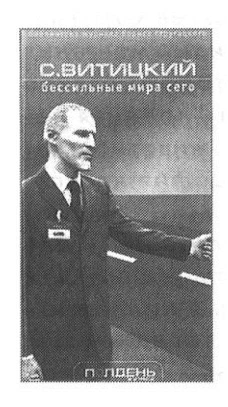
(Андрей Немзер «Все проще», газета «Время новостей»)

Часть II. Чтоб новый век начать...

Во времена, когда буйно цвел Полдень, было ясно: оставшиеся десятилетия XX-го и весь XXI век советское коммунистическое общество развивается, развивается, у него с каждым годом все более человеческое лицо, и, наконец, рождается великолепие XXII-го.

Потом Полдень пошел трещинами и стал обваливаться целыми фрагментами. Но посреди общего хаоса все еще стоял учитель-гуманист, готовый связаться со сверхъестественными силами ради малых сих. Значит, и в будущем намечался какой-то гуманизм... Рухнул обреченный град, выжжено было все, что можно было выжечь, вроде бы начинался новый цикл...

В 2001 году в 4-м томе «сталкеровского» Собрания сочинений появился комментарий Б.Н.Стругацкого о мире повести «Хищные вещи века» (1965): *«Среди всех придуманных миров он кажется нам наиболее ВЕРОЯТНЫМ. Мир Полудня, скорее всего, уже недостижим, мир "1984", слава богу, остался уже, пожалуй, позади, а вот мир "хищных вещей" — это, похоже, как раз то, что ждет нас "за поворотом, в глубине"...»* Между тем этот мир представляет собой простое продолжение дня сегодняшнего в будущее, если только в XXI веке Россия каким-то чудом вольется в «золотой миллиард», станет хотя бы бахромой на платье упитанного Севера... Маловероятно, конечно, однако, допустим, мы в пояс поклонимся распорядителям глобализационного проекта, попытаемся стать полезными для них, и тогда... чем черт не шутит.



Роман «Бессильные мира сего» содержит рецепт подготовки людей, пригодных для мира «Хищных вещей века»: нужны воспитанные, терпимые, честные, трудолюбивые, свободомыслящие... так и хочется добавить: «налогоплательщики». Этот рецепт вложен в уста главного героя и частично повторен в интервью, которое дал Б.Н.Стругацкий в связи с выходом романа. И по тексту романа, и по тексту интервью видно: автор с оптимизмом относится к будущему, уповает на медленно происходящее «смягчение нравов», на неизбежность «посветления». Наверное, подобного рода оптимизм следует расшифровывать как прекраснодушную уверенность западника в завтрашнем дне. Новый век начнется, он уже фактически начинается...

Но в таком случае подвижническая деятельность Учителя Стэна Агре непонятна. Великолепное, вызывающее преклонение амплуа – способствовать становлению чужих талантов. Но насколько это нужно для Нового века? Для **такого** Нового века? Если смотреть на вещи здраво, к чему Полупериферии гении? Разве что на экспорт, для Центра... Видимо, со времен мокрецов, Полдня и «Отягощенных злом» осталась все-таки полуразрушенная гуманистическая перспектива; она работает механически, без сцепки с главной картиной будущего, со сбоями – как завирусованный компьютер, – но если и она откажет, то станет совсем уж холодно...

Дмитрий Володихин

Цитата II: *«Царство свободы и вкусной семги таки наступило. Однако именно те, кто его больше всего желал, оказались*

главными пострадавшими. Одни (чиновники и бандиты) прекрасно устроились и при новых порядках, а другим (простым людям) было нечего терять, кроме своих жалких сбережений. Эти же потеряли все — начиная с работы (наука прикрылась, кино кончилось, книжечки писать стало непрестижно) и социального положения и кончая мировоззреньицем. Основные занятия — ныть, бухать и прислуживать за маленькие деньги в каком-нибудь "офисе". От былого величия осталось лишь ощущение раздавленности и убитости.

В связи с этим некоторого внимания заслуживает "философия", проповедуемая самым симпатичным из героев Стругацкого. Это все тот же прекраснодушный либерализм: мечтания о старосоветском Человеке Воспитанном, до которого гадкое человечество все никак не дорастет. Все мешает "вредная невоспитанная обезьяна" внутри человека, низшее животное начало. Просвещенческая утопия, XIX век... Философия класса, ничего не забывшего и ничему не научившегося.

Помилуйте, господа. Ну причем тут ваше "воспитание". Для начала не надо быть падлой. Падлой не надо быть. И зарубить себе на носу, что измена Родине (а интеллигенция коллективно совершила именно это) себя не окупает. Вот тогда, может быть, вы и отползете от параши, столь убедительно описанной в последнем — и, похоже, лучшем — творении Бориса Натановича».

(Константин Крылов «Проклятая свинья жизни», газета «Консерватор»)

Часть III. ЧП на фабрике добра

Прежде всего нужно сказать о главном: новый роман Бориса Стругацкого – ярчайшее событие в отечественной литературе последних лет (не только в фантастике: слишком скромно будет!). Это произведение поражает своей литературной отделкой – настолько филигранной, насколько этого вообще можно было добиться такому многоопытному автору за несколько лет напряженной работы. И еще это очень честный текст – пронзительно-беспощадный по отношению к себе самому и своим близким, полный горьких признаний и тягостных откровений.

Конечно, его можно трактовать как новый поворот темы учительства, которая, как становится все яснее с течением лет, была ведущей у братьев Стругацких. Можно расшифровывать образы «драбантов»,



отождествляя их с первыми питомцами литературного семинара БНС. В принципе, если хоть немного разбираться в истории вопроса, сделать это достаточно несложно. И все-таки «драбанты» – всего лишь один из пластов этого многослойного романа, чем-то похожего на изображение земной коры в разрезе...

Довольно легко выделить в нем и «политическую составляющую». Ибо образы героев – почти сплошь интеллигентов, читающих друг другу стихи и с радостью цитирующих мировую литературу, – отнюдь не привлекательны (может быть, вопреки желанию автора). Да, разумеется, все они – только люди, и в каждом сидит *«волосатая, наглая, хитрая обезьяна»*, и уже поэтому они заслуживают жалости. Но их тотальная неготовность к созиданию, абсолютная нужда в учителе-погонщике и наивная надежда, что все как-нибудь само собой рассосется, – крайне неприятны на вид. Впрочем, это тоже – всего лишь один из пластов...

Зато о Стэне Аркадьевиче Агре – явном alter ego автора – стоит поговорить отдельно. Он-то как раз – «человек действия», он не прячется в кусты, но делает то, что умеет и должен делать, – открывает в молодых людях заложенные самой природой таланты и выводит их, так сказать, на большую дорогу жизни. Но штука в том, что ему не все равно, к чему будут приложены эти таланты. Ему мало того, что ученики добиваются личного благополучия, – его вообще их благополучие не интересует. Ему хочется, чтобы: а) они развивали свой дар (для этого он даже готов нанять бандитов) и б) они применяли свой дар ради всеобщего блага. Хотя что такое это самое всеобщее благо, Стэн Аркадьевич толком сказать не смог бы!

Здесь надо заметить, что Борис Натанович Стругацкий – далеко не единственный, кому этот мир кажется неуютным и бессмысленным. *«Поганая цепь времен. Цепь привычных пороков и нравственной убогости. Ненавистный труд в поте лица своего и поганенькая жизнь в обход ненавистных законов...»* – под этой цитатой из «Бессильных мира сего» мог бы подписаться, например, и такой абсолютный антагонист БНС в литературе и в жизни, как Александр Проханов, в опусе которого «Господин Гексоген» можно найти весьма похожую характеристику положения дел на планете Земля (о том, что в первом произведении делается вывод об острой потребности в Человеке Воспитанном, а во втором – о необходимости «мочить» космополитов, говорить сейчас не будем: это понятно и в данном случае несущественно).

Но ведь совершенно так же рассуждали и средневековые катары, творцы так называемой альбигойской ереси! Мир казался им порожде-



нием дьявола, а потому подлежал полному отрицанию... Стэн Агре слишком гуманен, чтобы помышлять о полном отрицании: он же не Гриша-Ядозуб какой-нибудь (его собственный ученик-изгой, подавшийся в профессиональные киллеры)! Однако та битва, которую он ведет, – это, конечно, битва с Создателем этого мира, точнее, попытка исправить, улучшить Его творение, очередной рывок к Царству Божию на Земле. Абсолютно бессмысленная авантюра, как скажет вам любой верующий...

К счастью, масштаб писательского таланта таков, что роман живет по своим внутренним законам, оставляющим простор для различных интерпретаций. Скажем, автору этих строк кажется глубоко символичным источник одаренности самого Агре: по сюжету, он прошел через сталинскую «шарашку», где на нем испытывали средства омоложения, предназначавшиеся для вождя. Заведовал «шарашкой» тот самый человек, который в финале произведения будет требовать от Стэна Аркадьевича «работы» с его протеже – некоей злобной девчонкой, обещающей вырасти в кровавого диктатора... Так можно ли столь «грязный» дар использовать в «чистых» целях? *«Мы должны делать добро из зла, потому что его больше не из чего делать...»* – да полно! Не из чего ли? Должны ли?

Александр Ройфе

Рецензии

Мир – это сон...

Валентинов А. Сфера: Роман. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2003. – 416 с. – (Нить времен). 8000 экз. (п) ISBN 5-699-02738-6

Андрей Валентинов, кажется, решил окончательно порвать с имиджем «криптоисторика». Его последние романы один страннее другого. И «Сфера», как самый свежий, – страннее всех.

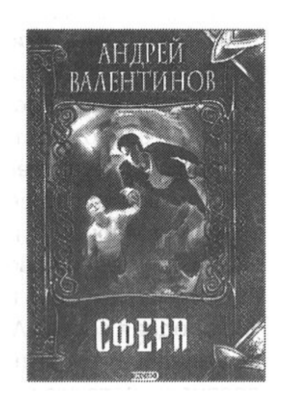
Книга настолько выбивается из привычного ряда, что очень долго невозможно понять – хорошая она или плохая? Обычные критерии не действуют. Взять хотя бы стиль – «рваный поток сознания». Бессвязные эпизоды, перемежаемые нарочитыми цезурами. Правда, имеется формальное оправдание: повествование ведется от лица спящего... Тем не менее первые полсотни страниц читаются с нарастающим нетерпением и



раздражением: ну и к чему сей сон? И когда же, наконец, он кончится и начнется **нормальный, привычный** текст?

Ан никогда! Все так и будет происходить. Никто не проснется. Но аккурат в тот момент, когда это понимаешь, постепенно проясняется логика Мира Снов (Гипносферы, по Валентинову) и у текста вдруг обнаруживаются и сюжет, и даже интрига головоломная... но только совсем, совсем **непривычная**.

Итак, все действие происходит во снах, и главный герой – чье-то я-спящее, которое свою неспящую ипостась помнит очень смутно. Мир-Сон для него – окружающая реальность. Причем Валентинов кропотливо (и виртуозно) составляет этот Мир-Сон из знакомых всем нам по утренним воспоминаниям обрывков. Это не нарочитый символизм а-ля Кастанеда; это и не плоский дубль нашего мира; это реальные, живые сны. Алогичные с «неспящей» точки зрения, они вполне логичны в глазах я-спящего – личности, которая **пробуждается** в Гипносфере и **засыпает**, когда просыпается «здешнее» альтер-эго.



При этом Мир-Сон каким-то образом объединяет всех спящих... и даже, возможно, многих уже не живущих... и даже некие сущности, которых никогда не было в реальности... И, оказывается, снами и Гипносферой как-то даже можно управлять! Тут и начинаются... как это на языке аннотаций?.. «захватывающий сюжет с головоломной интригой»... Однако пересказывать дальнейшее не только нечестно по отношению к читателю – но и бессмысленно. Ибо события полностью завязаны на свойства Гипносферы – на расслаивание реальностей (а зачастую и личности рассказчика). В пересказе выйдет нечто довольно-таки бредовое, в тексте же все очевидно. Но чтобы эту очевидность узреть – надо вжиться в мир, иными словами – одолеть те самые, первые, скучные и бессвязные 50–100 страниц...

Единственное, что стоит сказать: Валентинов – один из немногих наших авторов, для которых не представляет проблемы органично соединить с остросюжетностью постановку и осмысление действительно нетривиальных этических и философских проблем.

В обычном для наших краев «философском боевике» либо философия на уровне кружка юного атеиста, либо остросюжетность вставлена насильственно. В лучших своих «криптоисториях» Валентинов сумел избежать обеих ловушек – и в «Сфере» это тоже ему удалось. Тут нет рассуждений о высоких материях – оные материи просто составляют «костяк» динамичного сюжета. Так что по прочтении романа появляется



некая пища для ума – и в то же время нет ощущения, что в тебя эту пищу впихнули насильно.

Петр Курков

Трудно быть богиней

Некрасова Е. Богиня бед: Роман. – М.: АСТ, 2003. – 253 с. – (Звездный лабиринт: Ночной дозор). 7000 экз. (п) ISBN 5-17-016281-2

Екатерина Некрасова – самый молодой действительный член семинара Бориса Стругацкого. Роман «Богиня бед» – дебютная книга автора. *«Катя Некрасова молода и талантлива. Незаурядное воображение, отменный вкус, энергичный стиль и завидное трудолюбие – что еще нужно литератору, чтобы завоевать внимание читающей публики?»* – эти слова Б.Стругацкого вынесены на обложку. Согласитесь, далеко не каждый молодой автор удостаивается чести стать протеже патриарха отечественной фантастики.



О чем роман? Живет в Питере самая обычная женщина Марина Лугавцова – 34-летняя разведенка, мать-одиночка и совсем не красавица. В один далеко не прекрасный день в ее квартире появляется троюродная сестра Алиса (21 год, ноги от ушей, рыжеволосая циничная красотка, похожая на древнеегипетскую принцессу) и притаскивает с собой компанию подозрительных личностей, а заодно – кучу неприятностей. Алиса замужем за иностранцем-бизнесменом, которого зовут Мэтт Шредингер. Мэтту и его людям надо срочно залечь на дно (якобы спрятаться от налоговиков, а на самом деле у них бо-о-ольшие проблемы с наркодельцами), вот сестренка и просит у Марины разрешения воспользоваться ее загородным домом. Марина соглашается: она ведь с Алькой еще в детстве нянчилась и до сих пор пытается о ней заботиться, хотя более самостоятельную, расчетливую и своенравную девицу сыскать трудно. Разношерстная компания прячется на даче, где их накрывает мафия и...

Заурядный боевичок, скажете вы? Не совсем. Дело в том, что описанные события происходят в «альтернативном» Петербурге, находящемся под угрозой затопления, в политически нестабильном мире, стоящем на грани Третьей мировой, да еще в канун приближения к Земле кометы, мистическим образом воздействующей на людей. Следствием этого



воздействия становятся мутации и внезапное проявление у отдельных личностей сверхъестественных способностей. Как поступит обычный человек, обретя возможность реализовывать самые сокровенные желания, подчинять своей воле народные массы и запросто творить чудеса? Как поведет себя, став мессией, законченный эгоист? Далеко не каждый обладает врожденной способностью манипулировать людьми, *«ледяной беспринципностью»* и умением повести за собой толпу в экстремальной ситуации. Марина, на которую свалился непрошеный «дар кометы», не готова быть богиней: слишком уж эта женщина обыкновенна, честна и безвольна. Всемогущество чужеродно для нее, распоряжается она им скорее подсознательно и генерирует какие-то совершенно нелепые чудеса: в минуты смертельной опасности вызывает сонмы бабочек, превращает кокаин в соль и «растворяет в воздухе» рельсы пригородной железной дороги. В конце концов свои бесценные способности Марина «передаривает» Альке, а уж та-то знает, как с ними поступить. Начинается головокружительная политическая карьера будущей «богини бед»...

Е.Некрасовой безусловно удался образ Алисы. Эта экстраординарная, беспринципная, *«бронебойно наглая»* и вместе с тем очень ранимая девушка совершенно непредсказуема. Острые грани ее характера опасны для окружающих, даже у читателя они вызывают почти физическое ощущение пореза. Под стать Альке и ее маргинальный партнер Мэтт – «солдат удачи», жертвующий собой ради любимой... Писательница четкими, уверенными штрихами рисует своих ненормальных, но очень живых героев; с документально-кинематографической точностью создает жуткую атмосферу, в которой разворачивается действие; запутывает сюжет. Все перечисленное в сочетании с емким, метафоричным языком обеспечивает незабываемые впечатления читателям этой жесткой, я бы даже сказал – неудобной антиутопии.

Владимир Ларионов

В поисках утраченного Zeitgeist'a

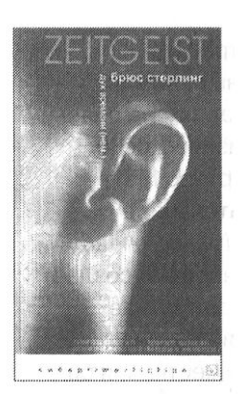
Стерлинг Б. Zeitgeist: Роман / Пер. с англ. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – 336 с. – (Кибертime). 10 000 экз. (п) ISBN 5-94799-187-X

Что делает последний роман Брюса Стерлинга «Zeitgeist» (по-немецки – «Дух времени») в серии «Кибертime»? Не найдете вы в этой книге странствий по Сети, тут даже фантастики почти нет... И все же это, наверное, самый киберпанковый из всех романов Брюса Стерлинга.



«Zeitgeist» – и плутовской роман, и шпионский триллер, и даже «история с привидениями»; в любом случае рассказывает книга совсем не о том, что объясняет. Вот продюсер поп-группы «Большая семерка» Легги (он же Леха) Старлиц привозит свое детище на Кипр, откуда открыта дорога в Турцию. Продает Старлиц не музыку, но концепцию: *«Таков дух времени. Дух постмодернизма, так сказать»*. Плюс странное условие: группа не должна пережить пресловутый Y2K – миг, отделяющий век XX от века XXI. Потом на сцене появляются турецкий бизнесмен, русский ас, японский музыкант-миллионер и еще десятки самых невероятных персонажей. И что-то даже происходит, и не сразу становится ясно, что Старлиц – вовсе не хитрюга-бизнесмен, каким он очень хочет казаться...

Все дело в Zeitgeist'е. Наш мир, считает Легги Старлиц, это повествование, с наступлением Y2K фабула в нем изменится, потому-то и нужно схватить за хвост ускользающий Zeitgeist, да так, чтобы пережить переходное мгновение, не «выбившись из сценария».

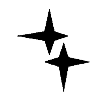


Забитый эмблемами века под завязку, роман иногда кажется токсичной свалкой отживших торговых знаков и антикварных сувениров. Эрудиция Стерлинга гипнотизирует, и автор успешно замуровывает читательское сознание символами материальной культуры – но зачем? Чтобы доказать, что реальность – и вправду не более чем сюжет?

Мир «Zeitgeist'а» словно создан Людвигом Витгенштейном, в основании здешнего кармического закона лежит не нравственность, но семиотика. Реалии приравниваются к метафорам, в результате героев тошнит деньгами и оружием, и даже атомная бомба воздействует на среду не радиацией, а своим «значением». *«Глубокая реальность соткана из языка... А значит это, что никакой “правды” не существует. Есть всего лишь доминантные процессы, из которых сложена социальная реальность»*.

Неужто Стерлинг, вкладывая в уста своего героя подобные реплики, серьезен? В самом деле, Старлиц ведь исповедует старую добрую гипотезу Сэпира-Уорфа, по которой *«мы выделяем нечто совсем не потому, что оно самоочевидно; напротив, мир предстает перед нами как поток впечатлений, который должен быть организован... языковой системой, хранящейся в нашем сознании...»* (В.Петренко «Психосемантика сознания»). Писали об этом и Джек Вэнс («Языки Пао»), и Сэмюэль Дилени («Вавилон-17»)... Только так ли все просто?

«Ты не можешь распоряжаться моим повествованием, потому что мы говорим на чертовом английском!.. Условия диктует мой язык!» Именно



так – язык Старлица, а точнее, язык самого Стерлинга. Ведь лингвистически киберпанк был писателем не столько описан, сколько, может быть, просто создан. Не эту ли страшную истину Стерлинг осознал, когда, приехав в Москву, почувствовал, что *«попал в мир “Нейроманта”»*?

Если да, то «Zeitgeist» можно считать попыткой вставить палку в колесо сотворенного самим писателем механизма: герой из плоти и крови прогоняется через «реальность по киберпанку», чтобы пробиться к недоступной (по Старлицу) «коренной реальности» – сквозь все фетиши киберпанкового настоящего, сквозь любой дух времени. Возможно это? Как говорит Леха Старлиц: *«Да, нет, может быть»*...

Кстати, в оригинале «Zeitgeist» имеет подзаголовок «A Novel of Metamorphosis» – «Роман преображения».

Николай Караев

Странные события на Деймуре

Первушина Е. Вертикально вниз: Повесть, рассказы. – М.: АСТ, 2003. – 352 с. – (Звездный лабиринт: Библиотека фантастики «Сталкер»). 7000 экз. (о) ISBN 5-17-017911-1

Еще одна дебютная книга появилась в серии «Библиотека фантастики “Сталкера”». До сих пор художественные произведения петербургской писательницы Елены Первушиной публиковались только в периодике и в антологиях, лучше же всего с этими текстами знакомы завсегдатаи студии Андрея Балабухи и семинара Бориса Стругацкого. Например, вошедший в сборник «Вертикально вниз» рассказ «Друг его жены» занял первое место на конкурсе «12 июня 2018 года, вторник», проводившемся среди «семинаристов». Широкой же аудитории Елена известна преимущественно как автор прикладной медицинской литературы. И все же рискну назвать Е.Первушину писателем вполне зрелым и сложившимся. Есть основания ожидать в ближайшие месяцы выхода еще как минимум одного ее фантастического романа...



Повесть «Охота на Джокера», занимающую центральное место в этой книге, можно отнести к синтетическому жанру фантастического детектива. С преобладанием фантастики, разумеется. Особо тщательно писательница

прорабатывает антураж и выстраивает историю взаимоотношений героев – черта, характерная в первую очередь для произведений, вышедших из-под женского пера. Сценой, на которой разворачивается действие детективной драмы, становится планета Деймур, давным-давно сведшая к минимуму контакты с метрополией-Землей и в силу некоторых особенностей биосферы откатившаяся едва ли не в Средневековье. Главная героиня, Рида Ларсен (авантюристка и *«мастер иллюзий»*, спасшая несколько лет назад небольшое государство от раздела соседями и по этой причине почти обожествляемая местными жителями), возвращается на родину после многолетнего добровольного изгнания и обнаруживает, что ее лучший ученик и наследник погиб при странных обстоятельствах... Вынужден заметить, что Е.Первушина, стараясь придерживаться общепринятых правил детектива, все же играет с читателями не совсем честно. Якобы оставляя нам возможность самим догадаться, кто повинен *«в странных событиях на Деймуре»*, и даже указывая на это в специальном отступлении перед развязкой, на самом деле писательница сообщает главную информацию о преступнике лишь на самых последних страницах. Тот, кого мы считали остроумным и проницательным циником, вдруг оказывается романтиком и непроходимым идеалистом. Классический же детектив предполагает, что одни и те же улики попадаются на глаза как следователю, так и внимательному читателю, а уж как их интерпретировать – личное дело каждого. Правда, сами мастера жанра – от Эдгара По до Агаты Кристи – сплошь и рядом это правило нарушают... Елена Первушина, слава Богу, детективной интригой не ограничилась: культура Деймура продумана в деталях и описана достаточно ярко, чтобы эти страницы увлекали сами по себе, без дополнительной приманки. Да, мои поздравления тому, кто додумался дать дебютной книге молодого автора такое название. Чем-чем, а излишней суеверностью издатели этого сборника не страдают...

Василий Владимирский

Петр Курков





ОПЯТЬ УМЕР ЖЮЛЬ ВЕРН...

Уже несколько лет со стороны отечественного фэндома доносится жуткий погребальный плач: «Жюль Верн умер!» То есть – «твердая» научно-техническая фантастика «ближнего прицела» (далее будем сокращенно именовать ее ТНФ) мертва либо при смерти. Никому, мол, более не интересно читать про короткие замыкания в паротурбинных гиперприводах или же пространные, реалистичные, вязкие описания... как это?.. процесса посадки «шаттла» со сдохшей электроникой. Всем нужна-де отныне фантастика людей, идей и морально-фрейдистских проблем; если добавить еще жменю глубокой философии вкупе с этико-экологическим глобализмом, то и совсем хорошо выйдет.

Вот, например, еще два года назад прекрасный сэр Кирилл Еськов написал: «*Хотя НФ ничего особо страшного не грозит, есть область, которая, похоже, и вправду обречена. Я имею в виду ту линию, что ведет от Жюль Верна к Майклу Крайтону, — "полупрозрачный изобретатель на детально выписанном велосипеде" — слегка беллетризованный научпоп. Причины увядания этого поджанра... чисто экономические. Теперь... популяризацией <науки> занимаются либо сами ученые, либо профессиональные пиарщики; нужда в полуграмотных гастарбайтерах с незаконченным гуманитарным образованием, именующих себя "писателями-фантастами", отпала напрочь*».

Цитата хоть и старая, но вполне точно формулирующая позицию одной из сторон. Тем паче что похороны Жюль Верна не прекращаются в русскоязычной НФ и по сей день. Буквально в конце марта нынешнего года автор наблюдал в одной эхо-конференции битву титанов: Павел Амнуэль утверждал, что фантастика все-таки должна быть литературой идей, – а Александр Громов возражал, что тогда он лучше сам в научпоп уйдет... и оба, что любопытно, хитрили.

Проще всего отвечать «плакальщикам» по методу «сам такой». Например, тот же сэр Кирилл Еськов про историю написания «Последнего Кольценосца» честно сообщил: захотелось изобразить **реальную** физическую географию этого угла Средиземья и продемонстрировать читателю строго по науке геометеорологические процессы, **реально** влияющие на средиземскую геополитику... Ба! Стало быть, *«беллетризованный научпоп»*? Значит, нечего на зеркало-то кивать?

А закопали-то кого-то не того...

Но мы не пойдем таким пошлым путем. Мы посмотрим глубже (если выйдет). Ведь и Еськов, и Громов, и Лукьяненко, и прочие похоронщики ТНФ – лукавят. Или – незаметно подменяют понятия. Кто вообще сказал-то, что ТНФ служила и служит для пропаганды науки? Откуда взялся сей тезис, который с немалым успехом используется для организации похорон?

А это Казанцев, Немцов и Ляпунов сказали полвека назад. Вот с ними-то тогда и боролись нынешние победители. Всем известно, что в советской НФ шла борьба «молодогвардейцев» и «новой волны» (иначе – «школы Стругацких»). «Молодогвардейцы» использовали **политический** лозунг, чтобы оправдать бытие НФ в рамках советского сознания. А своих конкурентов утопить. Теперь «молодогвардейцев» победили – а ярлык на ТНФ остался. Но это же мертвый ярлык! Еськов «предсказал» смерть того, что и не жило. Еськов и Громов вызвали призрак Немцова, побороли его – и довольны победой над призраком. А ведь пропаганда НТП никогда не **была** основой ТНФ. Она только **провозглашалась** этой основой.

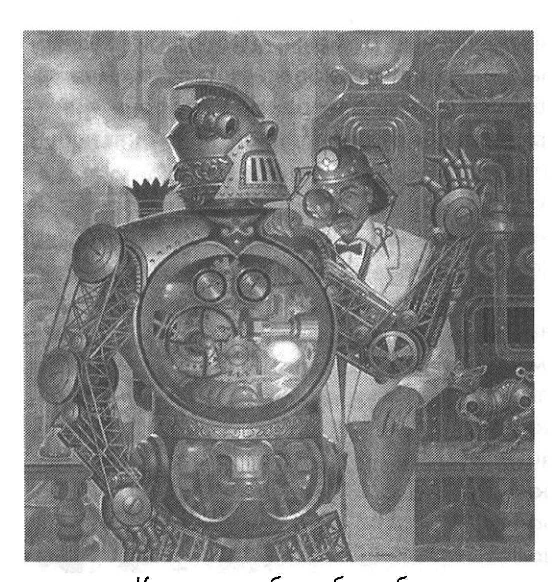
Есть на свете множество людей, которые читают ТНФ **именно** за шестеренки, потеющие трубопроводы и любовное описание неисправных гидравлических приводов. У фантастики социально-этической – своя эстетика. Людская. А у ТНФ – своя. Железная. Какая пропаганда достижений науки? О чем вы? Люди с удовольствием до сих пор перечитывают Жюль Верна, Мартынова и раннего Лема.

(Ах, раннего Лема перечитывают за «философскую составляющую»? Бросьте. Вон какая нешуточная дискуссия была полгода назад в Интернете – угадайте о чем? О механизмах и двигателях «Непобедимого», о реальности графика его торможения, об оптимальных способах борьбы с Тучемозгом...)

Возьмите еще такой жанр, как технотриллер. От «Аэропорта» Хейли до романов Тома Клэнси. Да там один из главных героев – техноло-

гия, стержень сюжета – тот самый *«велосипед на аминных шинах»*. Массе читателей нравится, когда происходит конфликт **техники** или конфликт **техники и людей**, а не чистый конфликт **людей**.

Есть и другое возражение насчет *«полупрозрачных изобретателей»*. Мол, в современных книгах, которые я выше (и ниже) смело отношу к якобы покойному жанру, ими и не пахнет, герои живые и убедительные, язык превосходен, и вообще это примеры хорошей прозы. Простите, а что, у самого Жюль Верна много «полупрозрачных»? Да, его персонажи где-то однобоки – но куда в меньшей степени, чем было свойственно приключенческой прозе XIX века. Все они – яркие, выписанные уверенными мазками индивидуальности. Никто из нас никогда не забудет и никогда не спутает капитана Гаттераса с капитаном Грантом, Паганеля – с Арренасом или доктором Клоубонни... В некотором смысле нынешней фантастике (да и литературе в целом) стоит еще поучиться создавать такие фигуры...



Когда-то роботы были большими...

Так что *«полупрозрачные изобретатели»* – это не **родовой** и не значимый признак ТНФ. Это тупиковое ответвление, порожденное специфическими советскими условиями. Когда Еськов путает всю ТНФ с «полупрозрачниками» и предлагает закопать жанр – он хоронит вполне здорового человека, у которого подгнил один зуб.

Новая догма и новая конъюнктура

«Священной коровой» ныне является тезис о том, что фантастика, как и вся Большая Литература, должна быть о людях, их отношениях и проблемах. Но это тоже лозунг советских времен, устаревшее политическое кредо «школы Стругацких». И возник этот лозунг тоже по чисто пропагандистским причинам – в борьбе с упомянутыми «молодогвар-

дейцами». Тогда он был полезен. Ныне победил... и, как всякая победившая идеология, стал вреден. Он сковывает развитие НФ не хуже, чем раньше его сковывали «молодогвардейцы».

Ведь не всякий **хороший** литератор обязан быть философом-мыслителем, вымучивая из себя «вселенские проблемы бытия» или «сложные психологические этюды». А в нынешней ситуации ему приходится это делать. Вот и возникают вполне приличные романы, к которым школярская космогония привешена на манер пятого колеса в телеге. Для галочки. Как 40 лет назад приходилось делать реверансы в сторону «светлого мира будущего» или «пропаганды отечественной космонавтики». И не всякому читателю эти «психологизмы» и «философизмы» необходимы – особенно если они введены в текст «для отчетности».


Машина времени на паровом ходу

Давайте же наконец признаемся: написанная хорошим, вкусным литературным языком книга, не вдающаяся в философию, а логично и честно развивающая некий **мир**, некий сюжет, – не хуже и не лучше произведения, поднимающего глобальные проблемы бытия. Покажите мне эти глобальные проблемы у Александра Дюма. Или у того же Тома Клэнси.

Из-за новой догмы страдают не только читатели; возможно, страдают и авторы, вынужденные к прекрасным романам со всеми родовыми свойствами ТНФ привинчивать пятое колесо «умственности». Возьмите у того же Александра Громова, публично от родства с ТНФ открещивающегося, такие книги, как «Завтра наступит вечность» или «1001 день». Четыре пятых объема этих романов – превосходная ТНФ нового поколения. Но под конец Громов спохватывается и приделывает к своим сюжетам философские рассуждения, мировоззренческие концепции и т.д. Подчеркиваю: именно приделывает. Общая идея и пафос «1001 дня» искусно и непринужденно разлиты по всему тексту; нам понятно, что писатель хотел **показать**. Но этого мало – и в финале он на нескольких страни-

цах уныло и в лоб то же самое **рассказывает**. А «вселенская концепция», родившаяся под занавес романа «Завтра наступит вечность», — вообще ни к селу, ни к городу. И высказывает эту концепцию самый никудышный и неосведомленный персонаж, и никаких-то доказательств в рамках книги ей не приведено — но все герои, как один, ей проникаются и по насильственному авторскому понуждению начинают действовать так, будто это истина, данная в Откровении... Обидно, ведь Громов отлично умеет свою мысль, свою идею донести непрямыми методами, размазав ее тонким слоем по всему произведению. Потому-то самыми лучшими его вещами многие считают «Шаг влево, шаг вправо» и «Властелин пустоты».

«Властелин...», кстати, классический случай так называемого «паропанка» — никогда не замечали этого любопытного факта? Самое интересное там — не бытие нечеловеческих землян, а скрупулезно описанный процесс индустриализации патриархального общества.

Вообще, «паропанк», он же «ретропанк», завоевывает все более прочные позиции. Достаточно вспомнить блистательный успех «Истукана» Тырина или «Владычицы морей» Синякина. А ведь существуют еще замечательные тексты Василия Щепетнева «Седьмая часть тьмы» и «Марс, 1939 год». Да и на Западе этот жанр скорее расцветает, чем усыхает. Но ведь «ретропанк» — это как раз линия, ведущая к Жюль Верну! Это апофеоз ностальгии по ТНФ!

Впрочем, Громовым и «паропанками» список авторов, тянущихся к ТНФ, далеко не исчерпан. Они просто первые к слову пришлись. А так — все не без греха. Возьмите для примера известнейшую дилогию Лукьяненко «Звезды — холодные игрушки» / «Звездная тень». Первую ее треть со всеми техническими подробностями сложно не назвать «фантастикой ближнего прицела» и «пропагандой отечественной космонавтики». Конечно, в этой дилогии есть и кое-что еще, но ведь и в «Капитане Гаттерасе» найдутся не только описания полярных регионов с позиций научпопа XIX века!

А чтобы избежать обвинений в корпоративности, можно вспомнить и произведения Павла Шумилова. Даже не столько сам цикл о драконах, сколько «Долг перед видом» и «Переведи меня через майдан». (Если эти вещи еще не изданы на бумаге, приношу извинения автору, хотя мне кажется, что факт наличия их в Сети дает право говорить о них как о явлениях литературы.) Это типичные технотриллеры, причем действуют в них поистине жюль-верновские, «цельные» персонажи.

Ну, а если под наукой понимать не только физику и механику — то что вы скажете про «Вейский цикл» Латыниной? Если по Еськову, это всего лишь «беллетризованный учебник политэкономии», верно?..

Хочу отметить для ясности: всякая прочая НФ и не-совсем-НФ мне тоже мила. Лишь бы она была **литературой.** Я просто не понимаю, почему научно-техническую романтику считают враждебной «литературе». По мне, так «литература» любую приправу выдержит. Повар бы хороший попался!

Но есть в шкафу и настоящий труп...

Однако одно исключение я, пожалуй, сделаю. Потому что одно прямое детище *«беллетризированного научпопа»* все-таки действительно существует. И в отношении этого уродливого детища верны все тезисы Казанцева-Ляпунова и все инвективы Еськова-Громова. Но вот в чем парадокс: как раз этот «научпоповский» зомби кажется многим вполне живым, динамично развивающимся и даже — «единственным будущим фантастики».

Вы догадались: я о киберпанке.

Вот скажите, чем нудные описания виртуально-кибернетически-генетических чудес будущего, созданные на базе экстраполяции текущих достижений, отличаются от очерков Ляпунова, Немцова и прочих «научповцев»? Те опирались на достижения науки другого времени. И вся разница. Кустистая пшеница, яблони в Заполярье и поворот сибирских рек — близнецы-братья полимерным компьютерам, хакерским войнам и встроенным в мозг микрочипам. Это такая же сиюминутная футурология, беллетризация научпопсовых сайтов.

И уж если про *«полупрозрачных изобретателей»*, то как раз в отечественном киберпанке ими хоть пруд пруди. Возьмем для примера знаменитую «Паутину» Шелли. Ее текст по стилистике напоминает даже не Жюль Верна, а Гернсбека, только адаптированного под вкусы и лексику современного IT-народца. Сюжет невнятен и значения не имеет, персонажи — плоские, язык суконный... А уж диалоги! Герои Андреева постоянно читают друг другу лекции обо всем на свете. О недавней истории, о новинках науки и техники, о фантастике XX века, о психокодировании, о религии и о генетике. Даже враги при встрече сперва монотонно излагают весь список взаимных претензий. Вы хотели стилистику «полупрозрачных» — так вот вам она!

То есть похоронщики ТНФ вскрыли **действительные** симптомы загнивания и угасания одного из поджанров фантастики — но слегка перепутали, к чему эти симптомы относятся... Вот киберпанк — действительно научная «попса». И он умрет, как только читать про компьютеры и генетику станет так же неинтересно, как в середине XX столетия стало

неинтересно читать про семейные вертолеты и кухонные комбайны. Он умрет, как только подрастет поколение, для которого компьютер и Сеть с детства будут так же привычны, как стиральная машина или унитаз (именно поэтому, боюсь, в нашей стране ему суждена долгая, коммерчески успешная жизнь).

Вся популярность киберпанка построена именно на шаманском, магическом восприятии «компьютерного прогресса» большинством наших современников. Когда «посвященный гуру» или «продвинутый путешественник» кормят необразованную толпу сказками о древней магии или тайнах космического сознания – это называется эзотерика. Когда скандальный автор кормит то же население байками о грядущих компьютерных чудесах – это называется киберпанк. Секрет успеха один и тот же: профаны приобщаются к Высоким Тайнам и тащатся от своей сопричастности.

А когда «интеллектронная революция» на каком-то этапе завершится, тогда, собственно, киберпанк кончится, ибо его «магическая» питательная среда станет простой, житейской реальностью. Писатели же примутся за романы о каком-нибудь другом «панке»...

* * *

В качестве дополнительной информации к размышлению редакция «ЗД» предлагает ознакомиться с результатами двух социологических опросов, в которых участвовали посетители сайта «Русская фантастика» (www.rusf.ru). На вопрос, считают ли они фэнтези более ограниченным жанром, нежели научная фантастика, были даны такие ответы:

Безусловно, да! – 20%
В чем-то это верно – 19%
Они одинаково безграничны – 36%
Это НФ более ограничена – 6%
Для фэнтези нет пределов! – 17%
(Всего проголосовало 1774 чел.)

А на вопрос «Любите ли вы почитать философскую фантастику?» респонденты ответили следующим образом:

Другого не читаю – 64%
Только если перемежается с мордобоем – 32%
Терпеть не могу – 3%
(Всего проголосовало 543 чел.)

Арбитмания

НЕДОВЕС



В истории литературы был случай, когда мелкого жулика занесло в один список с титанами мировой словесности. Произошло это в популярном романе Ильфа и Петрова «Золотой теленок», когда Великий Комбинатор, желая высмеять самое неудачливое дитя лейтенанта Шмидта, невольно его возвысил. В очевидном перечне «Балаганов, Козлевич и Паниковский» последний выглядел бы пожилым пройдохой, не более того. А вот в ряду «Гомер, Мильтон и Паниковский» даже скромный Михаил Самуэлевич сразу превращался в нечто куда более солидное. Значительное. Респектабельное. Старикашку-гуселюба выгодно подсвечивал контекст – чудесный феномен, способный уравнять в правах все минимально подобное – хоть резиновый шарик «уйди-уйди» с творением братьев Монгольфье.

Мысль о живучести метода «Гомер-Мильтон-Паниковский» (ГМП) невольно приходит в голову, когда перелистываешь страницы первых четырех книг 15-томной «Антологии мировой фантастики», выпускаемой «Авантой+» и опекаемой ведущим редактором Дмитрием Володихиным. До сих пор автору этих строк казалось, будто антологичность – да еще с эпитетом «мировой» во главе угла – предполагает тщательный выбор текстов, проверенных временем и оцененных миллионами читателей. Однако на сей раз...

Нет, аннотация, которая обещает *«звездную галерею зарубежных и отечественных мастеров»*, покупателей обманывает не полностью. Всего процентов на десять. Как если бы ушлый продавец на рынке тихо допилил килограммовую гирю до девятисот граммов. Составитель тома, где речь идет о путешествиях во времени, легко объединяет классиков Уэллса («Машина времени»), Уиндема («Хроноклазм») и Брэдбери («И грянул гром») в одну компанию с нашими В.Генкиным и А.Кацурой, авторами повести «Лекарство для Люс», третьестепенность которой, по-моему, никто не оспаривал еще в 1983 году, когда этот текст благополучно вышел в альманахе «НФ».

В другом томе, долженствующем, по идее, объять все богатство жанра фэнтези, за один столик



к подлинным грандам – Толкину, Мерриту и Желязны – шустро подсаживается самозванный мэтр Дмитрий Володихин со своей ученической повестушкой «Сэр Забияка в Волшебной стране». В послесловии к книге, подписанном все тем же ДВ, заслуги автора ДВ перед мировой фантастикой скромно упомянуты только дважды. Становится ясно, отчего сочинитель данного послесловия отступил от выдержанного во всех прочих томах принципа **общего** обзора и выбрал одни лишь российские примеры: воображаемая эволюция фэнтези от Толкина к Володихину слишком явно свидетельствовала бы о деградации жанра...

Еще в одном томе, где обещаны отборные фантастические боевики, в кильватер к авианосцам класса «Гаррисон», «Андерсон», «Саберхаген» пристраиваются сразу две шлюпки типа «Алексей Калугин». Каждая из вышеупомянутых величин, кроме нашей, представлена одним наименованием, зато Калугин – аж двумя рассказами, столь же беспощадными, сколь и бессмысленными.

Наконец, в томе, посвященном литературе катастроф, к произведениям импортных мастеров Азимова, Балларда и Бестера лихо подверстываются повесть Александра Громова «Погоня за хвостом» (мало того, что вполне проходная, так еще и связанная с темой тома лишь по касательной), а также текст Эдуарда Геворкяна «Путешествие к Северному пределу». С сочинением почтенного Эдуарда Вачагановича – вообще какая-то загадка. Насколько известно, указанное «Путешествие...» есть всего лишь фрагмент из незаконченного романа «Времена самозванцев», и включать этот полуфабрикат на правах цельного произведения... М-да. У нас был, кажется, единственный прецедент подобного свойства – когда в 25-й том клюевской «Библиотеки современной фантастики» попала первая глава «Пикника на обочине» Стругацких. Но там и вещь была этапная, и случай исключительный (Стругацким в издательстве «МГ» вот-вот должны были перекрыть кислород). Вообразить всерьез, что какие-то темные силы помешают Геворкяну напечатать свой роман целиком – когда автор его таки допишет, – просто невозможно...

Кстати уж о других временах и об антологиях фантастики советского периода. Заведомая пестрота в содержании, к примеру, томиков «ЗФ» объяснялась идеологическим прессингом, когда буржуазных писателей следовало уравновешивать друзьями из соцлагеря. Составителям упомянутой «БСФ» в «Молодой гвардии» тоже приходилось лавировать и слегка разбавлять 25-томник ребятами-демократами. Однако серия была выстроена так грамотно, что лучшие наши отечественные авторы

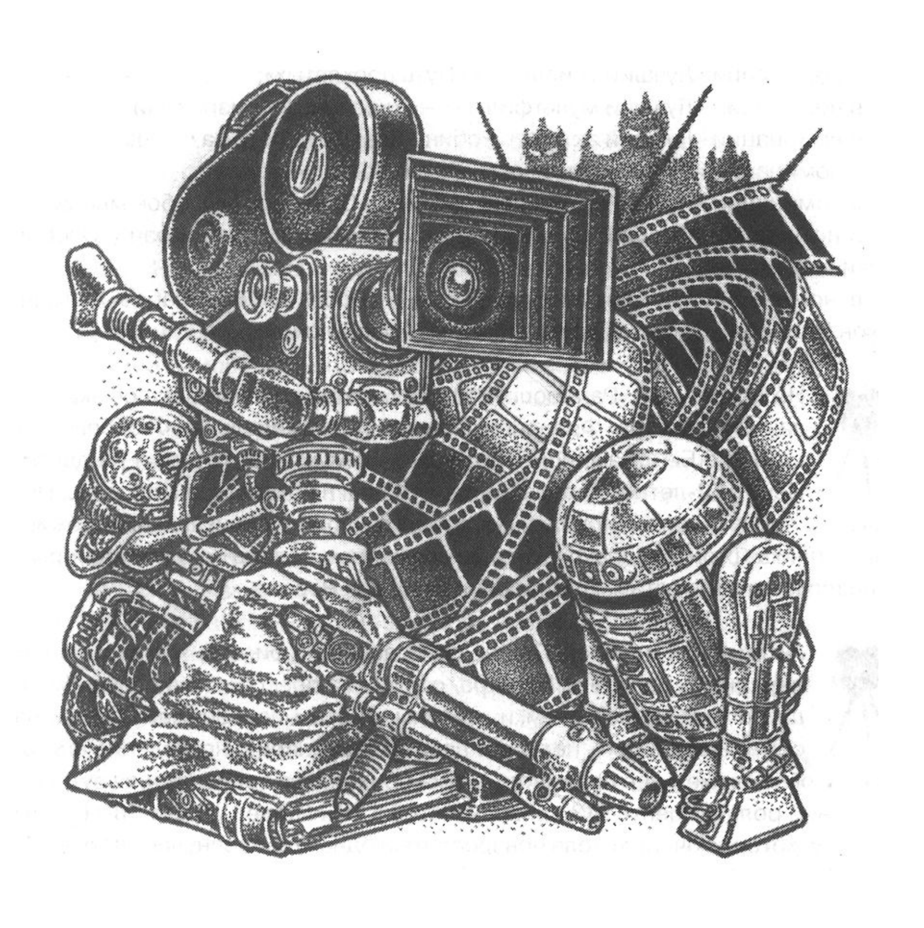
(представленные почти сплошь достойными вещами) не казались бедными родственниками на фоне западных коллег, а те не выглядели гуингнмами среди йеху. И уж, конечно, не пришло бы в голову Беле Клюевой пристегивать к признанным западным мэтрам когонибудь из здешних литературных микроцефалов – с целью поднятия его рейтинга...

Однако, боюсь, в случае с «авантовской» Антологией дело не только и не столько в рейтингах. Похоже, принцип ГМП задействован из соображений более глобального свойства: речь идет о намеренной дезинформации массового читателя. Не секрет, что русскоязычная фантастика сегодня суть явление сугубо «внутреннее», что почти никого за пределами СНГ и Балтии (ну и Израиля отчасти) она не интересует, а ее сегмент в мировом пироге скукожился до нескольких символических процентов. Причина этого – не в какой-то нашей фатальной невезучести и не в происках врагов, но в том, что преобладают у нас сейчас либо подражания западным образцам вкупе с минимальным местным декором (и потому стороннему потребителю логичней обращаться к оригиналам), либо крикливое выпячивание своей «особости» в пику соседям (а кого из соседей увлечет такое мазохистское чтение?). «Аванта» же занимается сознательной фальсификацией реальности, пристраивая к чужим небоскребам свои кривые времянки и делая вид, будто всё вместе – единый архитектурный комплекс. При этом я даже не исключаю, что издатели Антологии полагают свой обман возвышающим и весьма патриотическим. Однако лукавство никогда еще не помогало национальному престижу. Лучше медленно, по шажку в год, наращивать реальный литературный потенциал, чем позориться перед всем миром. Ведь тексты в сборниках говорят сами за себя. Попробуйте-ка убедить едока, что в паштете из вальдшнепов с добавлением конины вальдшнеп по вкусу ничем не лучше лошади.

Роман Арбитман

ОТ РЕДАКЦИИ: Напоминаем, что мнение автора колонки «Арбитмания» далеко не всегда совпадает с мнением редакции. Вот и в данном случае некоторые тезисы Романа Эмильевича представляются крайне сомнительными. Да, конечно, русскоязычная фантастика в США почти никого не интересует — как и франкоязычная, немецкоязычная. Но в силу провинциальности ли? Или как следствие политики культурного империализма?.. Да и потом, мы же живем не в Штатах. Так можно ли выпускать в России «Антологию мировой фантастики» и не включать туда отечественных авторов? На наш взгляд, вопрос риторический.

ПЛАНЕТА КИНО



Фабриканты грез

В Лос-Анджелесе прошла церемония вручения премии «Сатурн», которую каждый год присуждают члены Академии научно-фантастических, фэнтезийных и мистических фильмов. Наибольший успех выпал на долю картин «Особое мнение» и «Властелин Колец: Две крепости»: они завоевали по четыре награды в различных номинациях (премия присуждалась по 27 категориям). Вот кто получил самые важные призы:

в номинации «Лучший НФ-фильм» – «Особое мнение»;

в номинации «Лучший фэнтезийный фильм» – «Две крепости»;

в номинации «Лучший фильм ужасов» – «Звонок»;

в номинации «Лучший триллер» – «Путь проклятых»;

в номинации «Лучший мультфильм» – «Унесенный призраками»;

в номинации «Лучший актер» – Робин Уильямс («Фото за час»);

в номинации «Лучшая актриса» – Наоми Уоттс («Звонок»);

в номинации «Лучший режиссер» – Стивен Спилберг («Особое мнение»);

в номинации «Лучший сценарист» – Скотт Фрэнк, Джон Коэн («Особое мнение»);

в номинации «Лучшие спецэффекты» – Роб Коулман, Пабло Хелман, Джон Нолл, Бен Сноу («Звездные Войны: Атака клонов»).

На киностудии «Paramount Pictures» всерьез подумывают об экранизации рассказа Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда «Любопытный случай с Бенджамином Буттоном» – о мужчине, который по достижении 50-летнего возраста вдруг начал не стареть, а молодеть. Поначалу к проекту хотели привлечь культового «афро-американского» режиссера Спайка Джонза, однако что-то не сложилось. Теперь идут переговоры с гораздо менее известным постановщиком Гари Россом...

Актриса Дженнифер Гарнер, сыгравшая в фильме «Сорвиголова» персонажа по имени Электра, сообщила прессе, что в будущем году могут начаться съемки картины об этом персонаже. Правда, на сегодняшний день нет даже наброска сценария, но желание сняться в таком фильме у нее огромное. А пока приходится пробавляться рутиной – главной ролью в ленте «13 превращаются в 30». Гарнер играет 13-летнюю девочку, которая очень хотела повзрослеть и однажды проснулась в теле 30-летней женщины. Что-то подобное в Голливуде уже снимали, не так ли?

По материалам «ЗД-информ».

Своими глазами

Львы Сиона

Матрица: Перезагрузка (The Matrix Reloaded). Производство «Warner Bros.», «Silver Pictures» (США) и «Village Roadshow Productions» (Австралия), 2003. Режиссеры и сценаристы Энди и Ларри Вачовски. В ролях: Киану Ривз, Лоренс Фишберн, Кэрри-Энн Мосс, Хьюго Уивинг. Слоган картины: «Освободи свой разум». 138 мин. В российском прокате – с 21 мая.

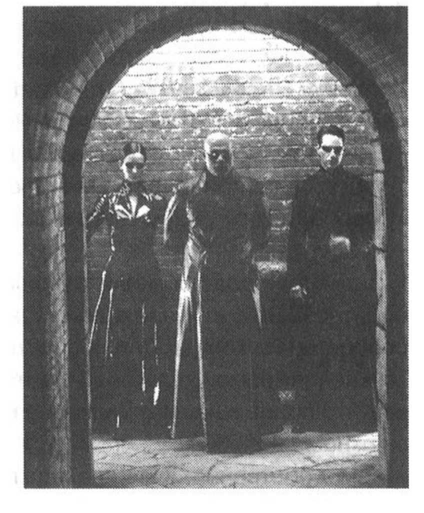
К фильмам-продолжениям отношение всегда настороженное, и это понятно: в 90% случаев единственной причиной их появления служат соображения коммерции. К счастью, первый из двух намеченных «сиквелов» самой культовой фантастической ленты последних лет внес кое-что новое в наше понимание мира «Матрицы» – и, следовательно, мира за окном.

Чем, собственно, завершалась первая картина? Тем, что персонаж по имени Нео (Ривз), сумевший самостоятельно вырваться из иллюзорной реальности, которую создала для человечества гигантская кибернетическая система (Матрица), вдруг ощутил в себе неслыханные силы. В этой самой реальности он был почти всемогущ – научился летать, научился в два счета расправляться с агентами Матрицы... А его соратники по борьбе – и в первую очередь Морфеус и Тринити – уверовали в то, что Нео – «избранный», что он спасет людей от тирании машин.

Так вот, в действительности все оказалось хуже, чем на самом деле. Не выдавая хитросплетений сюжета, рецензент чувствует себя обязанным приоткрыть «главную тайну» (благо, большинство посмотревших «Перезагрузку», как выясняется, все равно не смогли ухватить ее суть): все поступки Нео с самого начала были либо запрограммированы Матрицей, либо хитроумным способом подсказаны ему. И Нео, и другие «проснувшиеся», построившие подземный город Сион (переводчики фильма почему-то предпочитают называть его по-английски – Зион, – чем лишают ленту изрядного ассоциативного пласта), – это нечто вроде клапана, призванного компенсировать непредсказуемость человеческого поведения. А когда через этот клапан начинает вырываться слишком много пара, «избранный» должен перезагрузить Матрицу – и все повторится сначала. До Нео «избранных» было пять, и каждый из них справился с отведенной ему ролью. Один лишь герой Киану Ривза сделал иной выбор...

Надо отметить, что элемент мистики, присутствовавший и в первой

картине, во второй стал гораздо более заметным. Кажется, Нео начал творить чудеса не только в цифровом, но и в реальном мире. Наверное, это смутит ревнителей чистоты жанра. Зато в плане зрелищности «Перезагрузка» даст фору кому угодно. Количество спецэффектов увеличено впятеро (с 400 до 2000); сцена погони на автомагистрали, длящаяся не менее получаса, завораживает не хуже сказочного крысолова... А в том, что на третий фильм, который выйдет осенью, выстроятся длиннющие очереди, нет никаких сомнений. Не спроста ведь эта лента обрывается на самом интересном месте...



Каким же окажется дальнейшее развитие сюжета? По мнению рецензента, после энного числа головокружительных боестолкновений Нео удастся совладать с Главным Архитектором Матрицы. Но что он будет делать с мириадами человеческих тел, скрючившихся в желатиновых садках? Как бы не пришлось победителю Дракона отращивать длинные зубы и зеленый пупырчатый хвост!

Александр Ройфе

Рейтинг «ЗД»: ★★★★☆

Человек мутанту – друг

Люди Икс-2 (X2). Производство «20th Century Fox» и «Marvel Entertainment» (США), 2003. Режиссер Брайен Сингер, сценарий Зака Пенна, Дэвида Хайтера и Брайена Сингера. В ролях: Патрик Стюарт, Хью Джекмен, Иен Маккеллен, Брайен Кокс. Слоган картины: «Сперва они боролись за понимание. Теперь борются за выживание». 133 мин. В российском прокате – с 1 мая.

Нет никакого сомнения, что вторая часть «Людей Икс» была задумана тогда же, когда начиналась работа над первой. Для одного фильма столько самых невероятных мутантов – это слишком. Для двух – уже в самый раз. Тут тебе и телепат Чарльз Ксавье, и повелитель всех металлов Магнето, и Логан-Россомаха, умеющий заживлять свои раны с такой же скоростью, с



какой в случае опасности у него отрастают стальные когти, и управляющая природными стихиями Шторм, и мощный телекинетик Джина Грей, и Циклоп с испепеляющим взглядом, и Мистик, способная принимать любой облик... То, что в первом фильме выглядело нагромождением нелепостей, во втором – выстраивается в удивительно рельефную картину мира, в котором с человеческим видом начали происходить невероятные изменения. В самых обычных семьях начали появляться дети с удивительными отклонениями – качествами, делающими их обладателей уже не вполне людьми...

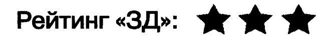
В первом фильме есть целый ряд подробностей, которые поначалу кажутся лишними, – например, регулярные «флэшбэки», рассказывающие о происхождении Росомахи; во второй картине они получают развитие. Да и сюжет отнюдь не стоит на месте. В первом фильме злые мутанты собирались уничтожать простых людей, а мутанты добрые им воспрепятствовали. В продолжении, помимо новой порции мутантов (все зажигающий Пиро, все замораживающий Бобби-Айсберг, богобоязненный и склонный к телепортации Ночной Змей, женский вариант Росомахи по прозвищу Смертельный Удар и масса эпизодических персонажей, вроде пародийной копии Гарри Поттера, переключающей взглядом каналы телевизора), появляется «третья сила» – доктор Страйкер. Он ненавидит мутантов и изучает их, чтобы потом уничтожить. Это он искусственно произвел мутацию Росомахи, это он держит в тюрьме из прозрачного пластика плененного в конце первого фильма Магнето...

Итак, Страйкер и Смертельный Удар хотят уничтожить всех мутантов, Магнето и Мистик желают извести всех людей, а компания, возглавляемая профессором Ксавье, старается не допустить ни того, ни другого. Численно их больше, однако предотвращать зло труднее, чем творить его.

Силы сталкиваются вокруг фантастической машины «Церебро», сконструированной Чарльзом Ксавье. С ее помощью можно не только найти любого человека и любого мутанта, не только моментально вступить с ними в контакт, но и уничтожить и тех, и других.

Конечно, сюжет, как у любого кинокомикса, наивен и прост, но в данном случае важен не он. Впечатляет видеоряд: удивительные спецэффекты будоражат воображение, а необычайно выразительные визуальные образы затрагивают гораздо более глубокие чувства. Чего только стоят сцены работы этой самой «Церебро», когда из вселенской тьмы, словно далекие звездочки, появляются едва заметные силуэты, они укрупняются и проясняются, превращаются в живых существ и наконец сливаются в единое человечество – не разделенное на людей и мутантов.

Андрей Щербак-Жуков



КНИЖНЫЙ КЛУБ «ЗД»

Уважаемые читатели! «Книжный клуб "ЗД"» продолжает свою работу. Любой россиянин, в каком бы отдаленном уголке страны он ни проживал, может заказать у нас новинки фантастической литературы и получить их по почте наложенным платежом.

Те книги, которые вошли в наше июньское предложение, представлены на последующих страницах. Цена указана вместе со стоимостью доставки, то есть именно эту сумму вас попросят заплатить в почтовом отделении. Однако цену **можно уменьшить**! Во-первых, 5-процентная скидка положена нашим подписчикам (для подтверждения вместе с бланком заказа пришлите ксерокопию подписной квитанции). А во-вторых, еще 5 процентов мы дарим тем, кто закажет у журнала не меньше пяти книг. Но будьте внимательны! **Не заказывайте лишнего:** если заказ не будет выкуплен, ваш адрес попадет в «черный список» и пользоваться услугами нашего «Книжного клуба» вы больше не сможете.

Итак, заполняйте бланк заказа, кладите его в конверт и до 15 июля высылайте его нам по адресу: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105 (на конверте делайте пометку «Книжный клуб»). Заказы обрабатываются в течение месяца. Приятного чтения!

Книжный клуб «ЗД»

БЛАНК ЗАКАЗА

июнь 2003

ФИО заказчика

____

____

домашний адрес

____

____

____

e-mail.

____

шифр 013 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 014 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 015 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 016 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 017 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 018 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 019 ____экз. на сумму _____руб.

шифр 020 ____экз. на сумму _____руб.

всего _______экз. на сумму _____руб.

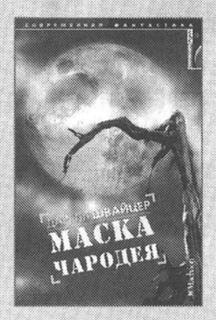
ШИФР 013



Пэт Мэрфи. ГОРОД НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СПУСТЯ. М.: АСТ, 2003. — 334 с., пер. — (New Wave). Цена — 90 руб.

Сан-Франциско. Последний «островок свободы», ставший убежищем для тысяч «людей контркультуры». Город, на который вот-вот начнется атака блюстителей «закона и порядка»... Вы читали «хиппи-утопии»? Тогда почитайте «хиппи-антиутопию»!

ШИФР 014



Дарелл Швайцер. МАСКА ЧАРОДЕЯ. М.: Махаон, 2003. — 576 с., пер. — (Зеленая Луна). Цена — 110 руб.

«Маска чародея» по праву считается одной из лучших книг последнего десятилетия. Зловещая магия, города гигантских статуй и гробниц – все это жизнь человека, который меньше всего на свете хотел бы быть колдуном, но выбора у него нет...

ШИФР 015



Сергей Юрьев. ЖЕМЧУГ БОГОВ. М.: Махаон, 2003. — 544 с., пер. — (Зеленая Луна). Цена — 105 руб.

В параллельном мире жизнь течет по своим законам: сокровенные желания и страхи становятся там реальностью. Смогут ли выжить среди всевидящих и бессмертных обитателей этого мира герои книги Сандра и Лопо, случайно попавшие туда?

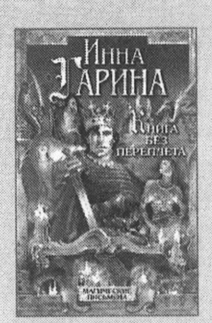
ШИФР 016



Александр Тюрин. ТОПОР ГУМАНИСТА. М.: Вече, 2003. — 480 с., пер. — (Формула победы). Цена — 100 руб.

Неважно, в какой из космических нор пытается скрыться преступник, – герой нового романа Александра Тюрина след не потеряет. Тем более что действует он в мире, до предела насыщенном компьютерами и прочими заумными штуковинами!

ШИФР 017



Инна Гарина. КНИГА БЕЗ ПЕРЕПЛЕТА. М.: Вече, 2003. — 416 с., пер. — (Магические письмена). Цена — 100 руб.

Стоило Михаилу Анатольевичу Овечкину испугаться домового, как вся его жизнь пошла на перекосяк. Пришлось обычному библиотекарю вступить в схватку с демоном, защищать принцессу, брать в руки шпагу...

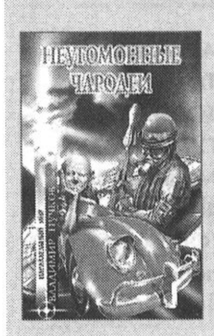
ШИФР 018



Станислав Гимадеев. ПРИНЦИП ЧЕТНОСТИ. М.: Вече, 2003. — 448 с., пер. — (Параллельный мир). Цена — 100 руб.

Сложилось так, что простой парень Сергей Шепилов очутился в загадочной резервации, живущей по своим, никому не понятным законам. К тому же еще и те, кто оказался отрезанным от человечества, начали искать виновников своих невзгод...

ШИФР 019



Владимир Пучков. НЕУГОМОННЫЕ ЧАРОДЕИ. М.: Вече, 2003. — 384 с., пер. — (Параллельный мир). Цена — 100 руб.

Странные люди населяют деревеньку Калиновка. Им ничего не стоит смастерить из подручных материалов настоящий космический корабль. А совсем рядом находится вход в тридевятое царство, где обитают драконы, гоблины и пакостник-джинн...

ШИФР 020

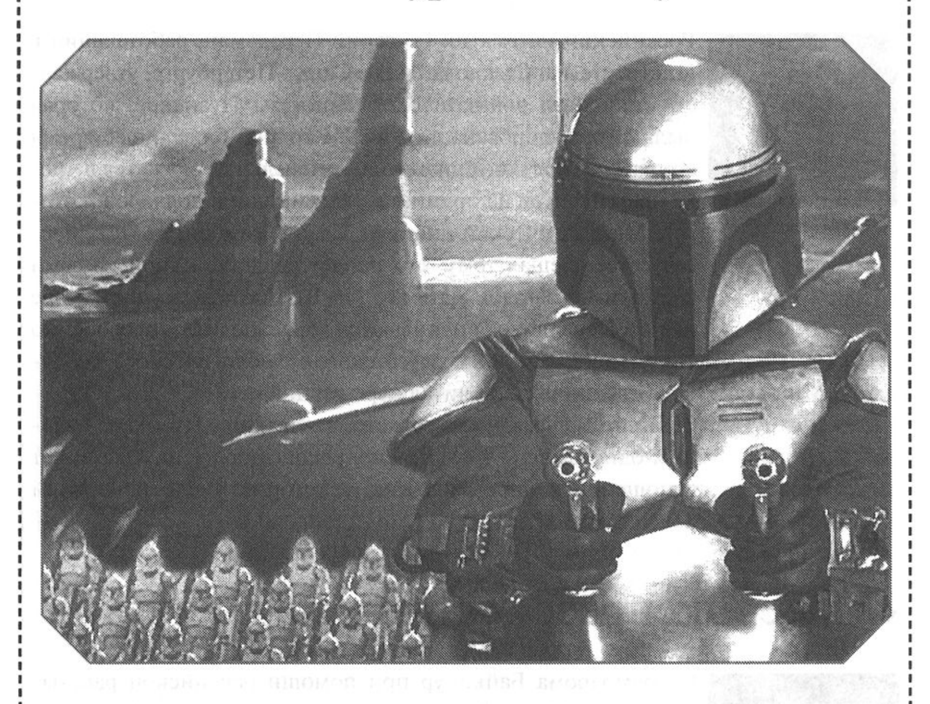


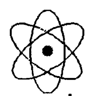
Игорь Берег. СЕЙВЕР. М.: Вече, 2003. — 480 с., пер. — (Формула победы). Цена — 100 руб.

Нелегко пришлось бы героям произведений Игоря Берега, если бы не были они клиентами фирм, спасающих в экстренных случаях. «Спасы» и «сейверы», мгновенно переносясь в сознание попавшего в беду, делают все, чтобы его выручить.

НАУЧНЫЙ ФРОНТИР

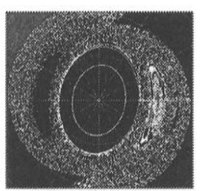
Газета в журнале. Выпуск 2





База данных

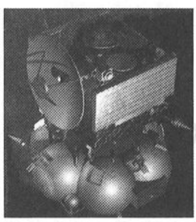
Гипотеза Пуанкаре доказана?



Российский математик Григорий Перельман, работающий в Институте им. Стеклова РАН в Санкт-Петербурге, утверждает, что нашел доказательства гипотезы Пуанкаре, которая была сформулирована еще в 1904 году. В ближайшее время его работа будет опубликована, и Перельман окажется в числе претендентов на премию в один миллион долларов, которую Математический институт Клэя в Кембридже (шт. Массачусетс) обещал тому, кто найдет решение одной из семи знаменитых загадок математики. В западном научном мире шансы Перельмана оцениваются довольно высоко, особенно его коллегами из Массачусетского технологического института, где он недавно читал курс лекций.

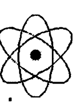
Гипотеза французского математика Анри Пуанкаре является одним из центральных вопросов топологии. Она имеет отношение к пространствам, у которых число измерений больше, чем три.

«Марс-Экспресс» отправился в путь



С космодрома Байконур при помощи российской ракеты-носителя «Союз-Фрегат» запущена станция «Марс-Экспресс» со спускаемым аппаратом «Бигль-2» (назван в честь исследовательского судна Чарльза Дарвина). Задачами этого крупномасштабного проекта Европейского космического агентства являются выяснение причин потери Марсом своих водных ресурсов и атмосферы, изучение внутреннего строения и геологической структуры Красной планеты, поиски следов существовавшей и, возможно, существующей на ней жизни, а также составление очень подробной компьютерной карты поверхности Марса.

Как ожидается, экспедиция продлится около полугода. В декабре «Марс-Экспресс» приблизится к Красной планете и начнет вращаться вокруг нее по собственной орбите. После



этого от станции отделится робот-марсоход. Он снабжен сверхпрочным буром и может производить раскопки и анализировать состав найденных минералов. Вся собранная марсоходом информация будет передаваться на станцию, а оттуда – непосредственно на Землю. «Бигль-2» способен выдерживать температуру до 100 градусов по Цельсию и должен получать энергию от солнечных батарей и собственных элементов питания.

В изготовлении станции «Марс-Экспресс» принимали участие Великобритания, Германия, Франция, Италия, а также США. Весь проект, по словам его организаторов, стал самым дешевым в истории освоения Красной планеты – бюджет его составляет 150 млн. евро.

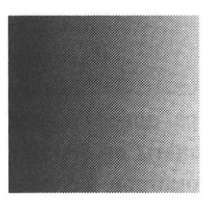
Прививка от курения



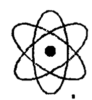
Исследователи из Университета Маастрихта (Нидерланды) сообщили о начале клинических испытаний вакцины против курения. Принцип действия вакцины состоит в том, что в организме вырабатываются антитела, связывающие никотин. А если никотин не поступает в мозг, то не формируется и болезненное пристрастие к курению. Известно, что никотин стимулирует выработку допамина, который и обуславливает положительные ощущения у курильщиков.

В Нидерландах курит почти 30% населения – один из самых высоких показателей в Европе. Неудивительно, что с курением голландцы пытаются справиться, как с эпидемией, то есть путем вакцинации.

Чернее черного



Ученые из Национальной физической лаборатории (Теддингтон, Великобритания) объявили о создании новой технологии изготовления сверхчерных покрытий с самым низким коэффициентом отражения из всех когда-либо достигнутых. Подобное покрытие, базирующееся на никель-фосфористых сплавах, может иметь широкое применение в таких областях, как радиометрия, спектроскопия и оптическая метрология. Помимо увеличения точности оптических изме-



рений, его использование приведет к уменьшению размеров и веса оптических инструментов. Плюс ко всему новые сверхчерные покрытия стареют не так быстро, как обычные окрашенные поверхности, и выдерживают огромный перепад температур.

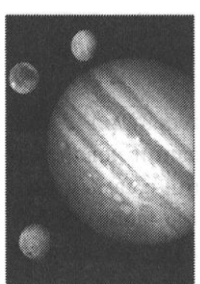
Этих тварей не задушишь, не убьешь...



В Институте биологии Южных морей (Севастополь) установили, что черви, подвергшиеся воздействию чернобыльской радиации, начали отдавать предпочтение взаимному оплодотворению вместо традиционного для них самооплодотворения. В норме только 5% процентов червей Nais pardalis ищут партнера для продолжения рода, а червям из чернобыльских водоемов необходим партнер в 22% случаев. Как известно, при таком способе размножения происходит передача генетической информации от обеих родительских особей, что делает популяцию червей в целом более устойчивой к вредоносным воздействиям.

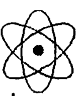
Впрочем, черви и без того крайне живучи. Целые сотни особей вида Caenorhabditis elegans пережили катастрофу космического корабля «Колумбия». Контейнеры, в которых они содержались, были найдены среди обломков несколько недель назад, однако до последнего времени не вскрывались. После вскрытия контейнеров выяснилось, что черви живы.

Еще шесть спутников



Когда-то открытие нового спутника у планеты Солнечной системы было крупным событием в мире астрономии. Теперь это обычное явление.

В начале апреля астрономы Гавайского университета Дэвид Джевитт и Скотт Шеппард, а также их коллега из Кембриджского университета Ян Клейна объявили об обнаружении еще шести небольших лун у Юпитера, доведя общее количество спутников этой гигантской планеты до 58. Небесные тела имеют диаметр несколько километров. Вероятнее всего, они были захвачены гравитационным полем Юпитера вскоре после окончания формирования самой планеты.



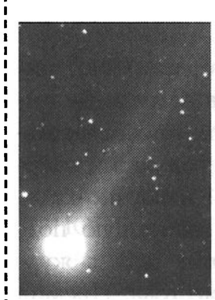
Открытие удалось сделать в ходе широкомасштабных поисков, предпринятых с использованием телескопа Франко-канадско-гавайской обсерватории. Команда Джевитта надеется довести общее количество открытых спутников Юпитера до 100.

Любовь и голод



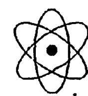
Как известно, в течение одной из фаз менструального цикла, которая называется периодом овуляции, женщина имеет возможность забеременеть. Так вот, теперь установлено, что в это время женщины едят на 5–25% меньше, чем обычно. Таким образом женский организм может больше времени уделять размножению. Скептики скажут, что процесс оплодотворения не столь длителен, чтобы так радикально изменить привычный уклад жизни. Однако ведущий специалист Центра поведения, эволюции и культуры Калифорнийского университета Даниэль Фесслер считает, что коитус – просто знак препинания в конце процесса спаривания. Активность, связанная с выбором подходящего самца, – это длительный и трудоемкий процесс, во время которого нецелесообразно устраивать перерыв на обед.

На свидание с кометой



Имена сотен тысяч землян будут выгравированы на мини-CD, который 4 июля 2005 года межпланетный зонд «Deep Impact» доставит к ядру кометы Темпля. Запуск космического аппарата запланирован на декабрь 2004-го; он станет первым рукотворным объектом, предназначенным для исследования внутреннего строения кометы не с пролетной траектории, а в результате столкновения с небесной странницей. При приближении к комете от «Deep Impact» отделится небольшой зондик из меди, который на большой скорости врежется в ядро и вызовет образование облака пыли, каковую и будут изучать при помощи аппаратуры научного модуля.

Все желающие оставить себя на скрижалях истории должны посетить сайт http://deepimpact.jpl.nasa.gov/. Прием заявок будет продолжаться до февраля 2004-го.



ПРЕМИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

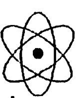
На состоявшемся в начале мая в окрестностях Санкт-Петербурга «Интерпрессконе» в очередной раз была вручена премия им. Александра Беляева. Отличный повод рассказать читателям об этой уникальной награде...

Беляевская премия соотносится с фантастической литературой примерно так же, как «газета в журнале» «Научный фронтир» соотносится с журналом фантастики «Звездная дорога»: это самые близкие родственники, живут вместе, друг без друга никак не могут, и все-таки отождествлять их нельзя. Конечно, и названа эта премия в честь известнейшего советского фантаста, и вручалась в первые годы своего существования в том числе и авторам фантастической прозы, но теперь у нее другой статут: ныне Беляевку вручают исключительно за произведения научно-популярной и научно-художественной литературы, то есть, по сути, за просветительскую деятельность.

(А ведь когда-то лауреатами премии становились братья Стругацкие, Андрей Столяров, Василий Звягинцев, Владимир Михайлов, Андрей Лазарчук, Вячеслав Рыбаков, Святослав Логинов, Мария Семенова, Александр Громов... Достойные имена, не правда ли?)

Жюри Беляевки состоит из семи человек, формирует его Союз писателей Санкт-Петербурга. Литераторы могут получить награду за лучшую просветительскую книгу года, за лучший перевод просветительской книги, за лучшую серию очерков, за лучший перевод серии очерков, а также за критику в области научно-популярной и научно-художественной литературы. Издательства награждаются за лучшую подборку просветительских изданий, выпущенную в течение года; а журналы - за наиболее интересную деятельность в течение года. Премия представляет собой нагрудную медаль и диплом, вручаемый от имени оргкомитета и петербургского СП. Церемония награждения проводится в рамках конвента «Интерпресскон», а выдвижение претендентов заканчивается 16 марта.

Кто же стал лауреатом в 2003 году? Из семи наград одна уехала в



Саратов, одна - в Москву, а пять остались в городе на Неве. Итак, победу одержали:

- Марианна Алферова (СПб.) - за книгу «История Древнего Рима»;

- Татьяна Грекова (СПб.) - за книгу «Тибетский лекарь кремлевских вождей»;

- Александра Глебовская (СПб.) - за перевод книги Умберто Эко «Шесть прогулок в литературных лесах»;

- Вадим Михайлин (Саратов) - за цикл эссе «Пространственно-магистические аспекты культуры»;

- И.Алимов и А.Хисматулин (СПб.) - за подготовку книги «Сосуды тайн. Туалеты и урны в культурах народов мира» (один из авторов этого сборника, писатель Олег Дивов, получил за опубликованный в нем рассказ специальный приз жюри);

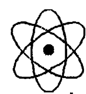
- издательство «АСТ» (Москва) - за серию «Военно-историческая библиотека»;

- журнал «Мариинский театр» (СПб.) - «за поразительную способность рассказывать о музыке языком художественной прозы».

Долгие годы главным организатором, «душой» премии остается петербуржец Андрей Дмитриевич БАЛАБУХА - писатель-фантаст, поэт, популяризатор научных знаний. Он ответил на вопросы нашего корреспондента:

- Как случилось, что вы стали «функционером» Беляевской премии? Это стечение обстоятельств или зов души?

- Как было сказано в классике, «не корысти ради, а токмо волею пославшей мя...» Не жены, правда (хотя и она в том впоследствии активное участие принимала, за что низкий ей поклон), но питерской Секции фантастической и научно-художественной литературы, в кою пришел мальчишкой в 1961 году и состою по сей день. Сама идея Беляевской премии родилась у моего покойного друга и коллеги Анатолия Федоровича Бритикова, когда шла подготовка к столетию со дня рождения Александра Беляева. Но тогда не ко двору пришлось. В начале 90-х стало попроще, и премию учредили: она вручалась от имени Ленинградской писательской организации и генерального спонсора - НПО «Буревестник». И, естественно, поскольку инициатором выступила наша секция, то и премия была двуединая - и за НФ, и за научно-художественную литературу. Кому-то всю эту организацию пришлось на себя брать. Вот и взяли: от секции - я, от «Буревестника» - Борис Чернин. Так и тянем до сих пор. Вот и получается: не было бы зова души - не взялся бы, уж как-нибудь да сумел бы отвертеться; не сложились бы обстоятельства - ничего бы не получилось, как не вышло тогда, в восемьдесят шестом...



- Почему в свое время было решено отказаться от вручения Беляевки за фантастику и остался один «научпоп»?

- А это было решено три года назад. Когда мы все затевали, Беляевка в отечестве нашем была второй премией за фантастику (из профессиональных старше только екатеринбургская «Аэлита» - это если оставить в стороне те, что присуждались КЛФ, вроде хабаровского «Фанта»). С течением времени выяснилось, что в этой области литературы не присуждает премий только очень уж ленивый: и «Бронзовая Улитка», и премия «Интерпресскон», и «Странник», и «Звездный мост», и «Зилант», и «Роскон», и премия сайта «Русская фантастика» (простите великодушно, если кого-то не поименовал, хотя, подозреваю, не поименовал многих). Да и грань между фэнами и профессионалами начисто стерлась - как и должно было случиться, большинство из них сами стали писателями да издателями. В этом ряду одной премией больше, одной меньше - никому от этого ни тепло, ни холодно. А вот в области литературы научно-художественной наша Беляевская премия - единственная пока (увы!) на бескрайних просторах бывшего Союза. А что нужна такая - спору нет, вон их в каждой стране сколько! Нива-то обширнейшая, к тому же сейчас мало-помалу становится не менее престижной, чем беллетристика, как то и заведено во всем остальном читающем да пишущем мире. Это у нас до поры до времени был пренебрежительно именуемый «научпоп», авторы которого (блистательные, замечу, вроде Ярослава Голованова, Даниила Данина, Кира Булычева с его «1185 годом», Льва Успенского, наконец) в большинстве своем почитались некими маргинальными «недописателями». Теперь все встает на свои места.



- Как вы оцениваете уровень российской научно-популярной литературы сегодня? Есть ли в ней яркие имена?

- Разумеется, есть, о чем свидетельствует хотя бы практика Беляев-

ской премии (но и не только, конечно). «История Древнего Рима» Марианны Алферовой стоит у меня на полке на самом почетном месте. А рядом - «Египетская мифология» Ивана Рака. А рядом - блистательная «Русская Атлантида» Андрея Буровского. А рядом - великолепная «пиратская» трилогия Александра Снисаренко «Эвпатриды удачи», «Рыцари удачи» и «Джентльмены удачи»... Это - история. А техника? Вот хоть «Воздухоплавание» Юрия Бойко... А биографический жанр? Тот же «Тибетский лекарь кремлевских вождей» Татьяны Грековой... Словом, mille a tre. И еще больше будет.

- А какое место занимает наука в современном обществе? Миновали мы уже период скептического к ней отношения, как по-вашему?

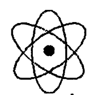
- Вообще-то на сей счет надо не в нескольких словах отвечать, а книгу писать. Скептическое отношение? А к чему, скажите, стоит относиться иначе? Едва мы начинаем к чему-то относиться восторженно, как радостное опьянение незамедлительно и неизбежно оборачивается похмельем. И наука тут не исключение (она сама суть феномен, подлежащий изучению, и вот это действительно интересно). Но это не означает, что от науки ждать нечего. Просто она - как стихия. Может облагодетельствовать, может угробить, паруса надуть и крышу снести... Это уж как повезет. Но без нее-то как? Ничем не заменишь.

- Чего вообще можно ждать от науки в XXI веке? Где могут располагаться «направления прорыва»?

- А этого никто никогда заранее не знает. Ни сами ученые, ни популяризаторы, даже самые блестящие, ни фантасты - заметьте, тех научных революций, что преобразили XX век, никто ведь не предрек. Предсказать можно лишь линейное, планомерное развитие. Прорывы непредсказуемы по определению.

- А что вы посоветуете молодому человеку, который находится на распутье - то ли в науку податься, то ли фантастику писать?

- Ивану Антоновичу Ефремову и то, и другое неплохо удалось. Или Фреду Хойлу. Выбирать вообще не надо. Надо идти туда, куда больше тянет сейчас: дорогу-то сменить никогда не поздно. Еще лучше не менять, а по нескольким сразу шагать. Но это уж кому как на роду написано: есть однолюбы, другим гарем подавай. Давным-давно был сформулирован девиз, лучше которого не придумаешь: «Делай что должно - и будь что будет». А что именно должно (ему лично, сейчас и здесь) всяк решает для себя. Граф де ла Фер не зря говаривал: «Совета просят затем, чтобы потом было кого обвинить в неудаче». И был совершенно прав.



База данных

Все люди – братья?



Судя по анализам ДНК, взятых у разных народов, предки всех современных людей совершили свою первую миграцию где-то 70 000 лет назад и расселились из Африки по остальному свету. К таким выводам пришли генетики из Стэнфордского университета и Российской Академии Наук. В статье, опубликованной в американском журнале «Human Genetics», исследователи обосновывают свои выводы относительно того, что численность народа, мигрировавшего из Африки, составляла всего лишь около 2000 человек.

«Эта оценка не отрицает наличия других поселений homo sapiens в Африке, хотя они, вероятно, были генетически изолированы друг от друга. Современные люди происходят только от одного народа или, в крайнем случае, от нескольких родственных племен», – уверяет Маркус В. Фелдман, профессор из Стэнфорда.

Если все люди вышли из одного корня, то это легко объясняет их генетическую идентичность. Хотя небольшие химические изменения генома, отличающие один народ от другого, конечно же, имеют место. В ходе исследования ученые сравнивали ДНК, отобранные у 1056 индивидуумов, представляющих 52 географические зоны.

Космический велосипед

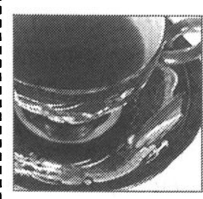


Ракетный самолет SpaceShipOne, созданный американским авиаконструктором Бертом Рутаном, совершил первый испытательный полет. Правда, это был не самостоятельный полет, а лишь «вывоз» в небо на подвеске самолета-носителя, взлетевшего с аэродрома Мохаве (шт. Калифорния). Но начало положено, и вскоре следует ожидать новых испытательных рейсов уже в автономном режиме. Подробности испытаний не разглашаются. Так, неизвестны ни высота, на которой проходил полет, ни его продолжительность.



В настоящее время аппарат SpaceShipOne считается фаворитом в борьбе за так называемый X-prize. Чтобы победить в этой гонке, в которой участвуют 23 группы конструкторов из нескольких стран мира, необходимо: а) создать без помощи государства летательный аппарат, способный поднять трех человек на высоту более 100 км, б) обеспечить их благополучное возвращение на Землю, в) повторить полет того же самого летательного аппарата в пределах двух недель со дня первого полета.

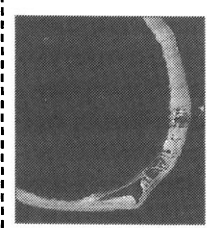
Где чай, там не пахнет



Ученые из Университета штата Иллинойс обнаружили, что в чае содержится вещество полифенол, которое препятствует росту бактерий, вызывающих неприятный запах изо рта. Это явление объясняется наличием в дыхании сульфидных газов (в основном сероводорода и метанетиола), которые испускают в процессе жизнедеятельности некоторые бактерии, живущие на поверхности языка и горла.

В лаборатории ученые поместили бактерии вместе с чайными полифенолами. После двух суток исследователи обнаружили, что развитие бактерий притормозилось, а их концентрация упала на 30%.

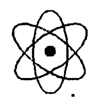
Парниковый эффект: первые жертвы



Первыми жертвами глобального потепления на Земле станут два атолла в Тихом океане, принадлежащие Папуа Новой Гвинее. Сейчас власти страны пытаются убедить 2400 местных жителей, чтобы они отказались от своих домов, которые уходят в океанские глубины.

Ученые полагают, что основная причина затопления атоллов состоит в повышении уровня Мирового океана. Уже повсюду в мире наблюдаются подобные явления, особенно на островах, поднимающихся над уровнем моря на 1–2 м. В этом смысле острова Океании самые уязвимые.

При подготовке раздела были использованы материалы сайтов www.pereplet.ru, www.nauka.lucksite.com, www.scitelibrary.ru, а также собственная информация «ЗД».



Точка отсчета



Эдуард Геворкян

КЛОН! КЛОН!

«Возможно, что в не слишком отдаленном будущем мы научимся выращивать человека из одной-единственной клетки, взятой практически из любой части тела донора. Если дело до этого дойдет, то, выходит, уже сейчас любая клетка моего тела имеет "потенциальную возможность" превратиться в человека, стоит лишь сохранить ее соответствующим образом...»

Карл Саган «Драконы Эдема»

Злосчастная овечка Долли откинула копытца, и ее чучело сейчас мирно стоит в музее. Это событие прошло почти незамеченным, а ведь сколько шума было не так уж и давно! Впрочем, «папаша» бедной овечки Иен Вилмут уже вошел в историю биоинженерии, поскольку первым вырастил млекопитающее, полученное методом клонирования. Зародыши клонировались из яйцеклетки, ядро которой было пересажено из клеток эпителия молочной железы взрослой овцы другой породы. Для этого клетки эпителия выращивали в условиях нехватки питательных веществ. Микропипеткой стыковали друг с другом «пустую» яйцеклетку и «оголодавшую» эпителиальную клетку. Дважды пропускали через них электрический разряд. Первый раз, чтобы добиться слияния, второй - дабы оторвать друг от друга. Было предпринято 433 попытки, из них благополучно завершились 277. Однако после переноса эмбрионов в овцу-носитель родилась только одна овечка Долли.

Впрочем, это не помешало оптимистам ударить в литавры, а пессимистам забить тревогу.

Разговоры о том, что развитие техники клонирования быстро приведет к тотальному исцелению от множества недугов, перемежались страшилками о недобросовестных ученых, которые примутся штамповать людей для последующего их разбора на запчасти. Напрасно здра-

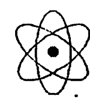
вомыслящие специалисты объясняли возбужденной общественности, что нового Гитлера, Сталина или Мэрилин Монро в принципе вырастить невозможно, поскольку уникальная личность человека невоспроизводима. Напрасно намекали на то, что вырастить новую руку или ногу для инвалида - задача пока еще не решенная. Надежды и страхи, умело раздуваемые журналистами, в итоге завершились тем, что в ряде стран клонирование человека законодательно запрещено под угрозой крупных штрафов и больших сроков.

А тут еще и сектанты подлили маслица в огонь околонаучных страстей. О компании «КлонЭйд» мало кто знал до тех пор, пока ее директор Бриджит Буаселье не объявила, что в 2003 году у них появятся на свет несколько клонированных детей. Скандал случился, когда вскрылось, что за этой компаний стоит секта так называемых рейлионитов (раэлитов). Приверженцы Raelion cult уверены, что людей создали инопланетяне с помощью клонирования, и ради подтверждения своих идей они готовы воспроизвести сей акт творения.

Долго и со вкусом средства массовой информации обсуждали слухи о том, что у рейлионитов то ли уже появился клонированный ребенок, то ли вот-вот появится целый выводок. Но мало кто обратил внимание на тот факт, что у ряда млекопитающих некоторые гены, ответственные за так называемое «перепрограммирование», оказались недостаточно активны. То есть стандартная технология, когда из неоплодотворенной яйцеклетки удаляется материал, отвечающий за генетическую память, и вводится ДНК донора, в этом случае не работает. Во время попыток клонировать обезьян процесс беременности прерывался, даже не начавшись. А кто поручится, что не велась работа и с человеческими клетками? Одним словом, с приматами дело о клонировании зашло в тупик, страхи о нашествии клонов временно позабылись.

Мало того, выяснилось, что старение клеток у той же овечки протекло почти в три раза быстрее, чем предполагалось. То есть организм Долли при рождении был биологически немолод, и она умерла от старости, так и не успев вволю попастись на сочных травах Шотландии.

Вообще-то, лет за десять до ее рождения, а именно в майском номере за 1987 год журнала АН СССР «Биофизика» была опубликована статья наших ученых «Электростимулируемое слияние клеток в клеточной инженерии». В статье подробно описывалась технология, которую впоследствии применил и запатентовал Вилмут. Эксперименты советских исследователей завершились успешным клонированием мыши-альбиноса, которую назвали Машкой. Об этом достижении в журнал «Nature» была отправлена статья, но ответа наши ученые так и не по-



лучили. Зато о Вилмуте в том же журнале через десять лет... Впрочем, вопрос приоритетов должны решать законники.

Недавно американцы клонировали мула. И ничего, никакой шумихи. Серьезные ученые поговаривают, что с помощью клонирования можно вернуть к жизни вымершие виды животных - от лошади Пржевальского до мамонта. Сообщения об этом вызывают лишь секундный интерес у обывателя, проглядывающего новостную колонку в газете.

Его оставляют равнодушным и публикации о том, что наиболее перспективным направлением в клонировании является использование так называемых стволовых клеток, из которых в эмбрионах развиваются клетки взрослого человека. Предполагается, что это универсальный материал, из которого можно вырастить практически все - от пальца до человеческой особи в целом. С их помощью можно заменить погибшие ткани организма, излечить множество тяжелых болезней...

В принципе, спокойное отношение к «прорывным» технологиям - непременный атрибут прогресса. Привыкание к самым фантастическим открытиям, к невероятным изобретениям и умопомрачительным достижениям - вещь вполне естественная для человеческого разума. Сегодня это уникальный образец, а завтра заработает конвейер. Сегодня это дорогой деликатес, а завтра трансгенный продукт, которым можно накормить миллионы голодных ртов. Сегодня бездетность - бич многих семей, завтра клонированные малыши, генетические двойники родителей, наполнят их дома радостью.

Однако универсальная доступность товаров и услуг, примета глобализации, при всей соблазнительности может сыграть с нами дурную шутку. Дело не в том, что реализуются многократно описанные фантастами катастрофические сценарии - восстание клонов, пандемии, истребляющие все живое в результате неосторожных экспериментов, генетическое перерождение людей, вымирание человечества из-за бесплодия, вызванного новой пищей... Все это, будем надеяться, так и останется вымыслом, игрой ума, предостережением.

С другой стороны, развитие биотехнологий неизбежно приведет к тому, что в обозримом будущем радикально изменится характер войн и конфликтов. Речь не идет о пошлом использовании возбудителей таких смертоносных болезней, как чума, сибирская язва и проч. Биологическое оружие настолько совершенствуется, что сам факт войны может остаться незамеченным. Незаметные сдвиги в демографических процессах, участившиеся случаи падежа скота, неурожай, чуть больше осложнений после гриппа...

Что-то знакомое, не правда ли?

В ближайших номерах

«Звездной дороги»

читайте повести и рассказы

Кира Булычева,

Эдуарда Геворкяна,

Леонида Кудрявцева, Льва Вершинина

Подписные индексы журнала –

81935 (каталог «Роспечать»)

или 38429 (Объединенный каталог)

